

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Государственная инспекция труда Свердловской области
Департамент по обеспечению деятельности мировых судей Свердловской области
Уральское отделение Вольного экономического общества России
Уральская торгово-промышленная палата

Уральский государственный экономический университет

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА
ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Материалы
II Международной научно-практической конференции
(Екатеринбург, 16 апреля 2018 г.)

Екатеринбург
Издательство Уральского государственного экономического университета
2018

УДК 341.1/8:341.9:331.104(082)

ББК 67.91+67.93я431

П78

Ответственные за выпуск:

доктор юридических наук, доцент *Г. З. Мансуров*

кандидат юридических наук *А. В. Головизнин*

П78 **Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений** [Текст] : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16 апреля 2018 г.) / [отв. за вып.: Г.З. Мансуров, А.В. Головизнин] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. — 134 с.

В сборник включены статьи участников конференции, проведенной Уральским государственным экономическим университетом. В работе конференции приняли участие сотрудники образовательных организаций, магистранты, работники правоприменительных и правоохранительных органов Российской Федерации, а также зарубежных стран. В сборнике рассмотрен широкий спектр вопросов, связанных с поиском баланса частноправовых и публично-правовых способов регулирования экономических отношений.

Для профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и бакалавров, а также практических работников.

УДК 341.1/8:341.9:331.104(082)

ББК 67.91+67.93я431

© Авторы, указанные в содержании, 2018

© Уральский государственный
экономический университет, 2018

Anisimov A. L.

Ural State University of Economics, Ekaterinburg

Polyakova E.

University City, London, UK

Is Gazprom a Natural Monopoly in the EU Energy Market?

The activity of the Russian multinational energy corporation «Gazprom» on the European energy market is considered by the author from the point of view of the criteria for classifying an economic entity in the EU countries as a natural monopoly. The article presents the indicators of consumption and own production of natural gas by European countries, as well as trends in the supply of «Gazprom» and other participants in the energy market of the European Union. It is noted that today the company «Gazprom» is the largest supplier of the European gas market, but the countries of Europe to varying degrees depend on the supply of Russian gas. The author noted that the European Union applies measures that do not allow any of the supplier companies to become a monopolist in the European energy market. Thus, at the legislative level, the third EU energy package was adopted, the aim of which is to ensure a high level of competition in the gas market; the European Commission developed and presented the «Energy Road Map 2050». According to the author, transnational energy corporation «Gazprom» is not a natural monopoly on the energy market of the European Union.

Keywords: natural monopoly; natural gas; natural gas market; gas supply; energy market.

Gazprom is one of the largest corporations in Russia that produces, processed, transported and also sells natural gas. «The company was founded in 1989 by the Russian government». As a result, the Russian government has significant control over the company, which is 51 percent of the company's total shares. However, the company is listed as a private company. Annually, the company produces about 419.07 billion cubic meters of natural gas, which, according to the world's natural gas production, accounts for more than seventeen percent of the world's natural gas production. Gazprom in the Russian market is certainly a monopoly, since the transportation and sale of gas for export is Gazprom's monopoly. Based on the basic understanding, a monopoly is a situation where a person or business is the only supplier of a certain product or service. «Natural monopoly, on the other hand, is a special type of monopoly that exists, because the initial costs associated with starting and running a business are significantly high» [2]. This essay will establish whether Gazprom is a natural monopoly with regards to its market dominance in Europe.

First, it is worth considering the criteria for a natural monopoly in the EU. «An enterprise is recognized as a monopolist if it occupies a dominant position in the market of a product that does not have substitutes or in the market of interchangeable goods. This situation allows him to impede access to the market for other producers, dictate their terms to them and consumers» [3]. Let us also consider the trends in gas supplies to the EU market. According to official estimates, the company estimates that in 2015 gas consumption in Europe in-

creased from 484.4 to 510.8 billion cubic meters. Own production fell by 2 percent, to 258.8 billion cubic meters (mainly at the expense of the Netherlands), while imports increased by 13.9 percent, to 252 billion cubic meters. Moreover, most of the producers increased supplies namely «Gazprom» (by 8.2 percent, to 158.6 billion cubic meters). Due to this, its share has increased from 30.2 percent to about 33 percent, the company's materials show. At the same time, Algeria's supplies, on the contrary, decreased by 10 percent, while Qatar grew slightly. In 2016, Gazprom delivered 180 billion cubic meters, thereby updating records on the volume of supplies to Europe. All these growth trends led to the fact that in 2016, Gazprom began to occupy a record share of 33 percent in the EU market. Investigating all these tendencies, world analysts believe that by 2020 Europeans will increase the demand for Russian gas to 200 billion cubic meters per year and then Gazprom will be able to increase its share in the European market. The energy market of the European Union consists of several sources of energy: fossil (coal, gas, oil), nuclear and renewable (solar energy, wind energy, etc.). The natural gas that Gazprom supplies to the EU market belongs to fossil energy sources and, in connection with this, its share in the total supply to the EU energy market is not a monopoly. In addition, Gazprom is not a monopolist even in the supply of fossil energy sources. In addition to gas, as mentioned above, coal and oil are among the fossil sources of energy. Now consider the share of Gazprom in the total volume of natural gas supplies to the EU. To date, according to statistics, this share is 33 percent, which makes the company the largest supplier of the European natural gas market. However, all the countries of the European Union depend to a varying extent partly on Gazprom's supplies. To practically independent belong Netherlands, Norway, Great Britain, etc. Since these countries are engaged in their own gas production. For example, «The Netherlands has recently provided more than 10 percent of the EU's natural gas needs. However, serious problems at Groningen forced the government to limit production in order to extend the life of the field. In 2015–30 billion cubic meters per year» [1]. In addition, countries such as Portugal and Spain are also countries that are practically independent of gas supplies to Gazprom, but for the reasons that they receive liquefied gas from other sources. Partially dependent are: Switzerland, Italy, France, etc. And also to the completely dependent countries are Slovakia, Estonia, Latvia, Lithuania, because these countries were included in the gas transport system of the USSR and could not receive gas from other sources. In addition, the main goals of Gazprom in the European market are to maintain the leading positions, ensure reliable gas supplies and improve the efficiency of its marketing activities.

European countries have been among the main consumers of Russian gas for more than 40 years. The last two years in the countries of the European Union, gas consumption has been increasing. «According to preliminary data,

last year it increased by 6 percent compared to 2015, reaching 447 billion cubic meters. The increase in consumption is explained by the transition of many European TPPs to gas that replaced coal. The growth trend will continue this year, Western experts say. Therefore, at the moment, Gazprom is the largest exporter of natural gas to the European market». However, besides to Gazprom, such countries as Norway, Algeria, and Qatar carry out exports of natural gas to Europe. In addition, terminals for the acceptance of liquefied natural gas are currently being built in Europe, for example, the newly constructed terminals in Lithuania and Italy. This already makes it possible to take liquefied gas from other countries such as Qatar and the US, which will further intensify competition in the natural gas market in Europe, which will make it very difficult for any country in the world to become a monopolist.

Gas consumption in Europe is 447.01 billion cubic meters per year. Own gas production in Europe is 35–40 percent of the total gas demand in Europe, the remaining percent are supplied by international gas companies. To control the import of gas, the European Union has taken impressive measures that prevent one of the companies from becoming a monopolist in the European market. This is the adoption of the third energy package. Currently, the main four areas of antitrust policy in the European Union can be identified: the prohibition of agreements restricting competition, the prohibition of abuse of dominance, the control of state aid, and control over the merger. According to the events of 2015, Gazprom was accused of dividing the EU gas markets, preventing the free flow of gas through the European member states. And In Establishing unfair prices for their customers by linking the price of gas to oil prices. All these actions have caused serious sanctions for the corporation. Although, «the agreed settlement will allow Gazprom to avoid a fine, but he will have to assume mandatory legal restrictions that would affect all the Commission's concerns about her behavior». In addition, the EU creates special gas pipelines between countries for the unimpeded flow of gas through the European states. At the legislative level, 3 energy packages of the EU have been adopted. The objective of this is to ensure a high level of competition in the EU, which in future should reduce prices for consumers. The main idea of the EU energy package is to oblige companies in the fuel and energy sector to divide up the business of extracting and transporting energy resources and to provide access for the third country's highways. What first of all touched Gazprom, in particular, its «northern stream OPAL and NEL». EU countries are increasingly organizing and filing lawsuits trying to lead them into a lawsuit in order to cancel Gazprom's rules (take and/or pay) and to refuse to bind gas to oil prices.

«In December 2011. The European Commission presented the Energy Road Map 2050, in which it reflected its vision for the development of the European energy sector until 2050». By 2030, the share of renewable sources should

be at least 49 percent; Atomic energy 17%; Traditional hydrocarbon energy 34%. At the same time, the volume of consumption of the European-gas energy will increase from 160 billion cubic meters to 180–200 billion cubic meters. However, at the same time, the use of gas from 150 billion cubic meters to 74 billion cubic meters will be more than halved. In this way, the demand for gas in the EU in 2030 will be at the current level or will not increase significantly. Such a diversification of energy sources in the EU countries does not allow us to hope for an increase in gas consumption in the EU, as well as a set of measures listed above on the introduction of the third energy package to increase the share of renewable energy sources, and the construction of new terminals for SPEG gas acceptance. The emergence of new suppliers will allow and create a strong competition in the EU gas market and will not allow any of the companies to take a monopoly place. Also, the introduction of antitrust litigation against the company does not allow it to enjoy a preferential monopoly on the EU market.

The adoption of the third energy package, the diversification of supplies from various companies from different countries, the expansion of terminals for accepting liquefied gas, the creation of gas pipelines between European countries, the transition to energy supplies from renewable sources will not allow any company (including Gazprom) to monopolize the European market gas. And in the future, the implementation of the Energy Road Map 2050 program will help the EU fulfill its ambitious plans for the development of European energy. In conclusion, all of the above can be concluded that Gazprom is not a natural monopoly on the energy market of the EU.

References

1. *Karabyants A.* Europe sat down on Russian gas. URL: <https://1prime.ru/articles/20170126/827087241-print.html>. (in Rus.)
2. *A-Level Economics: Year 1 & 2 Complete Revision & Practice (CGP A-Level Economics).* Coordination Group Publications Ltd., 2015.
3. *Posner R. A.* Natural Monopoly and Its Regulation. Cato Institute, 1999.

Анисимов А. Л.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Факторы конкурентоспособности хозяйствующего субъекта: экономико-правовой подход

Практически в любом виде экономической деятельности можно выявить тенденцию усиления конкурентной борьбы как между предприятиями, так и между индивидуальными предпринимателями, производящими аналогичную продукцию. Данная ситуация влечет за собой повышение конкурентоспособности национальной экономики в целом, исходя из чего проблема повышения и управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта заслуживает особого внимания. Процесс повышения конкурентоспособности рассматривается автором как непрерывный, планомерный поиск и реализация управленческих решений в сфере производственной деятельности исходя из избранной стратегии развития, с учетом изменений в окружающей среде и состояния самого субъекта хозяйствования. Конкурентоспособность определяется набором факторов, который представляется достаточно широким, из чего вытекает необходимость разработки единой методики их выявления, анализа, обработки и идентификации для принятия управленческого решения.

Ключевые слова: конкурентоспособность; факторы конкурентоспособности; уровень конкурентоспособности; система факторов конкурентоспособности.

Конкурентоспособность хозяйствующего субъекта и связанные с этим проблемы [1, с. 362] зависят от значительного числа факторов, выявление и учет которых позволит определить не только степень их влияния на состояние конкурентоспособности, но и управлять ею с целью улучшения конкурентной позиции на рынке. Под фактором конкурентоспособности понимается причина или движущая сила какого-либо процесса, которые определяют их характер, а также степень воздействия на те или иные показатели деятельности хозяйствующего субъекта, определяя, в конечном итоге, его положение на рынке. В качестве таких факторов можно выделить окружающую среду, обстоятельства, ситуации [2, с. 90], т. е. те условия, наличие и влияние которых заставляет хозяйствующего субъекта определять характер своего поведения, ориентироваться на достижение определенной цели, функционировать и развиваться вполне определенным образом. Необходимость классификации факторов, определяющих состояние конкурентоспособности хозяйствующего субъекта, подчеркивается в работах современных российских [1; 2] и зарубежных исследователей [4; 5]. Практическое значение такой классификации заключается в том, что она позволяет оценивать характер влияния тех или иных факторов на конкурентоспособность субъекта хозяйствования, избирать и применять более рациональные и оптимальные меры в конкретной ситуации в целях предотвращения или частичной нейтрализации

действия конкретных факторов. Практически все исследователи изначально подразделяют факторы конкурентоспособности на две основные группы — внешние, наличие которых, фактически, не зависит от хозяйствующего субъекта, и внутренние, по сути, полностью зависящие от его деятельности. В дальнейшем внешние и внутренние факторы соответствующим образом детализируются, причем подход к такой детализации, в целом, принципиально одинаков [2, с. 90]:

- уровень конкурентоспособности государства;
- уровень конкурентоспособности административно-территориального образования;
- уровень конкурентоспособности отрасли;
- государственную поддержку бизнеса;
- состояние правового регулирования в экономической сфере;
- научный уровень управления в сфере экономики;
- состояние финансовой и налоговой политики государства;
- природно-климатические условия и ряд других.

Подобным же образом представлены основные внутренние факторы конкурентоспособности хозяйствующего субъекта [2, с. 91]:

- качество продукции (товаров, работ, услуг);
- эффективность маркетинговой стратегии;
- технологический уровень производства;
- квалификация персонала и прочие внутренние факторы.

Отметим, что указанные выше российские исследователи не обошли вниманием государственную экспортно-импортную политику; государственную экономическую политику в странах-экспортерах и импортерах; показатели эффективности функционирования финансового рынка в стране; уровень развития государственной инфраструктуры; международное разделение труда, состояние финансирования государственных целевых программ; государственную систему стандартизации и сертификации продукции; деятельность общественных и негосударственных институтов (как внешние факторы), а также производственную и организационную структуру хозяйствующего субъекта; состояние учета и регулирования на производстве; информационную и нормативно-методическую базу управления; функционирование системы менеджмента качества; развитие системы сбыта продукции; состояние и уровень защиты конфиденциальной информации; применение современных информационных технологий; мотивацию персонала на повышение качества продукции (как внутренние факторы) и ряд других. Анализируя представленный выше массив факторов можно выделить отдельные их группы, в том числе: структурные факторы, включающие в себя, в частности, организационную и производственную структуру хозяйствующего субъекта, его миссию, специа-

лизацию и концентрацию производства, информационно-методическую базу управления; ресурсные факторы (наличие ресурсов, эффективность их использования); технические факторы (применяемая технология, используемое оборудование); управленческие факторы (эффективность и качество управления); маркетинговые (реклама, ассортимент выпускаемой продукции, организация сбыта, политика ценообразования) и другие группы факторов: нормативно-правовые, конъюнктурные, структурные, административные, географические, демографические [3; 5]. На рисунке представлена система факторов конкурентоспособности хозяйствующего субъекта с позиции их правового обеспечения.

**Факторы конкурентоспособности хозяйствующего субъекта
с позиции их правового обеспечения**

В качестве правового обеспечения факторов конкурентоспособности хозяйствующего субъекта можно указать Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» с изменениями, вступившими в силу с 31 июля 2017 г., разъяснения о применении которого содержатся в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства», а также в «Обзоре по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере» (утв. президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.).

Представленная система факторов является концептуальной, может и должна быть дополнена и детализирована как с позиций уровневого подхода (факторы мегауровня, макроуровня, мезоуровня и микроуровня), так и с позиций системно-целостного подхода: например, политические факторы включают в себя государственную налоговую, финансовую, таможенную и иную политику, стабильность государственной власти, правовой механизм государственного регулирования предпринимательской деятельности, антимонопольное регулирование.

Библиографический список

1. Бексултанова А. И., Аслаханова С. А., Эскиев М. А. Проблемы повышения конкурентоспособности предприятия // Молодой ученый. 2015. № 21. С. 361–363.
2. Береговая И. Б. Факторы, влияющие на конкурентоспособность предприятия // Символ науки. 2015. № 12. С. 90–93.
3. Бобырев Д. Б. Анализ факторов конкурентных преимуществ и их влияние на уровень конкурентоспособности предприятия. URL: <https://clck.ru/ELMKZ>.
4. Ambastha A., Momaya K. S. Competitiveness of Firms: Review of Theory, Frameworks, and Models // Singapore Management Review. 2004. Vol. 26, no. 1. P. 45–61.
5. Sloman J., Jones E. Essential economics for business. 5th ed. Wiley, 2017.

Бельдина О. Г.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Частноправовые и публично-правовые начала в потребительских отношениях

Автор рассматривает эволюцию прав потребителей в сфере оказания финансовых услуг и влияние частноправовых начал на судебную практику. Сделаны выводы по данной проблематике.

Ключевые слова: финансовые услуги; потребитель; ущемление прав потребителей; судебная практика; защита прав потребителей.

Проблема защиты прав потребителей в сфере финансовых услуг сегодня является актуальной в связи с активным использованием данных услуг физическими лицами. Граждане, конечно, являются более слабой стороной при оказании финансовых услуг, поскольку не обладают необходимыми юридическими познаниями. Как выяснилось, оказалось не достаточно только частноправовых начал, которые бы в силу влияния «невидимой руки рынка» стали бы предлагать потребителям выгодные условия, например, по договорам кредитования.

Если мы посмотрим судебную практику, например, 2011 г., то она однозначно признает, что при заключении кредитного договора заемщик был фактически лишен возможности влиять на содержание договора, проект которого был разработан банком и содержал в себе условия, существенным образом нарушающие баланс интересов сторон. Очевидно стало, что необходимо вмешательство государства с публично-правовыми началами в данный вопрос.

Долгожданным стало принятие Федерального закона «О потребительском кредите (займе)», который как раз и был направлен на регулирование отношений, возникающих в связи с предоставлением потреби-

тельского кредита (займа) физическим лицам — потребителям. Данный закон прямо исключи возможность применения ст. 428 ГК РФ к условиям, которые признавались индивидуальными. Если же проанализировать перечень этих условий, то фактически можно говорить о том, что потребитель может повлиять на согласование только суммы, даты внесения платежей и, в некоторых случаях, на размер процентной ставки, но это и то, если кредитный продукт предполагает дифференциацию в зависимости от места работы заемщика (бюджетная организация или частная) и «чистоты» кредитной истории. К остальным условиям, как и прежде, заемщик вынужден присоединяться. Стало очевидно, что даже влияние публично-правовых механизмов не оказало должного воздействия.

Оставалась надежда на судебную практику, и в 2017 г. был опубликован очередной обзор, в рамках которого были решены некоторые вопросы, которые возникали в практике оказания финансовых услуг потребителям. Так, в частности, обратимся к п. 3 раздела «Разрешение споров, возникающих из договорных отношений» (обзора судебной практики, утв. 16 февраля 2017 г.), в котором Верховный суд РФ указывает, что на отношения между банком и его клиентом (вкладчиком) по возврату денежных сумм и выплате неустойки п. 5 ст. 28 Закона РФ «О защите прав потребителей», определяющий последствия нарушения исполнителем сроков выполнения работ (оказания услуг), не распространяется. Данное положение означает, что в случае, когда банк не возвращает вклад клиента и при этом у него не отзывают лицензию, вкладчик может не рассчитывать на получение повышенной законной неустойки в размере 3 % от суммы вклада за каждый день просрочки [1, с. 104]. Если до опубликования данного обзора судебной практики вкладчик, на основании п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, мог получить хотя бы какую-то часть повышенной законной неустойки, то теперь Верховный Суд РФ поставил в этом вопросе точку. Помимо этого, объективно снизится и размер штрафа за неудовлетворение в добровольном порядке законного требования потребителя (п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей»). Вместо имевшей до этого место большой неустойки отныне вкладчик может рассчитывать только на проценты по ключевой ставке, а, следовательно, на меньший размер взыскиваемого и на меньший штраф банка. Иными словами, как справедливо отмечает А. Лисаченко, в случае невозврата банковского вклада при условии сохранения у банка лицензии вкладчик, помимо суммы вклада, может рассчитывать на проценты по статьям 395 и 856 ГК РФ в размере ключевой ставки Банка России [3].

Хотелось бы рассмотреть еще практику, которая сложилась по поводу применения альтернативной подсудности. В п. 2 ст. 17 Закона о защите

прав потребителей установлена альтернативная подсудность разрешения споров с участием потребителя, но кредитные организации, включают в договоры условия о договорной подсудности. Ущемляет ли это права потребителя? В судебной практике существует несколько позиций.

Первая из них исходит из того, что такое условие ущемляет права потребителя, поскольку:

- оно противоречит упомянутому выше п. 2 ст. 17 Закона о защите прав потребителей, который императивен и не может быть изменен договором;

- оно ограничивает право потребителя на выбор судебной защиты;

- банк не вправе определять в договоре подсудность рассмотрения спора с участием потребителя-заемщика, поскольку такое право дано потребителю, а не банку;

- право на определение подсудности рассмотрения спора с участием потребителя-заемщика принадлежит только потребителю и может быть реализовано только им, поэтому определение подсудности в договоре ущемляет права потребителя, поскольку при таком определении выражается воля не только потребителя, но и банка, что недопустимо.

Однако данные аргументы разбивает противоположная судебная практика, которая не признает установление договорной подсудности условием, ущемляющим права потребителя.

Причина проста: ст. 32 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) позволяет изменить альтернативную территориальную подсудность по соглашению сторон. И суды общей юрисдикции часто придерживаются того же подхода.

Верховный Суд РФ так разъяснил вопрос о возможности изменения подсудности спора с потребителем:

«По общему правилу, установленному ст. 32 ГПК РФ, стороны могут по соглашению изменить территориальную подсудность для конкретного дела до принятия его судом к своему производству. Исключение из этого правила составляет подсудность дел, установленная ст. 26, 27 и 30 ГПК РФ, которая соглашением сторон не может быть изменена.

Поскольку договор является выражением согласованной воли договаривающихся лиц (п. 3 ст. 154 ГК РФ), то заключение какого бы то ни было соглашения свидетельствует о добровольном (необязательном), совершаемом по собственному желанию, действию.

Если между гражданином и кредитной организацией было достигнуто соглашение о подсудности рассмотрения споров, вытекающих из договора займа, то иск кредитной организации к гражданину о погашении задолженности по предоставленным кредитам, согласно ст. 32 ГПК РФ, подлежит рассмотрению судом, определенным условиями заключенного между ними соглашения.

Таким образом, дела по искам кредитных организаций к гражданам о взыскании задолженности по договорам займа, содержащим условие о рассмотрении спора по месту нахождения кредитной организации, подлежат рассмотрению судом согласно договорной подсудности...».

В связи с этим в судебной практике остро встал вопрос: может ли потребитель потребовать изменить это условие при заключении кредитного договора, основанного на типовой форме банка? Суть вопроса затрагивает названную выше первую позицию судов. Эти суды, рассматривая дело, устанавливают, что потребитель не мог, заключая договор, изменить предложенные ему условия. На это указывает и то, что, согласно внутренним документам банка, типовые формы договора обязательны для его работников при заключении договора с потребителем. Тем самым, заключение судов, установление договорной подсудности представляет собой одностороннее выражение воли банка, а не совместной воли его и потребителя-заемщика. Именно в данной ситуации, как представляется, имеет место ущемление прав последнего [2].

Анализ вышеприведенной судебной практики показывает следующее:

- 1) специальные нормы, порой, сводят на нет повышенные гарантии, которые предоставляет Закон о защите прав потребителей;
- 2) свобода договора, исходя из анализа судебной практики, прикрывает спорное условие, ущемляющие права потребителя.

Как видим из приведенных примеров, частноправовые начала не справляются с установлением баланса интересов потребителей и финансовых организаций, здесь необходимо прямое вмешательство публично-правовых инструментов.

Библиографический список

1. Джемесюк В. С., Минивалеев И. Д. Новая позиция Верховного Суда РФ в отношении споров об оказании финансовых услуг // Инновационная наука. 2017. № 04–4. С. 103–106.
2. Защита прав потребителей финансовых услуг / М. Д. Ефремова, В. С. Петрищев, С. А. Румянцев и др.; отв. ред. Ю. Б. Фогельсон. М.: Норма; ИНФРА–М, 2010.
3. Лисаченко А. Экспресс-анализ первого обзора практики ВС РФ за 2017 г. // Regforum.ru. URL: http://regforum.ru/posts/3019_ekspress_obzor_pervogo_obzora_praktiki_vs_rf_za_2017_god/.

Бочков П. В.

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург

Оценка уровня конкуренции на рынке жилищного строительства г. Екатеринбурга

В статье рассмотрены основные направления конкуренции на рынке жилищного строительства г. Екатеринбурга. Обозначены проблемы и предложения, способствующие повышению конкурентоспособности строительного рынка, увеличению привлекательности для инвесторов, прозрачности отношений застройщика и покупателя.

Ключевые слова: конкуренция; рынок; жилищное строительство; инвестор; застройщик; покупатель.

Правовым регулированием защиты конкуренции на товарных рынках в РФ является Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», на рынке жилищного строительства выступает Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 506-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О содействии развитию жилищного строительства“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Строительный сектор и смежные с ним сферы традиционно являются объектом пристального внимания органов государственной власти. Такое внимание во многом обусловлено неизбежным возникновением вопросов, связанных с оборотом земли, а также с архитектурной и функциональной целостностью городской среды и технической безопасностью возводимых объектов. Однако избыточное регулирование сектора может приводить к ограничению деловой активности организаций, а наличие административного ресурса — способствовать монополизации строительного рынка.

Слабая конкуренция на строительном рынке сдерживает развитие сектора, препятствует повышению качества строительства, а также приводит к завышенной стоимости квадратного метра, следствием чего становится низкая доступность жилья для населения. Причины слабой конкуренции в строительном секторе, тем не менее, лежат не только в плоскости политики застройщиков, а связаны также с ситуацией на смежных рынках и наличием избыточного числа административных барьеров.

По итогам 2017 г. в Свердловской области введено в эксплуатацию 2,128 млн кв. м жилья. Этот показатель составляет 101 % к объемам жилого строительства 2016 г.

По данным областного министерства строительства и развития инфраструктуры, в декабре в Свердловской области введено 520 тыс. кв. м жилья.

Значительный вклад в жилищное строительство сделал Екатеринбург. По данным Свердловскстата, в 2017 г. здесь введено 1,02 млн кв. м жилья. Также высокие результаты традиционно показали города-спутники уральской столицы. В Березовском за прошлый год введено 121,7 тыс. кв. м (148 % к объемам 2016 г.), в Сысертском городском округе построили 92,3 тыс. кв. м (106,8 %), в Первоуральске — почти 60 тыс. кв. м (117 %), в Среднеуральске — 37,4 тыс. кв. м (111,8 %). Всего, по данным статистики, объемы ввода жилья по сравнению с прошлогодними показателями выросли в 41 муниципалитете области¹.

По данным Росстата, на долю Свердловской области приходится 2,7 % всей введенной в эксплуатацию жилой недвижимости в 2017 г. При этом темпы строительства продолжают расти (см. таблицу).

Топ-10 регионов с наибольшим количеством построенных жилых домов

Регион	Введено в эксплуатацию в 2017 г., тыс. кв. м	Доля от общего количества по России, %
Московская область	8798,5	11,2
Краснодарский край	4668,1	5,9
Санкт-Петербург	3536,1	4,5
Москва	3419	4,4
Ленинградская область	2620,9	3,3
Ростовская область	2333,9	3
Свердловская область	2127,6	2,7

Согласно отчету, опубликованному Уральской палатой недвижимости, в течение 2017 г. рынок строительства жилья в Екатеринбурге демонстрировал высокую активность. Число замороженных проектов сократилось. О стабилизации рынка говорит также индикатор, введенный УПН еще в 2014 г., — индекс кранов — показатель, отражающий количество башенных кранов, установленных на строительных площадках жилых домов (без учета остановленных строек).

¹ Обзор рынка недвижимости Екатеринбурга / АН «Рио-Люкс». URL: <http://ekat.riolux.ru/Article-obzor-rynka-nedvizhimosti-ekaterinburga.htm>.

Растет и спрос на жилье в Екатеринбурге: количество проданных «квадратов» увеличилось на 17 % как на первичном, так и на вторичном рынке. Согласно отчету аналитиков УПН, «рост продаж на рынке обеспечила дешевеющая ипотека и активные действия девелоперов по адаптации предложения под изменившийся спрос».

Несмотря на высокий спрос, остается высоким и количество предложений, а цена на новое жилье не снижается (вторичка подешевела на 1 %). Официальная средняя стоимость квадратного метра, установленная Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ на I полугодие 2018 г., — 37,8 тыс. р.

Если сравнивать в целом по России, то обгоняют Свердловскую область Москва, Подмосковье, Санкт-Петербург и Ленинградская область, часть регионов ДФО, ЯНАО, ХМАО-Югра, Нижегородская и Архангельская области.

Согласно прогнозу аналитиков на 2018 г., новое жилье в Екатеринбурге будет только дорожать — за ближайший год рост может составить до 5–6 %¹.

Важнейшим фактором, способствующим решению проблем качества строительства, является конкуренция.

В настоящее время развитие предпринимательской деятельности оценивают уровнем развития малого бизнеса, который является своеобразным индикатором конкуренции в экономике. Развитие малого бизнеса усиливает конкуренцию в отрасли. Показателем развития предпринимательской деятельности на рынке жилищного строительства является степень его концентрации. Для точного определения степени концентрации рынка жилищного строительства необходимо обозначить его границы.

Для этого используется два типа границ, которые определяют размер рынка:

1) продуктовая граница (определяется по предприятиям, имеющие разрешения на проведение строительных и ремонтных работ);

2) географическая граница (определяется целью исследования, к примеру, жилищно-строительный комплекс г. Екатеринбурга)².

Подводя итоги, можно выделить основные проблемы, которые возникли на рынке недвижимости Екатеринбурга в 2017 г.

1. Выход на рынок большого числа покупателей, которые не решали жилищный вопрос. Основной мотив: сохранить сбережения, а не заработать;

---

¹ Уральская палата недвижимости — недвижимость Екатеринбурга. URL: <http://upn.ru/>.

² Лапин А. С. Институциональные аспекты рыночного взаимодействия в жилищной сфере // Российское предпринимательство. 2012. № 22 (220). С. 48–56.

2. Колебание российского рубля на валютном рынке, жесткая политика ЦБ РФ по отношению к коммерческим банкам при осуществлении расчетно-кассовых операций;

3. Экономические и политические риски;

4. Корректировка рынка ипотеки, рост ставок;

5. Изменение настроений и ожиданий потенциальных покупателей.

С учетом вышеуказанного, необходимо выделить следующие мероприятия: в 2017 г. были внесены изменения в Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»

Так, например, ужесточаются требования к застройщикам по объектам, разрешение на строительство которых получено после 1 июля 2018 г.

Застройщик может быть только хозяйственным обществом с опытом работы на рынке строительства многоквартирных домов (в качестве застройщика, тех. заказчика или генподрядчика) не менее 3 лет. При этом обязательно наличие разрешений на ввод в эксплуатацию не менее 10 тыс. кв. м многоквартирных домов.

В наименовании компании должны быть слова «специализированный застройщик».

Даже при малоэтажном строительстве становится обязательной экспертиза проектной документации.

Застройщик не может участвовать или создавать коммерческие и некоммерческие организации, совершать сделки, не связанные с осуществлением долевого строительства, использовать свое имущество для обеспечения обязательств перед третьими лицами, не связанными со строительством, осуществляемым застройщиком.

Таким образом, на привлекательность строительства для потенциальных инвесторов (покупателей объектов жилищной недвижимости) значительно влияют следующие группы факторов: цена жилья, его качественные характеристики и состояние экономики региона, и практически не значимым фактором является конкуренция.

Бурлака С. Н.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Разграничение предпринимательской и иной приносящей доход деятельности некоммерческих организаций: проблемы правового регулирования

В статье рассматриваются правовые проблемы модернизации законодательства Российской Федерации в сфере регулирования предпринимательской и иной приносящей доход деятельности некоммерческих организаций.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; приносящая доход деятельность; некоммерческая организация.

Тот факт, что многие некоммерческие организации в процессе своего существования испытывают потребность в дополнительном финансовом обеспечении, обусловило их активное участие в предпринимательских отношениях. Последние годы характеризуются тем, что термин «предпринимательская деятельность» в отношении некоммерческих организаций был заменен на более нейтральный — «приносящая доход деятельность». В. А. Болдырев отмечает в своей работе, что законодатель, характеризуя данную категорию организаций, посчитал использование термина «предпринимательская деятельность» неуместным [2, с. 70]. Значение понятий и терминов, используемых в законодательстве, является определяющим для правоприменительной деятельности. Такие изменения означают, что либо меняется механизм правового регулирования, либо смещаются акценты в определении правового статуса субъектов правоотношений и т. п. Но тем не менее, специфика правового регулирования «приносящей доход деятельности» в ГК РФ не предусмотрена.

Некоммерческие организации, как следует из п. 4 ст. 50 ГК РФ, «могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям».

Федеральный закон «О некоммерческих организациях» содержит определение предпринимательской деятельности, которое несколько отличается от понятия, данного в ст. 2 ГК РФ. В соответствии с п. 2 ст. 24 указанного законодательного акта под предпринимательской деятельностью понимается «приносящее прибыль производство товаров и услуг, которое отвечает целям создания некоммерческой организации, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимуще-

ственных прав, участие в хозяйственных обществах и участие в товариществах на вере в качестве вкладчика». Причем начинается указанная норма словами: «Некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность...». Последний абзац данного пункта также указывает, что российским законодательством «могут устанавливаться ограничения на предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность некоммерческих организаций отдельных видов, а в части учреждений, в том числе, отдельных типов». Пункт 3 ст. 24 Федерального закона «О некоммерческих организациях» говорит о том, что некоммерческая организация осуществляет учет доходов и расходов при ведении предпринимательской и иной приносящей доходы деятельности.

Таким образом, специальный нормативный акт, посвященный регламентации правового положения некоммерческих организаций, разграничивает предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность.

Если сравнивать по существу текст Федерального закона «О некоммерческих организациях» и общие положения ГК РФ, то значение предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход, становится практически тождественным. Так, например, Федеральный закон «О некоммерческих организациях» предусматривает право общественных и религиозных организаций осуществлять предпринимательскую деятельность, соответствующую целям их создания. Аналогичное право предоставлено автономной некоммерческой организации (п. 1 ст. 10 Закона). Что касается фондов, то они вправе заниматься предпринимательской деятельностью при тех же условиях. Но п. 2 ст. 7 Закона оговаривает, что фонды имеют право создавать хозяйственные общества или участвовать в них для осуществления предпринимательской деятельности. И по пределам, и по предоставляемым возможностям редакции этих норм близки тексту ГК РФ в отношении права указанных юридических лиц осуществлять приносящую доход деятельность.

Значительная часть авторов также рассматривает предпринимательскую и иную деятельность, приносящую доход, как тождественные, так экономическая суть такой деятельности при смене ее названия не изменится [6, с. 75].

Несмотря на постоянные обсуждения, наличие огромного числа работ как экономического, так и юридического содержания, понятие предпринимательской деятельности не «увязано» с иными категориями. Так, например, некоторые авторы считают, что в Конституции РФ под понятием «экономическая деятельность» понимается предпринимательская деятельность [7, с. 19]. Считаем, что данная позиция ошибочна. Экономическая деятельность может трактоваться в узком и широком смысле. Нам

представляется, что конституционное значение как раз имеет широкое содержание и охватывает любые проявления хозяйственной активности участников имущественного оборота.

На выработку единообразия в понимании сущности предпринимательской деятельности и отличительных признаков приносящей доход деятельности негативное влияние в определенном смысле накладывает сложность в разграничении субъектов экономического оборота по признаку цели.

Некоторые источники отмечают, что под предпринимательской деятельностью с экономической точки зрения понимается деятельность, имеющая основную цель в виде «производства и предложения на рынке такого товара, на который имеется спрос и который приносит прибыль» [3, с. 13]. Подобную деятельность естественно могут осуществлять и некоммерческие организации. Поэтому данная характеристика и не даст возможности сформулировать, чем же такая предпринимательская деятельность некоммерческих организаций отличается от обычной деятельности коммерческих организаций.

Именно роль и функции некоммерческих организаций в гражданском праве определяют необходимость в определенном соблюдении дистанции от предпринимательской активности [5, с. 10]. Вполне уместно называть данную деятельность дополнительной, вспомогательной. Она ориентирована на то, чтобы поддерживать имущественную состоятельность некоммерческой организации, с тем, чтобы та могла выполнять свою основную роль. Другой вопрос, что деятельность, приносящая доход, по отношению к этой основной деятельности верно относится к «неоднозначным терминологическим единицам (вспомогательная, побочная, дополнительная). В итоге, эта деятельность, независимо от названия, квалифицируется как деятельность предпринимательская» [4, с. 3]. Приходится констатировать, что законодатель, играющий определяющую роль в этом процессе, не предпринимает необходимых усилий по наведению стройного и четкого порядка в закреплении той или иной терминологии.

Учитывая многообразие создаваемых в России некоммерческих организаций, осуществление приносящей доход деятельности может иметь для них различное значение. Не является достаточным основанием для признания деятельности в качестве предпринимательской или близкой к ней по сути факт того, что такая деятельность систематически приносит или способна приносить доход [1, с. 23]. Т. В. Соيفер отмечает о необходимости разработки на научном уровне понятия приносящей доход деятельности некоммерческих организаций, а также детального легального закрепления ее признаков и специальных норм, которые регулировали бы ее ведение и возникающие при этом отношения [8, с. 22]. Целесообразным при этом представляется использовать дифференцированный подход,

предполагающий установление норм, закрепляющих допустимые рамки осуществления доходной деятельности некоммерческих организаций. При определении этих рамок нужно учитывать, во-первых, цели создания организаций и способы их достижения, а во-вторых, общий правовой режим их функционирования.

Можно было бы выделить следующие группы некоммерческих организаций исходя из способности к осуществлению приносящей доход деятельности. Для организаций, цели создания которых исключают необходимость ведения приносящей доход деятельности, целесообразно установить полный запрет на осуществление подобной деятельности. Вторая группа может наделяться полной свободой в осуществлении приносящей доход деятельности, но, при условии ее соответствия с целями создания организаций. Третья группа могла бы включать некоммерческие организации, способные осуществлять виды приносящей доход деятельности, указанные в их учредительных документах. А в четвертую группу могли бы войти те некоммерческие организации, сфера деятельности которых способна затрагивать интересы третьих лиц. Для них целесообразно законодательное установление возможных видов доходной деятельности с конкретизацией ее объема.

Библиографический список

1. *Андреев В. К., Кирпичев А. Е.* Юридические лица. Введение в корпоративное право: лекция. М.: Российская академия правосудия, 2014.
2. *Болдырев В. А.* Осуществление учреждением приносящей доход деятельности // Алтайский юридический вестник. 2014. № 1. С. 70–74.
3. *Гросул Ю. В.* «Приносящая доход деятельность» и «предпринимательская деятельность некоммерческих организаций»: проблемы понятийного аппарата // Юрист. 2015. № 10. С. 13–17.
4. *Десятов И. Н.* Право некоммерческих юридических лиц на деятельность, приносящую доход: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
5. *Ермолова О. Н.* Юридические лица как субъекты предпринимательской и некоммерческой деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 10–15.
6. *Звездина Т. М.* К вопросу о соотношении понятий предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 2. С. 75–79.
7. *Каширина Ю. П.* Понятие и признаки предпринимательской деятельности: экономический и правовой аспекты / Современное право. 2008. № 6. С. 19–23.
8. *Сойфер Т. В.* Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 22–25.

Гаврин Д. А.

Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург

Частноправовые и публично-правовые начала в правовом регулировании банковской деятельности

Статья посвящена основам правового регулирования банковской деятельности. Особое внимание уделяется предмету, который предопределяет специфику правового регулирования. Предпринимается попытка раскрыть особенности регулирования банковской деятельности через частноправовые и публично-правовые начала. Автор формулирует структуру предмета и особенности методов правового регулирования банковской деятельности.

Ключевые слова: банковская деятельность; правовое регулирование; частное право; публичное право.

Определение частноправовых и публично-правовых начал в правовом регулировании той или иной сферы общественных отношений имеет глубокий общетеоретический смысл и значение, которые заложены непосредственно в предмете правового регулирования. Несмотря на открытые в науке дискуссии о существовании частного и публичного права, вопрос определения частноправовых и публично-правовых начал в правовом регулировании той или иной сферы общественных отношений не прекращает интересовать исследователей и практиков.

Стремление определить основы правового регулирования обусловлено развитием и усложнением общественных отношений, в которых немаловажную роль играет научно-технический прогресс. Привычное структурирование права на самостоятельные отрасли, выделение предмета и метода отрасли, вступая в конкуренцию с многогранностью проявлений общественных отношений, уже представляется менее гибким, требуя комплексного подхода. Именно в этих случаях появляется необходимость заглянуть за «вуаль позитивного права» и найти что то новое в особенностях регулируемых общественных отношений. В свою очередь «пристанью» для таких исследований служат как раз категории, обладающие признаками «мягких границ».

Если мы обратимся к вопросу теоретической обоснованности деления права на публичное и частное, то заметим очевидную «хрупкость зданий», которые когда то были возведены с легкой руки Ульпиана. Такая хрупкость и неустойчивость публичного и частного права обусловлены не только недосказанностью известного выражения: «*Huius studii duae sunt positiones, publicum et privatum. Publicum jus est, quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem pertinent*» (Право изучается в двух аспектах, публичном и частном. Публичное право обращено на состояние римского государства в целом, частное же относится

к имущественным выгодам отдельных лиц (лат.)¹, но и отсутствием ярко выраженных границ. Отсутствие четких границ между частным и публичным правом стало причиной появления многих научных концепций, которые до настоящего времени остаются актуальными и востребованными. И все таки, несмотря на свою недосказанность и «хрупкость», следует отметить преимущество такого деления для науки. Не имея под собой четкой и выверенной логической структуры, публичное и частное право представляют собой «открытое окно» для научных исследований системы права, в том числе и новых комплексных отраслей. Порой недосказанность, при необходимой логической выверенности, более ценна для развития права, чем четкий и правильный ответ не терпящий апелляции. И в этом плане формулировка «частноправовые и публично-правовые начала», как нельзя лучше, подходит к вопросу об основах регулирования общественных отношений.

В научных исследованиях подчеркивается особый характер и такой категории как «правовое регулирование». Правовое регулирование мы обнаруживаем тогда, когда видим право в действии, в особенностях понятийного аппарата, конструкции, логике и т. д. Право представляет собой систему, которая интегрирована в социальные процессы общества и является их неотъемлемой частью. Об этом свидетельствуют дискуссии о соотношении права и морали, права и религии, права и психологии, права и экономики, и т. д. Все это естественные процессы развития и усложнения системы права, взаимодействия права с внешней средой как неотъемлемое свойство системы.

Право не может и не должно представлять собой самодостаточную и автономную систему, которая существует «сама в себе» и «сама по себе» — это обусловлено предназначением права. Основой существования права служат общественные отношения, в которых право проявляет свою главную функциональную пригодность. Через язык логических конструкций происходит обращение к объекту и непосредственно к предмету правового регулирования. Не углубляясь в научные дискуссии о проблемах теории объекта и предмета правового регулирования остановимся на том, что объектом правового регулирования являются общественные отношения и, поскольку, человек проявляет себя в обществе, он становится значимым для права. В свою очередь, общественные отношения представляют собой сложную категорию социальных связей (взаимодействие людей), именно поэтому принято выделять предмет правового регулирования, который представляет

---

¹ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник / под ред. Д. В. Дождева. М.: Изд-во БЕК, 2002. С. 26.

собой ту особую сторону общественных отношений, которую можно урегулировать правом.

Обратившись к банковской деятельности, невольно вспоминаешь о дискуссиях соотношения экономики и права, их взаимообусловленности. Специфика банковской деятельности многогранна и чем глубже погружаешься в вопрос, тем больше интересных и ярких экономико-правовых проявлений банковской деятельности обнаруживаешь. Привычка определять банковскую деятельность через субъекта в обычном понимании, или иными словами, все что делает банк, это банковская деятельность, поверхностна, и не затрагивает существо общественных отношений. В научном понимании банковскую деятельность следует определять через взаимодействие субъекта и объекта, что в своей сути предопределяет предмет правового регулирования. Парируя обыкновениям жизненного миропонимания следует отметить, что не всякая деятельность банка является банковской, как и не всякий субъект, осуществляющий банковскую деятельность, является банком.

Подходы к определению существа банковской деятельности различны: в первом случае это обусловлено спецификой правовой системы (англо-саксонская система права или романо-германская система права); во-втором господствующей религией (мусульманство, христианство); в третьем случае научными взглядами. При всем многообразии мнений банковскую деятельность следует отнести к виду предпринимательской деятельности (самостоятельная, осуществляемая на свой риск, направлена на систематическое извлечение прибыли, регистрация в установленном законом порядке).

Общепринятая концепция существа банковской деятельности проявляет себя в основной цели — извлечение прибыли и в трех основных видах деятельности: привлечение денежных средств, размещение денежных средств и ведение счетов. Если мы обратимся к формулировкам специального закона — Закон РСФСР от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее — Закон о банках и банковской деятельности), то обнаружим указанные виды деятельности, которые в совокупности имеет исключительное право осуществлять только банк. При этом, не углубляясь в более глубокое раскрытие содержания банковской деятельности, остановимся на субъектной составляющей. Помимо банков, в понимании Закона о банках и банковской деятельности, существуют Банк России, Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)».

Деятельность Банка России направлена на защиту и обеспечение устойчивости рубля, стабильности и развития национальной платежной системы, финансового рынка, развитие и укрепление банковской систе-

мы. Получение прибыли не является целью деятельности Банка России. Целями деятельности Внешэкономбанка являются обеспечение повышения конкурентоспособности экономики России, ее диверсификации, стимулирование инвестиционной деятельности и т. д. При этом предпринимательскую деятельность Внешэкономбанк вправе осуществлять лишь постольку, поскольку то служит достижению целей. Не подрывают ли данные положения основы нашего вывода о видовой принадлежности банковской деятельности к предпринимательской? Представляется, что нет. И в первом и во-втором случаях, мы ведем речь о специальном субъекте банковской системы (Банк России, Внешэкономбанк), создание и деятельность которых имеет как частноправовые, так и публично-правовые начала, обусловленные необходимостью разрешения общегосударственных задач в рамках финансовой системы государства. Принимая во внимание существующие алгоритмы государственного регулирования экономических процессов, указанные субъекты обеспечивают системобразующее влияние на экономику в целом с помощью централизованного (императивного) и децентрализованного (диспозитивного) методов регулирования.

Метод централизованного (императивного) регулирования предполагает отношения власти и подчинения, такой подход необходим для создания условий стабильности экономики страны и исключения возможных неблагоприятных последствий в результате стихийного непредсказуемого развития экономики. В свою очередь метод децентрализованного (диспозитивного) регулирования предполагает участие указанных субъектов с иными субъектами на принципах равенства, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела. Такое соотношение применяемой методологии в регулировании экономических процессов отражает существо взаимодействия интересов общества в целом и отдельного человека, как следствие, является проявлением частноправовых и публично-правовых начал. Банковская деятельность составляющая содержание специальной правоспособности кредитных организаций предполагает лицензирование и наличие запретов на осуществление производственной, торговой и страховой (данный вид ограничения следует признать дискуссионным в науке), что также свидетельствует о проявлении частноправовых и публично-правовых начал в регулировании банковской деятельности.

Обращаясь непосредственно к содержанию банковской деятельности следует заметить с одной стороны определенную автономность от специального субъекта, предусмотренного законом, а с другой стороны системобразующее значение в корреляции с особым субъектным составом. Проявление автономности банковской деятельности от специального

субъекта обнаруживает себя в положениях ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которым незаконная банковская деятельность определяется через осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения, когда такое разрешение (лицензия) обязательно. Таким образом, квалифицирующим признаком банковской деятельности не всегда является специальный субъект, а непосредственно деятельность, содержанием которой являются банковские операции.

Содержательная часть банковской деятельности обозначена в ст. 5 Закона о банках и банковской деятельности, наименование которой (Банковские операции и другие сделки кредитной организации) породило множество споров и дискуссий относительно существа банковских операций и их соотношения с гражданско-правовыми сделками. В соответствии со ст. 5 Закона о банках и банковской деятельности к числу банковских операций отнесены: привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады (до востребования и на определенный срок); размещение привлеченных денежных средств от своего имени и за свой счет; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц; осуществление переводов денежных средств по поручению физических и юридических лиц, в том числе банков-корреспондентов, по их банковским счетам; инкассация и кассовое обслуживание физических и юридических лиц; привлечение во вклады и размещение драгоценных металлов; выдача банковских гарантий и т. д. В самом наименовании «банковская операция» и существе действий, составляющих содержание банковской операции, находят отражение частноправовые и публично-правовые начала. С одной стороны банковская операция определяется в перечне лицензируемых видов деятельности и не равна понятию «сделка», а с другой стороны одним из элементов содержания банковской операции является сделка (выдача банковской гарантии) или совокупность сделок (переводы денежных средств), или юридически значимое действие (списание денежных средств со счета), или техническое действие (открытие счета), или вся совокупность (например, открытие и ведение счета).

Банковские операции представляют собой базис банковской деятельности, специфика которой состоит в том, что правовое регулирование банковской деятельности начинается с формирования нормативно-правового пласта, регламентирующего банковскую систему, банковские операции, статус субъектов, непосредственно осуществляющих банковскую деятельность, и субъектов, пользующихся услугами банковской системы (кредиторов и вкладчиков), сопутствующих субъектов, обеспечивающих функционирование и стабильность банковской системы.

Таким образом, определяя систему взаимосвязанных и взаимобусловленных объектов, связей и субъектов, мы получаем границы правового регулирования, предмет правового регулирования. В свою очередь формирование модели правового регулирования берет свое начало с оценки устоявшихся общественных отношений, в нашем случае по поводу банковской деятельности.

Банковская деятельность как предмет правового регулирования имеет сложное содержание, которое обусловлено как частноправовыми, так и публично-правовыми началами. В ходе исследования особенностей правового регулирования банковской деятельности наблюдаются различные методы правового регулирования общественных отношений. Совершение банковской операции подразумевает под собой наличие лицензии, если мы рассматриваем законную банковскую деятельность. Для получения лицензии на осуществление банковской деятельности необходимо соблюдение обязательных процедур регистрации кредитной организации и лицензирования.

В ходе структурирования общественных отношений, возникающих по поводу осуществления банковской деятельности, следует выделить два основных блока: публично-правовые отношения и частноправовые отношения, их разграничение обусловлено применяемым методом правового регулирования: централизованный (императивный) или децентрализованный (диспозитивный). Более детальное структурирование содержательной части отношений, возникающих по поводу осуществления банковской деятельности, позволяет разграничить:

- отношения Банка России и кредитных организаций по поводу пруденциального регулирования и контроля, которые предполагают централизованный («императивный») метод правового регулирования;
- отношения кредитных организаций и Банка России, кредитных организаций между собой, кредитных организаций и «некредитных» организаций-юридических лиц и физических лиц, основанные на равенстве и автономии воли, требующие применения децентрализованного («диспозитивного») метода правового регулирования.

Следует также обратить внимание на то, что отношения по поводу осуществления банковской деятельности не равны по своему объему и содержанию понятию «банковская деятельность». Отношения пруденциального регулирования и контроля являются сопутствующими банковской деятельности, и в своем истинном понимании банковской деятельностью не являются. При этом, являясь неотъемлемым элементом осуществления банковской деятельности, пруденциальное регулирование и контроль входят в предмет правового регулирования банковской деятельности.

Головизнин А. В., Шалаумова Т. В.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Влияние публичного элемента на подведомственность гражданских дел третейским судам

В работе рассматриваются вопросы подведомственности гражданских дел третейским судам. Анализируются критерии арбитрабельности гражданско-правовых споров, установленные в законодательстве и судебной практике. Раскрывается влияние публичного элемента на подведомственность гражданских дел третейским судам.

Ключевые слова: третейский суд; подведомственность; арбитрабельность; публичный элемент.

Деятельность третейских судов в Российской Федерации призвана обеспечивать защиту прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений в рамках юрисдикционной формы. Несмотря на относительную сформированность института третейского разбирательства до сих пор остаются неразрешенными вопросы по поводу переделов использования рассматриваемой формы защиты гражданских прав. Вопросы подведомственности споров третейским судам нередко становились предметом рассмотрения судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Нивелировать эти проблемы не удалось и новому федеральному закону от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹ (далее — Закон об арбитраже).

В юридической литературе высказывалось мнение, что категория подведомственности неприменима к третейским судам, поскольку может использоваться лишь в отношении государственных органов, чья предметная компетенция прямо устанавливается законом [2, с. 79]. Однако следует не согласиться с указанным мнением, так как третейское разбирательство, являясь частью юрисдикционной формы защиты гражданских прав, осуществляется на основании закона в строго определенных процессуальных формах, а решение арбитража порождает юридические последствия и обязательно для сторон спора. Поэтому полагаем согласиться с предложенной в юридической энциклопедии дефиницией подведомственности, под которой понимается «относимость определенных категорий дел к ведению различных государственных или иных органов и организаций, уполномоченных в силу своей компетенции рассматривать соответствующие дела и разрешать их по существу» [4, с. 641].

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

Согласно п. 3 ст. 1 Закона об арбитраже на рассмотрение в третейский суд передаются споры между сторонами гражданских правоотношений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Перечень споров, которые не могут быть подведомственны третейским судам, закреплен в п. 2 ст. 33 Арбитражного процессуального кодекса РФ и в п. 2 ст. 22.1 Гражданского процессуального кодекса РФ. Таким образом, законодатель «избрал подход, в соответствии с которым не формулируется критерий подведомственности, а предпринимается попытка перечисления отдельных категорий дел, не подлежащие рассмотрению в порядке третейского разбирательства» [3, с. 149]. Поэтому можно бы было сделать вывод, что все гражданско-правовые споры, которые прямо не отнесены законом к компетенции государственных судов, следует признать арбитрабельными. Но этот вывод все же является ошибочный, поскольку суды признают неподведомственными третейскому суду и иные виды споров.

В качестве иллюстрации приведем пример из практики Верховного суда РФ. Между АО «Сбербанк» и Комитетом по управлению имуществом Тамбовской области был заключен кредитный договор, а в качестве обеспечения был предоставлен в залог объект недвижимости, находящийся в публичной собственности. В договоре ипотеки была установлена третейская оговорка. Кредит не был возвращен, и АО «Сбербанк» обратилось с исковыми требованиями об обращении взыскания на заложенное имущество в третейский суд. Третейский суд указанные требования удовлетворил, однако добровольно решение суда не было исполнено, в связи с чем истец обратился в арбитражный суд с целью принудительного исполнения решения третейского суда. Нижестоящими инстанциями требования АО «Сбербанк» были удовлетворены. Однако Верховный суд РФ решил иначе, поскольку это противоречит публичному порядку. Суд отметил, что вопросы владения, пользования и распоряжения имуществом, находящимся в публичной собственности, характеризуются следующими признаками:

- договоры заключаются в публичных интересах, специальным публичным субъектом;
- целью их заключения выступает удовлетворение публичных потребностей;
- финансирование этих потребностей осуществляется за счет средств соответствующего бюджета;
- обеспечение договора контролируется специальными публичными органами, а результаты контроля доводятся до всеобщего сведения.

Таким образом, подытожил суд, «споры из договоров, предметом которых является имущество, находящееся в публичной собственности, в силу наличия высокой концентрации публичных элементов не могут

рассматриваться третейскими судами ввиду несовместимости законодательных принципов третейского разбирательства»¹.

Разрешая другой спор между АО «Особые экономические зоны», в котором единственным акционером является Российская Федерация, и АО «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы», Верховный суд РФ указал, что такие признаки как «расходование бюджетных средств в целях удовлетворения публичного интереса характеризуют такие отношения как отношения с публичным элементом и влекут повышенный публичный контроль за такими отношениями... Следовательно, контракты, предполагающие удовлетворение публичных интересов за счет бюджетных средств, в целях обеспечения иного публично-значимого интереса, должны не только заключаться, но и исполняться с соблюдением принципов открытости и прозрачности»². Поэтому было отказано в принудительном исполнении решения третейского суда.

Очевидно, что подобные примеры высших судебных инстанций по сути противоречат установленному законодателем в п. 3 ст. 1 Закона об арбитраже общедозволительному типу правового регулирования — «разрешено все, что прямо не запрещено законом». В данном случае имеются два пути выхода из сложившейся ситуации. Первый — судебная практика должна следовать строгой букве закона и признавать арбитрабельность всех споров, которые прямо не отнесены к компетенции государственных судов. И второй — установление на законодательном уровне четких критериев, позволяющих определять подведомственность гражданских дел третейскому суду. Второй путь видится более предпочтительным.

Анализ п. 3 ст. 1 Закона об арбитраже позволяет определить единственный признак арбитрабельности — возникновение спора между сторонами гражданских правоотношений. В юридической науке выделяют такие критерии подведомственности дел третейским судам: третейское соглашение, гражданско-правовой характер спора, отсутствие исключительной компетенции государственного суда [5, с. 88]. Вместе с тем, как показывает судебная практика, необходимо учитывать еще один критерий — публичный элемент в рассматриваемом споре. Однако открытым остается вопрос относительно интенсивности публичного элемента, поскольку данный критерий не обладает правовой определенностью и зависит от усмотрения суда. В частности, анализируя вышеприведенные примеры из судебной практики, весьма спорным остается довод суда о том, что не подлежит рассмотрению третейским судом дело с участие

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 27 декабря 2017 г. по делу № 310-ЭС17-12469, А64-906/201.

² Определение Верховного Суда РФ от 28 июля 2017 г. по делу № 305-ЭС15-20073.

АО, в котором единственным акционером является государство. Следуя такой логике, по всей видимости, можно ограничить арбитрабельность всех споров с участием хозяйственных обществ, в которых единственное или преобладающее участие будет иметь публично-правовое образование или созданные им юридические лица. С учетом того, какую долю на рынке в нашей стране занимает государственный бизнес¹, использование третейской формы защиты нарушенных прав будет сведено к минимуму, что увеличит нагрузку государственных судов. По этим же соображениям ставим под сомнение приведенные в определении суда такие характеристики неарбитрабельности гражданских споров как «расходование бюджетных средств» или «удовлетворение публичных интересов». И как правильно было отмечено О. А. Беляевой и А. В. Габовым: «публичный интерес присутствует вообще в любых правоотношениях, хотя бы потому, что именно государство в интересах неопределенного круга лиц устанавливает правовые рамки общественных отношений» [1, с. 50].

Также следует отметить, что наличие публичного элемента вовсе не исключает подведомственность дел третейским судам в сфере поставок товаров, работ, услуг для публичных нужд. В связи с правовой неопределенностью в данной сфере с 1 сентября 2016 г. был установлен законодательный запрет на арбитрабельность подобных споров. Но такой запрет носит временный характер до создания постоянного арбитражного учреждения, которое будет рассматривать споры, возникающие из контрактных отношений в сфере закупок товаров, работ и услуг для публичных нужд.

Таким образом, несмотря на то, что обращение в третейский суд относится к общепринятым в современном обществе способам разрешения гражданско-правовых споров, которые обуславливаются диспозитивными началами гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений², отсутствие четких критериев подведомственности споров третейским судам лишает субъектов гражданских правоотношений данной альтернативной формы защиты гражданских прав. Наличие публичного элемента в тех или иных видах гражданских правоотношений влечет риск признания неарбитрабельности гражданско-правовых споров в зависимости от усмотрения государственного суда.

---

¹ По данным ФАС государство контролирует 70 % российской экономики. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/09/2016/57ecd5429a794730e1479fac>.

² По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России»: постановление Конституционного суда РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П.

Библиографический список

1. *Беляева О. А., Габов А. В.* Арбитрабельность споров, возникающих в сфере закупок / Журнал российского права. 2017. № 5. С. 46–55.
2. *Дубровина М. А.* Подведомственность споров третейскому суду / Вестник Московского университета. Сер. 11. Право: 2001. № 2. С. 77–87.
3. *Плотников Д. А., Стрельников Л. С.* Критерии определения подведомственности дел третейским судам по ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Право как основа современного общества: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 13 февраля 2017 г.). Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 147–149.
4. *Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю.* Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
5. *Цыганова Е. М.* Современные проблемы подведомственности гражданских дел третейским судам // Ямальский вестник. 2015. № 4(5). С. 87–91.

Гордеев П. А.

Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург

Корпоративные отношения: от публичного к частному

В статье анализируется эволюция регулирования корпоративных отношений в правовой системе. В процессе развития правовой мысли, совершенствования и упорядочивания механизмов правового регулирования усложнялась и изменялась позиция как государства, так и ученых-правоведов в вопросах о месте корпоративных отношений в системе права. В ходе исследования автором анализировалось действующее законодательство и судебная практика, а также труды дореволюционных ученых и современные публикации. Отмечено, что деление трудов ученых на советский, постсоветский и современный периоды не носит догматического характера. Подобное деление на периоды служит исключительно целям исследования.

Ключевые слова: диспозитивность; корпоративные отношения; акционерное общество; общество с ограниченной ответственностью; свобода договора; пределы диспозитивности корпоративных отношений.

Диспозитивность является отличительной особенностью гражданского права как отрасли. По мнению С. И. Аскназия, основным свойством гражданских правоотношений определял следующим образом: возникновение изменение и прекращение этих правовых отношений определяется по преимуществу свободным усмотрением самих участников этих отношений [2]. Частным отношениям представлялся характерный частный (диспозитивный) метод, тогда как публичным отношениям соответствовал метод публичный (императивный).

Дореволюционный ученый И. А. Покровский анализируя основные проблемы гражданского права, выделял два метода правового регулирования: централизации и децентрализации [6]. При этом способ

централизации больше свойственен публичному праву. Метод децентрализации в большей мере свойственен такой отрасли права как Гражданское, которое является самым типичным примером отраслей частного права.

В советский диспозитивность как черта метода гражданского права исследовалась С. С. Алексеевым [1], Б. Б. Черепахиным [10] и некоторыми другими цивилистами советского периода.

С. С. Алексеев при анализе метода гражданско-правового регулирования в числе его характеристик выделяет такой как автономия сторон. Причем содержание автономии раскрывается через диспозитивность как начало — возможность распоряжения лицом своими гражданскими субъективными правами [1].

При определении метода регулирования правовых отношений Б. Б. Черепахин определял критерий деления как способ построения и регулирования юридических отношений. Указывая, что частное право строится на началах координация, тогда как публичное на началах субординации [10].

Говоря о границе диспозитивности и императивности в регулировании отношений, необходимо обратить внимание на специфику воздействия норм права на корпоративные отношения.

Корпоративное право в разные периоды и разными учеными определялось по-разному. Некоторые включали корпоративные отношения в предмет регулирования публичного права, другие считали его подотраслью гражданского права, третьи включали его в предпринимательское право, четвертые определяли корпоративное право как самостоятельную отрасль.

Позиции их зависели в определенной степени от существующего в определенный период времени нормативного регулирования (система регистрации юридических лиц) и концепции применяемой в отношении устава корпорации (договорная теория устава и теория устава как нормативного акта).

В результате проведенного исследования можно выделить определенные этапы истории отечественного права согласно подходов ученых того времени. Автор в настоящей статье осознано исключает труды посвященные анализу корпоративных юридических лиц в исторические периоды расцвета римского права и трудов глоссаторов, сосредотачивая внимание именно на подходах отечественных ученых, которые как известно сформировали свои позиции в период с конца XIX века по настоящее время.

Для удобства были выделены 4 этапа: дореволюционный, советский, постсоветский и современный.

Так периоду дореволюционному свойственны глубокий анализ и изучение трудов иностранных ученых, а также последствий чрезмерной свободы в виде огульного нарушения прав акционеров.

Г. Ф. Шершеневич проводит анализ предпосылок создания и оснований деятельности акционерных обществ, определяя их как союз лиц соединившихся для осуществления торговой деятельности [11].

И. Т. Тарасов выделял акционерные компании по критерию объединения лиц, хотя и осуществлял это по критерию цели деятельности [9]. По его мнению большая часть исследователей признают еще за государством право и обязанность иметь общий надзор за всеми акционерными компаниями для защиты интересов акционеров и третьих лиц.

Стоит отметить, что с точки зрения допустимости свободного усмотрения оба ученых проводили анализ деятельности акционерных компаний, которые причинили множество убытков их участникам. Исходя из этого каждый из ученых оперируя различными аргументами приходят к выводу, что существовавшая ранее концессионная система создания корпораций (при которой создание было возможно лишь при издании соответствующего акта органов публичной власти) изжила себя, но введение системы явочной может существенным образом нарушить права неквалифицированных участников торговых отношений.

С позиции понимания природы устава И. Т. Тарасов является сторонником теории устава как локального нормативного акта [9].

Другими словами, в указанном периоде преобладает позиция широкого вмешательства государства в корпоративные отношения, что позволяет сделать далеко идущие выводы ученым советского периода.

Советскому периоды свойственны отказ от идей капиталистических форм хозяйствования, что негативно отражается на результатах их трудов. Но в то же время работы ученых советского периода формируют широчайшие фундаментальные научные выводы, на основе которых были сформированы отечественные правовые школы, в том числе и уральская.

Общее отношение к частному праву как чему-то чуждому для советского человека находит свое отражение и в трудах ученых. Корпораций как таковых на данном этапе не имеется, за исключением некоммерческих корпораций — союзов по интересам (гаражных кооперативов) и коммерческих корпораций политического содержания (колхозов).

Регулирование сводится к дозволительному порядку. Все, что прямо не предусмотрено законодательством, запрещено. Усмотрение участников допускается лишь в случае прямого указания на это в норме права.

При этом стоит отметить, что данному периоду свойственно обоснование выделения из гражданского права новой отрасли — хозяйственного (предпринимательского), которое, при общем предмете регулиро-

вания имеет специфику в методе регулирования [4]. Как ни удивительно, но ошибочная общая предпосылка регулирования корпоративных (как основной части предпринимательских) отношений сугубо императивными методами, и послужила доводом для выделения новой отрасли права. Данная ошибка была в последствии устранена, но сколь много споров она породила в юридическом сообществе.

Постсоветский период был основан на выдающихся достижениях ученых советского периода. При этом в связи с переходом нашей страны от плановой экономической системы к рыночной перед учеными были поставлены задачи правового регулирования в условиях рынка. По сути необходимо было быстро возродить все дореволюционные институты объединения лиц и капиталов для участия их в хозяйственной деятельности [8]. Указанные этап, как представляется, представляет собой переходное представление о регулировании корпоративных отношений, в котором преобладают аргументы более жесткого публичного регулирования корпоративных отношений, нежели иных институтов гражданского права [5].

Решение вопроса о включении корпоративных отношений в предмет гражданского права, не ответил в полной мере на вопрос о возможности применения к ним диспозитивного метода. Подход в регулировании обязательственных отношений любая норма не содержащая указания на свободу усмотрения сторон считалась императивной, применялся и к корпоративным отношениям (как известно корпоративные отношения до момента внесения изменений в ГК РФ считались обязательственными).

После издания Постановления пленума ВАС РФ о свободе договора и ее пределах, подход о толковании норм обязательственного права изменился в пользу диспозитивности. Это и явилось предпосылкой для выработки теории абсолютной свободы в регулировании корпоративных отношений.

Современный период пропагандирует всецелое и неограниченное право членов корпораций в регулировании корпоративных отношений, отказ от подходов императивного регулирования и применение к корпоративным отношениям принципов свободы договора [7].

Стоит отметить, что каждый из этапов имеет свои положительные и отрицательные черты. На примере трудов указанных ученых можно проследить движение государства к ослаблению императивности регулирования корпоративных отношений и допущения все большей диспозитивности в поведении участников корпоративных отношений [3].

В то же время стоит отметить, что подобная тенденция на «развязывание рук» акционеров не может быть безграничной. При изучении данного вопроса проводится сравнение в подходах к применению к кор-

поративным отношениям принципа свободы договора и ограничениям данного принципа.

В результате проведенного анализа предлагается в качестве ограничителей диспозитивности в корпоративных отношениях использовать универсальный принцип добросовестности сторон в гражданских отношениях. Поведение сторон отличающееся от добросовестного не может защищаться, в том числе и в корпоративных отношениях. Однако, использовать только добросовестность в качестве ограничителя свободы в усмотрении участников корпоративных отношений предполагается не совсем правильным, поскольку данный подход вводит чрезмерное судебское усмотрение.

Более верным подходом является указание на своего рода реперные точки в вопросах ограничения автономии воли в корпоративных отношениях. Обозначить некую систему сдержек и противовесов. В качестве таких «тестов на добросовестность» предлагается обозначить следующие категории.

1. Баланс интересов участников корпоративных отношений.

В качестве данного критерия ограничений выступают интересы наименее защищенных участников корпоративных отношений — миноритариев.

С одной стороны ключевым принципом корпоративного права — является принцип большинства, с другой стороны при явном нарушении баланса интересов между мажоритарными и миноритарными участниками право должно ограничивать власть большинства. Этот критерий наиболее близок к принципам добросовестности. Перефразируя положения п. 9 Пленума ВАС о свободе договора, можно обозначить содержание данного принципа как запрет на включение в корпоративные документы (устав, корпоративный договор) условий явно обременительных для участников корпоративных отношений и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон.

2. Защита интересов кредиторов.

Участие корпорации в гражданском обороте, должно способствовать его развитию, а не создавать риски для добросовестных участников. Вполне логичным было бы поведение участников общества и его органов, в результате которого указанные лица были бы освобождены от долгов общества. Это условие было одним из основных при создании правовой категории юридического лица. Однако, недобросовестное поведение не может влечь для указанных лиц преимущества. В настоящее время данная проблема решается с помощью привлечения лиц, контролирующих общество к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве.

3. Публично правовые интересы или интересы защиты правовой системы.

В данную категорию должны включаться такие положения, которые определяют существо организационно-правовой формы. Другими

словами, должны считаться противоречащими праву такие действия акционеров, которые хотя и приняты с соблюдением с действующим законодательством, интересов других участников корпорации и ее кредиторов, но изменяющие корпорацию настолько, что она перестает отвечать духу организационно-правовой формы, в которую облечена.

Например, если предположить, что участники ООО предусмотрели в уставе или корпоративном договоре условие об отмене исключительного права на приобретение доли, то сама суть общества с ограниченной ответственностью как организационно-правовой формы искажается. Как известно первоначально корпорация образовалась именно как акционерное общество, а создание такой организационно-правовой формы как общество с ограниченной ответственностью было осуществлено как ответ на возможность ограничения изменения состава участников корпорации. Таким образом, предусматривая положения об исключении преимущественного права продажи, участники меняют природу юридического лица. Подобное поведение может повлечь неопределенность в правопонимании. Если участники хотят отменить это право они свободны выбрать иную организационно-правовую форму, на пример акционерное общество.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Предмет советского гражданского права и метод гражданско-правового регулирования. Антология уральской цивилистики 1925–1989. М.: Статут, 2001.
2. *Аскназий С. И.* Очерки хозяйственного права СССР. М.: Прибой, 1926.
3. *Кузнецов А. А.* Пределы автономии воли в корпоративном праве. Краткий очерк. М.: Статут, 2017.
4. *Лаптев В. В.* Предмет и система хозяйственного права. М.: Юрид. лит., 1969.
5. *Ломакин Д. В.* Акционерное правоотношение. М.: Спарк, 1997.
6. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001.
7. *Степанов П. В.* Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
8. *Суханов Е. А.* Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014.
9. *Тарасов И. Т.* Учение об акционерных компаниях. М.: Статут, 2000.
10. *Черепашин Б. Б.* К вопросу о частном и публичном праве. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001.
11. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995.

Елфимова Е. В.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Публично-правовые начала установления минимального размера оплаты труда

В статье акцентируется внимание на публичном праве как отрасли, нормы которой способны защитить общественное благосостояние. Приводится исторический аспект регулирования заработной платы и актуальные показатели минимального размера оплаты труда. Отмечается современное состояние проблем в сфере минимального размера оплаты труда.

Ключевые слова: минимальный размер оплаты труда; заработная плата; право на вознаграждение за труд.

Влияние публичного права на экономическую сферу осуществляется преимущественно административно-правовыми методами. Публичное право — это часть системы права, нормы которой способны защитить общественное благосостояние. Публичное право устанавливает систему и структуру органов исполнительной власти, в том числе и в сферах экономического развития, финансов, налогов и сборов, рынка ценных бумаг, антимонопольной деятельности и др. Помимо этого публичным правом устанавливаются правила охраны труда, правила отдельных видов деятельности, правила пожарной безопасности, правила торговли и т. д.

В современной России работодатель не вправе устанавливать размер заработной платы ниже минимального размера оплаты труда (далее — МРОТ). Государство защищает права граждан в данной сфере путем установления административной ответственности (ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). На стыке публичных и частных интересов находятся вопросы оплаты труда.

Обращаясь к истории регулирования заработной платы, по крайней мере, в странах, которые сегодня принято называть «экономически развитыми» следует отметить, что она начиналась с установления ее фиксированной суммы за определенные виды работ и/или ограничения ее максимальных размеров на государственном уровне [6, с. 18]. Таким образом, установление минимума заработной платы — идея в историческом смысле сравнительно новая. Ее современная трактовка сформировалась в конце XIX века на волне ряда специфических для этого периода процессов, среди которых формирование крупных производств и рост рабочего класса, стремительное ухудшение условий труда и бурное развитие рабочего движения [4].

Сегодня в ст. 7 Конституции РФ указано, что в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, в ст. 37 Конституции закреплено право каждого человека на вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право социального обеспечения граждан (ст. 39). Эти права закреплены и в различного рода международных документах, в том числе во Всеобщей декларации прав человека (принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН), в Конвенции МОТ №95 «Конвенция МОТ об охране заработной платы» (принята в г. Женеве 1 июля 1949 г.).

Вместе с тем, МРОТ не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения (ч. 1 ст. 133 Трудового кодекса Российской Федерации — далее ТК) . В соответствии со ст. 421 ТК порядок и сроки поэтапного повышения МРОТ до размера прожиточного минимума устанавливаются федеральным законом. Вместе с тем такой закон не был принят до 2018 г., несмотря на то, что прошло уже более десяти лет с момента указания на это в ТК. Однако это не являлось нарушением Конституции РФ, так как в ее ч. 2 ст. 7 предусмотрена лишь необходимость соблюдения требования об обеспечении работникам МРОТ.

Однако отдельные ведущие ученые обоснованно считали, что до принятия соответствующего закона у работника в любом случае есть право на заработную плату не ниже прожиточного минимума. Так, В. И. Миронов отмечает, что «...Все правоприменители (суды, инспекции труда) ... на основании ст. 7 Конституции РФ, ст. 23 Всеобщей декларации прав человека, ст. 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах обязаны по требованию работников, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума, взыскать заработную плату в размере прожиточного минимума с их работодателей» [3].

Помимо этого Конституционный Суд РФ в Определении от 1 октября 2009 г. № 1160-О-О особо обращает внимание на то, что «институт минимального размера оплаты труда по своей конституционно-правовой природе предназначен для установления того минимума денежных средств, который должен быть гарантирован работнику в качестве вознаграждения за выполнение трудовых обязанностей с учетом прожиточного минимума (п. 2.1)», а также, что «основным назначением минимального размера оплаты труда в системе действующего правового регулирования является обеспечение месячного дохода работника, отработавшего норму рабочего времени, на уровне, достаточном для

восстановления работоспособности и удовлетворения основных жизненных потребностей (п. 2.2)»¹.

Остановимся на актуальных показателях МРОТ и прожиточного минимума на душу населения. С 1 января 2018 г. МРОТ в России вырос более чем на 20 % и его размер составил 9489 р.², что составляет 85 % от величины прожиточного минимума за аналогичный период. Прожиточный минимум на 1 января 2018 г. на душу населения составляет 10328 р.³

Изначально, в декабре 2017 г., в законе было отмечено, что начиная с 1 января 2019 г. МРОТ ежегодно с 1 января каждого последующего года будет устанавливаться федеральным законом в размере величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации за второй квартал предыдущего года. Однако уже в январе 2018 г. Президент РФ В. В. Путин на церемонии подписания Генсоглашения между Правительством РФ, профсоюзами и работодателями заявил, что федеральный лимит заработной платы должен быть увеличен до прожиточного минимума оперативно. После чего Министерство труда и социальной защиты РФ незамедлительно подготовило соответствующее постановление, повышающее с 1 мая 2018 г. МРОТ до прожиточного минимума трудоспособного населения за 2-й квартал 2017 г., а Государственная Дума РФ на пленарном заседании 7 февраля 2018 г. приняла закон в первом чтении. Таким образом, МРОТ увеличится до уровня прожиточного минимума на восемь месяцев раньше планируемого изначально срока и с 1 мая 2018 г. составит 11163 р., т. е. достигнет величины прожиточного минимума трудоспособного населения за второй квартал 2017 г. «Рост МРОТ, по сравнению с январем 2018 г., составит 17,5 %, а суммарное повышение МРОТ в 2018 г. — 43 %», — констатировал глава Министерства

---

¹ По жалобе граждан Миткалева Виталия Александровича, Хисаевой Лилии Исмагиловны и Юмагулова Марса Расульевича на нарушение их конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „О минимальном размере оплаты труда“ и другие законодательные акты Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 1 октября 2009 г. № 1160-О-О.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума трудоспособного населения: федер. закон от 28 декабря 2017 г. № 421-ФЗ.

³ Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за 3-й квартал 2017 г.: постановление Правительства РФ от 8 декабря 2017 г. № 1490.

труда и социальной защиты РФ Максим Топилин¹. Согласно финансово-экономическому обоснованию закона, суммарные расходы на повышение зарплаты работников бюджетной сферы в 2018 г. составят 39,3 млрд р., в том числе работников федеральных государственных учреждений — 7,5 млрд р., а работников госучреждений субъектов РФ и муниципальных учреждений — 31,8 млрд р.²

Что же касается регионального МРОТ, то с 1 мая 2018 г. регионы могут установить в специальном трехстороннем соглашении (об этом должны договориться региональное правительство, профсоюзы и объединение работодателей) свой лимит, превышающий федеральный (ст. 133.1 ТК). Однако работодатели вправе отказаться от регионального МРОТ. Для этого потребуется оформить мотивированный отказ и отправить его в местное отделение Комитета по труду и занятости. На сегодняшний день, т. е. до 1 мая 2018 г., применив на практике право устанавливать свой лимит, 85 регионов России определили свои цифры МРОТ в соответствующих региональных актах³.

Затрагивая проблему составляющих величины МРОТ, отметим, что в ст. 129 ТК прямо закрепляется, что заработная плата (оплата труда работника) — это вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты).

Вместе с тем многие специалисты в области трудового права обоснованно считают, что в величину МРОТ не должны включаться компенсационные, стимулирующие и социальные выплаты [5]. В качестве возможного альтернативного решения некоторыми авторами предлагается привязка МРОТ к размеру оклада (должностного оклада) и (или) тарифной ставке работника [2]. В то же время сам законодатель установил, что заработная плата может зависеть исключительно от квалификации работника, сложности выполняемой работы, количества и качества затраченного

---

¹ Минимальный размер оплаты труда досрочно увеличат с 1 мая 2018 г. URL: <http://radio-serov.ru/minimalnyy-razmer-oplaty-truda-dosrochno-uvlichat-s-1-maya-2018-goda>.

² Путин ожидает оперативного принятия законопроекта о повышении МРОТ до прожиточного минимума. URL: <http://er.ru/news/163649/>.

³ МРОТ регионов России. URL: <http://ppt.ru>.

труда (ст. 132 ТК), соответственно, никакие другие факторы не могут оказывать влияния на ее размер.

Следующей проблемой в сфере рассматриваемой темы выступает процедура установления минимальной заработной платы в субъекте РФ. Данная тема традиционно вызывает острые научные и профессиональные дискуссии, что связано с наличием многочисленных коллизий и пробелов в содержании ст. 133.1 ТК.

Так, вопрос, который в настоящее время остается открытым и не имеет однозначного решения, — включается ли в минимальную заработную плату в субъекте РФ районный коэффициент к заработной плате (ст. 316 ТК), а также процентная надбавка к заработной плате (ст. 317 ТК). Исходя из смысла указанных статей районные коэффициенты и надбавки к заработной плате работникам, не включаются в состав заработной платы, соответственно, должны начисляться сверх установленной минимальной заработной платы в субъекте РФ. Кроме того, в декабре 2017 г. профсоюзам удалось доказать в Конституционном суде, что в минимальный размер оплаты труда не должны включаться различные надбавки и компенсации, включая северные выплаты. Соответствующее решение суд вынес 7 декабря 2017 г., оглашая решение по делу о проверке конституционности положений статей 129, 133 и 133.1 Трудового кодекса¹. Профсоюзы расценивают постановление суда как полную победу, подтверждающую, что все их требования относительно выплат «чистого МРОТ» были и являются справедливыми. Будем надеяться, что данное решение суда станет толчком для внесения изменений в отдельные статьи Трудового кодекса, в части определения МРОТ. Секретарь Федерации независимых профсоюзов России Николай Гладков отметил: «Районные коэффициенты и «северные» надбавки не только не должны включаться в МРОТ, но напротив, должны начисляться на всю зарплату» [1].

Подводя итог, отметим, что публичное право как часть системы права устанавливает общие начала оплаты труда, в том числе правило, изложенное в ч. 1 ст. 133 ТК, что МРОТ не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Однако, учитывая развитие экономики нашей страны, привести ситуацию в соответствие с указанной нормой удалось только в 2018 г. Вместе с тем на сегодняшний день остаются неразрешенными проблемы и противоречия рассматриваемой темы, изложенные в настоящей статье, решение которых позволит совершенствовать в целом систему заработной платы.

---

¹ Минтруд опубликовал законопроект о повышении МРОТ с 1 мая 2018 г. URL: <http://sakhapress.ru/archives/231684>.

Библиографический список

1. *Гладков Н.* Конституционный суд гарантировал оплату «северных» надбавок. URL: https://www.solidarnost.org/news/Konstitutsionnyy_sud_garantiroval_oplatu_severnyh_nadbavok.html.
2. Минимальные границы заработной платы. Эффективный контракт // И. Я. Белицкая, Д. Л. Кузнецов, Ю. П. Орловский и др.; отв. ред. Ю. П. Орловский. М.: КОНТРАКТ, 2015.
3. *Миронов В. И.* Трудовое право: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2009.
4. *Орловский Ю. П., Кузнецов Д. Л., Черняева Д. В.* Правовое регулирование минимальной оплаты труда. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
5. Трудовое право: учеб. для бакалавров / отв. ред. К. Н. Гусов. М.: Проспект, 2013.
6. *Черняева Д. В.* Трудовые отношения в странах англосаксонского права. М.: Клувер, 2009.

Изможенов А. К., Шайбакова Л. Ф.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Развитие нормативно-правовой базы внешнего государственного и муниципального финансового контроля в России

В статье кратко описывается процесс развития нормативно-правовой базы внешнего государственного финансового контроля в сфере бюджетных правоотношений в Российской Федерации за период с 1993 по 2017 г. на основе анализа нормативных правовых актов, монографий и документов, относящихся к этому периоду.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль; Счетная палата РФ; контрольно-счетные органы; субъект РФ; муниципальное образование; федеральный закон.

Средства бюджетов бюджетной системы РФ используются как в порядке бюджетных правоотношений, так и в порядке гражданско-правовых отношений при реализации государственных и муниципальных контрактов. Именно здесь, на стыке бюджетных и гражданско-правовых отношений наблюдаются основные риски незаконного и неэффективного использования бюджетных средств. Заказчик, являясь участником бюджетных правоотношений, заключает гражданско-правовые договоры с подрядчиком (исполнителем) и только он может обеспечить их полное и качественное исполнение. Органы внутреннего и внешнего государственного и муниципального финансового контроля могут выявить нарушения только при проверках исполненных контрактов, когда расчеты с исполнителем уже произведены.

Внешний государственный финансовый контроль в бюджетной системе РФ осуществляют Счетная палата РФ, контрольно-счетные органы субъектов РФ и муниципальных образований. Особенность этих органов состоит в том, что они образованы законодательными (представительными) органами, подотчетны им и уполномочены представлять им информацию о том, насколько эффективно и результативно исполнительные органы государственной власти, исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления управляют общественными ресурсами.

Российское законодательство в сфере внешнего государственного и муниципального финансового контроля постоянно совершенствуется.

Правовые основы государственного финансового контроля в бюджетной сфере были заложены в 1993 г. при принятии Конституции РФ. В 1995 г. был принят первый Федеральный закон № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», который определил Счетную палату постоянно действующим органом государственного финансового контроля, подотчетным Федеральному Собранию РФ. Следует отметить, что в тот период федеральное законодательство в части регулирования государственного финансового контроля не в полной мере соответствовало руководящим принципам контроля, провозглашенным в Лимской декларации Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ)¹. Недостатки законодательства не помешали созданию конституционного органа финансового контроля. Счетная палата Российской Федерации начала свою деятельность весной 1995 г.

В это же время законодательные органы субъектов Российской Федерации стали создавать первые подотчетные им органы финансового контроля за исполнением региональных бюджетов. В течение 1995 г. законодательными органами субъектов России было создано 26 органов финансового контроля. В отсутствие федеральных нормативных правовых актов, регулирующих образование и функционирование таких органов, региональные законодатели создавали контрольные органы как в составе законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, так и в качестве самостоятельных органов, обладающих правами юридического лица. К концу 2000 г. были образованы 67 контрольных органов, 32 из которых были созданы в составе законодательных органов субъектов Российской Федерации и 35 являлись самостоятельными юридическими лицами. Контрольные органы, создаваемые региональными парламентами, стали называть контрольно-счетными органами.

---

¹ Лимская декларация руководящих принципов контроля (принята в г. Лиме 17 октября 1977 г. — 26 октября 1977 г. IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ)). URL: <http://www.consultant.ru>

В 2000 г. вступил в действие Бюджетный кодекс РФ, в котором, в частности, были определены основы осуществления государственного финансового контроля в бюджетной сфере. Кодекс закрепил право региональных законодательных органов и представительных органов местного самоуправления муниципальных образований на создание собственных контрольных органов для проведения внешнего аудита бюджетов. Формулировки, использованные в Бюджетном кодексе, не давали ответов на многие вопросы. Термин «собственные контрольные органы» ставил под сомнение наличие у этих органов должной степени самостоятельности. Не закреплялось практически применяемое уже несколько лет понятие контрольно-счетных органов. Бюджетный контроль не подразделялся на внешний и внутренний.

Качественное изменение нормативно-правовой базы осуществления государственного финансового контроля в бюджетной сфере началось с 2011 г. с принятием Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». Впервые в законодательстве появился термин «контрольно-счетные органы», впервые они были названы органами внешнего государственного финансового контроля. Данный закон установил общие требования к статусу, процессу формирования, составу и структуре контрольно-счетных органов, их основные полномочия. Принятие данного закона позволило внести соответствующие изменения в законодательство российских регионов и обеспечить создание в течение 2011 г. контрольно-счетных органов, обладающих организационной и функциональной независимостью, во всех субъектах Российской Федерации. Ускорилось создание контрольно-счетных органов муниципальных образований.

Особо значимым для развития внешнего государственного и муниципального финансового контроля стал 2013 г. Был принят целый ряд законов, конкретизирующих и расширяющих полномочия органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля. В частности, вступил в действие новый Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», в котором она получила статус высшего органа внешнего государственного финансового аудита (контроля). Как орган государственного аудита Счетная палата РФ получила полномочия проводить финансовый аудит, аудит эффективности, стратегический аудит, аудит государственных программ, инвестиционных проектов, федеральных информационных систем, аудит в сфере закупок, аудит состояния государственного долга, аудит банковской системы России. Таким образом, в данном законе реализовались взгляды С. В. Степашина на роль государственного аудита в развитии экономики [2].

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» конкретизировал полномочия органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля по проведению аудита в сфере закупок. В законе четко разграничены понятия контроля в сфере закупок и аудита в сфере закупок [1].

Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» четко определил роль Счетной палаты РФ в организации парламентского контроля.

Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 252-ФЗ были внесены изменения в Бюджетный кодекс РФ, оказавшие существенное влияние на улучшение организации государственного и муниципального финансового контроля в бюджетной сфере. Закон подразделил государственный (муниципальный) финансовый контроль на внешний и внутренний, определил основы организации государственного финансового контроля в бюджетной сфере.

Таким образом, к концу 2013 г. сформировалась нормативно-правовая база для осуществления эффективного внешнего государственного контроля в современной России, в полной мере отвечающая международным принципам.

В то же время требуют правового урегулирования некоторые вопросы, решение которых могло бы способствовать более эффективному использованию бюджетных средств, в частности:

— органы внешнего государственного и муниципального финансового контроля имеют ограниченные возможности при проверке использования бюджетных средств, израсходованных в ходе исполнения государственных и муниципальных контрактов. В порядке бюджетных правоотношений контролю подлежит заказчик, а он не всегда способен вернуть в бюджет незаконно выплаченные исполнителю бюджетные средства. Этот механизм требует доработки;

— Федеральный закон № 6-ФЗ не наделяет контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований полномочиями, аналогичными полномочиям Счетной палаты РФ. В частности, в законе отсутствует норма о том, что эти органы являются органами государственного (муниципального) аудита, соответственно, в их полномочия не входит проведение тех форм аудита, которые осуществляет Счетная палата РФ. Назрела необходимость доработки Федерального закона № 6-ФЗ.

Библиографический список

1. Измоденов А. К., Франц О. Б., Шайбакова Л. Ф. Аудит и контроль в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных

нужд // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 6 (ч. 5). С. 32–34.

2. *Степаншин С. В.* Государственный аудит и экономика будущего. М.: Наука, 2008.

Истомин В. Г.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Современные проблемы защиты прав субъектов, нарушенных в результате несоблюдения запретов, установленных антимонопольным законодательством

В статье характеризуется специфика применения судебной и административной форм защиты прав субъектов, участвующих в отношениях, регулируемых законодательством о защите конкуренции. Рассматриваются вопросы, связанные с применением отдельных способов защиты гражданских прав в сфере антимонопольного регулирования и основные тенденции развития законодательства о формах и способах защиты прав участников конкурентных отношений. Анализируется существующая научная доктрина, российская и зарубежная правоприменительная практика.

Ключевые слова: защита гражданских прав; формы и способы защиты; полномочия антимонопольного органа; убытки.

Право на занятие предпринимательской деятельностью является важной составляющей правоспособности индивидов и коллективных образований. Оно прямо закреплено ст. 34 Конституции и ст. 18 ГК РФ. Вместе с тем законодательство устанавливает и пределы осуществления данного права. В частности, та же ст. 34 Конституции запрещает экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Подобная деятельность наносит вред как хозяйствующим субъектам, так и потребителям. При этом лица, чьи права и законные интересы пострадали в результате антиконкурентного поведения, вправе использовать любые допустимые способы защиты гражданских прав, перечень которых в общем виде закреплен в ст. 12 ГК РФ¹. В качестве основной формы

---

¹ Исходя из того, что перечень способов защиты в ст. 12 ГК РФ не является исчерпывающим, в юридической науке предлагается вести речь о таком способе защиты гражданских прав, как «право на защиту от недобросовестной конкуренции» (см.: [8]). Однако представляется, что способ защиты — это определенная мера принудительного характера, которая обладает собственным материально-правовым содержанием и основаниями применения, рассчитанными на любые аналогичные правонарушения независимо от того, затрагивают ли они отношения конкуренции или какие-либо иные, поэтому выделять отдельно данный способ защиты вряд ли целесообразно.

защиты нарушенных прав законодательство, в п. 1 ст. 11 ГК РФ, указывает судебную защиту, однако в соответствии с пунктом 2 данной нормы в случаях, предусмотренных законом, защита гражданских прав осуществляется в административном порядке. В юридической литературе отмечается, что в настоящее время спецификой отношений, регулируемых законодательством о защите конкуренции, напротив является преобладание административного порядка защиты прав хозяйствующих субъектов. Высказывается мнение, что российская модель антимонопольного регулирования «не поощряет судебный механизм антимонопольного правоприменения», а судебная практика «явно свидетельствует... о полной зависимости судебного механизма от административного» [3]. Вместе с тем при анализе практики применения норм антимонопольного законодательства в рамках Европейского Союза также отмечается преобладание актов, принимаемых антимонопольными органами либо судами на основании актов данных органов, над частными исками, подаваемыми субъектами без какого-либо предыдущего решения антимонопольного органа (stand-alone-actions). Обратная ситуация имеет место в США, где большое развитие получили именно иски, относящиеся к категории stand-alone-actions, т.е. не основанные на решении антимонопольного органа [4].

Сам по себе административный порядок защиты гражданских прав, бесспорно, в определенных случаях является эффективным, имеет серьезные положительные качества. Они заключаются в том, что при обращении в антимонопольный орган нет формальных требований к заявлению и иным документам; не требуется оплаты госпошлины; рассмотрение дел нередко занимает меньший срок, чем в суде; антимонопольный орган сам ведет расследование, собирает доказательства, а не только содействует сторонам в сборе доказательств, как это происходит в суде; предписание антимонопольного органа может оказаться более эффективным и быстрым способом защиты конкурентной среды и нарушенных прав хозяйствующих субъектов, чем обращение в суд [6]. Поэтому представляется, что обе формы защиты прав участников экономического оборота — судебная и административная — должны существовать как самостоятельные юридические механизмы, позволяющие субъектам осуществлять защиту своих прав и законных интересов. Право выбора органа, в который следует обратиться за защитой, принадлежит самому субъекту. Вместе с тем справедливо говорить и об определенном взаимодействии указанных форм защиты. Так, например, двухступенчатую модель защиты прав, когда обращение в суд с заявлением следует за рассмотрением дела

о правонарушении антимонопольным органом и основано на его решении по делу иногда оценивают как «более предпочтительную» [1]. Действительно, в том случае, когда антимонопольное правонарушение явилось предметом рассмотрения комиссии Федеральной антимонопольной службы РФ, то последующее судебное доказывание конкретных фактических обстоятельств существенно упрощается, поскольку антимонопольный орган должен провести соответствующее разбирательство, по сути говоря, расследование обстоятельств нарушения антимонопольного законодательства, собрать необходимые доказательства и вынести решение.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции антимонопольный орган в процессе осуществления своей деятельности наделен широкими полномочиями по защите гражданских прав и законных интересов хозяйствующих субъектов и потребителей. Так, Федеральная антимонопольная служба и ее территориальные органы вправе выдавать соответствующим субъектам предписания о прекращении ограничивающих конкуренцию соглашений и (или) согласованных действий, о прекращении злоупотребления доминирующим положением и совершении действий, направленных на обеспечение конкуренции, о заключении договоров, изменении их условий или о расторжении договоров, о прекращении недобросовестной конкуренции, о совершении действий, направленных на устранение нарушений порядка организации, проведения торгов и ряд других, обращаться в суд с исками, в том числе о признании недействующими либо недействительными ненормативных актов органов государственной власти и местного самоуправления, о признании недействительными полностью или частично договоров, об изменении или о расторжении договора, о признании торгов недействительными, а также вправе осуществлять ряд других полномочий. В настоящее время законодательство и судебная практика также признают возможность заключения антимонопольным органом мировых соглашений при рассмотрении судами споров с его участием¹.

В контексте характеристики указанных полномочий антимонопольного органа определенное значение имеет вопрос о соотношении компетенции данного органа и суда, в том числе применительно к реализации антимонопольным органом отдельных своих полномочий. Судебные органы при оценке правоприменительной деятельности антимонопольного органа обращают внимание на то, что, прекращая нарушение ан-

---

¹ См.: Ст. 190 АПК РФ и п. 28 Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства».

тимонопольного законодательства, антимонопольный орган не вправе в рамках своей компетенции разрешать гражданско-правовые споры хозяйствующих субъектов. В частности, он не полномочен выносить предписания нарушителю об уплате контрагенту задолженности или о возмещении понесенных убытков¹. В некоторых случаях предписания антимонопольного органа, например, об отмене или аннулировании торгов расценивались арбитражными судами как превышение им своих полномочий, поскольку ликвидация правовых последствий торгов при наличии нарушений их проведения возможна только в судебном порядке [2]. Также в литературе обращается внимание на то, что «антимонопольный орган не вправе предписывать исключить из договора условия, предусмотренные законом для данной категории договоров» и «не вправе формулировать конкретные условия договоров» [3]. В контексте указанных рассуждений необходимо отметить, что, с одной стороны, антимонопольный орган по своему статусу является органом исполнительной власти и не вправе подменять собой судебные инстанции, выносить решения по существу гражданско-правового спора. Однако, с другой стороны, представляется, что антимонопольный орган вправе и даже обязан применять нормы гражданского законодательства в целях защиты конкуренции, прав и законных интересов хозяйствующих субъектов и потребителей.

В настоящее время законодательство о защите конкуренции претерпевает определенные изменения, связанные, в том числе, с установлением новых и развитием существующих средств и способов защиты антимонопольным органом и непосредственно участниками экономических отношений соответствующих прав и законных интересов. Так, серьезные дискуссии в свое время вызвала попытка установления в антимонопольном законодательстве так называемых кратных или штрафных убытков, задекларированная в утратившем ныне силу распоряжении Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 2579-р «Об утверждении плана мероприятий („дорожной карты“) „Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики“». Согласно первоначальной редакции раздела 7 Плана мероприятий по реализации системных мер по развитию конкуренции в Российской Федерации предлагалось дополнить законодательство нормой, устанавливающей возможность взыскания убытков в кратном размере за нарушение законодательства о защите конкуренции. Данное предложение встретило в целом негативную

---

¹ См.: О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. № 30. П. 5.

реакцию научного сообщества со ссылками на противоречие правовой природы санкции в виде возможности взыскания многократных убытков компенсационной направленности убытков как меры ответственности, свойственной для российского гражданского права, сложностями, которые могут возникнуть при одновременном взыскании кратных убытков и административных штрафов в связи с, по сути, публично-правовой природой первых, нарушением принципа запрета на двойное привлечение к ответственности за одно и то же правонарушение, чрезмерность возможных неблагоприятных имущественных последствий для субъекта ответственности [5; 7].

В целом необходимо отметить значительную интенсивность развития антимонопольного законодательства, динамизм вносимых в него изменений. Однако также сохраняется и потребность в тщательной проработке соответствующих законопроектов, учете концептуальных основ российской правовой системы, а также современного отечественного и зарубежного опыта правоприменения.

Библиографический список

1. *Башлаков-Николаев И. В.* Гражданско-правовая ответственность в сфере защиты конкуренции. Система частных и групповых исков // СПС «Консультант Плюс».
2. *Беляева О. А.* Правовые проблемы аукционов и конкурсов // СПС «Консультант Плюс».
3. *Борзило Е. Ю.* Антимонопольные риски предпринимательской деятельности: науч.-практ. руководство // СПС «Консультант Плюс».
4. *Борзова М. А., Подгузова К. Г.* Частные иски в антимонопольном праве // СПС «Консультант Плюс».
5. *Елисеев Н. Г.* Многократные убытки за нарушение антимонопольного законодательства: перспективы появления в российском праве // СПС «Гарант».
6. *Клейн Н. И.* Рассмотрение дел о нарушениях антимонопольного законодательства арбитражными судами и антимонопольными органами // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Леснической, М. А. Рожковой // СПС «Консультант Плюс».
7. *Ковалева О., Галеев Б.* Почему Россия не Америка? О новых средствах коллективной защиты в антимонопольном праве // СПС «Консультант Плюс».
8. *Писенко К. А., Бадмаев Б. Г., Казарян К. В.* Антимонопольное (конкурентное) право: учебник // СПС «Консультант Плюс».

Кожевников О. А.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург
Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург

Роль Конституционного Суда РФ в защите экономической свободы

На современном этапе развития экономических отношений особую роль стали играть не правила осуществления экономической деятельности, а правовые регуляторы в виде отдельных правовых актов или даже норм права. В этой связи пристальное внимание обращается на соответствие норм правовых актов, регулирующих сферу экономических отношений, положениям Конституции РФ. В рамках настоящего исследования автором делается вывод об особой роли Конституционного суда РФ в обеспечении защиты конституционных прав субъектов экономической деятельности путем осуществления конституционного судопроизводства.

Ключевые слова: Конституция РФ; Конституционный Суд РФ; экономическая свобода; решения Конституционного Суда РФ; право; экономика; предпринимательская деятельность.

В условиях усиления «санкционного» давления на российскую экономику, повышение роли политических решений на развитие торгово-экономических связей особую роль в регулировании экономических процессов приобретает различные правовые институты. В условиях, когда законы экономики уже не имеют главенствующего значения в регулировании экономических отношений, прежде всего международных, только приверженность к правовому режиму разрешения экономических коллизий и споров может дать шанс на цивилизованное дальнейшее развитие человеческого прогресса.

В Российской Федерации еще не выработалось в полной мере осознание общества и власти значимости права и его инструментов для регулирования экономических отношений. Этому способствует и не всегда обоснованный динамизм гражданского, процессуального, финансового законодательства в сочетании с неустойчивой правоприменительной практикой, сочетающейся порой крайне противоположными выводами по однородным ситуациям и спорам. В таких условиях, особую роль приобретают положения Конституции РФ, как базовые «магистральные» начала регулирования большинства общественных отношений в РФ, в том числе и экономических.

Конституции РФ содержит целый ряд базовых для экономического развития норм, позволяющих государству при их реализации обеспечить достойную жизнь и свободное развития человека, как основу формирования современного типа личности, готового приносить пользу российскому

государству и обществу. Упомянем лишь некоторые из статей Конституции РФ подтверждающие вышеуказанный вывод: единство экономического пространства; свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств; поддержка конкуренции; свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 8); признание и защита равным образом различных форм собственности (ч. 2 ст. 8); значение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в регулировании, в том числе экономических отношений (ч. 4 ст. 15) и т. д.

К сожалению, 25-летний юбилей Конституции РФ, который мы будем отмечать в декабре 2018 г. показал, что закрепление в ее тексте положения о ее высшей юридической силе, вовсе не означает, что правоприменительные органы всегда следует названному предписанию. В связи с этим особую роль в охране и реализации положений Конституции РФ играет Конституционный Суд РФ как один из высших национальных судебных органов, осуществляющих защиту прав и свобод человека и гражданина посредством конституционного судопроизводства. Полномочия Конституционного Суда РФ как органа конституционного контроля закреплены в *Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»*¹. Особую роль данного суда подчеркивают положения статьи 79 названного федерального конституционного закона, закрепляющие *окончателность и не возможность обжалования решения Конституционного Суда РФ, а также запрет судам общей юрисдикции и арбитражным судам при рассмотрении дел после вступления в силу постановления Конституционного Суда Российской Федерации руководствоваться нормативным актом или отдельными его положениями, признанными Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, либо применять нормативный акт или отдельные его положения в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации истолкованием.*

В решениях Конституционного Суда Российской Федерации с момента его основания и до настоящего времени ежегодно затрагиваются различные аспекты конституционно-правового регулирования экономической деятельности: от общих вопросов понимания экономической свободы, принципов и правовой охраны частной и иных форм собственности до конкретных аспектов содержания права на свободу экономической деятельности, основанного на положениях законодательных источников частного права. Некоторые решения Конституционного Суда РФ стали поистине судьбоносными для формирования частнопровых аспектов

---

¹ Собрание законодательства РФ от 25 июля 1994 г. № 13. Ст. 1447.

экономической свободы субъектов предпринимательской деятельности. Так в постановлении от 24 февраля 2004 г № 3-П¹. Конституционный Суд РФ отметил, что «принципом экономической свободы предопределяются конституционно гарантируемые правомочия, составляющие основное содержание конституционного права на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской и иной незапрещенной законом экономической деятельности. Реализуя данное право, граждане «вправе определять сферу этой деятельности и осуществлять соответствующую деятельность в индивидуальном порядке либо кооперативе, т. е. путем создания коммерческой организации как формы коллективного предпринимательства, самостоятельно выбирать экономическую стратегию развития бизнеса, использовать свое имущество с учетом установленных Конституцией РФ гарантий права собственности (ст. 35, ч. 3) и поддержки государством добросовестной конкуренции (ст. 8, ч. 1; ст. 34, ч. 2)».

Об особом отношении Конституционного Суда РФ к конституционно-правовому толкованию норм законодательства об экономической (предпринимательской) деятельности свидетельствует и тот факт, что предварительно ежеквартально, а в последствии ежегодно Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации подготавливает обзор наиболее важных решений, принятых Конституционным Судом РФ, которые могут оказать воздействие на правоприменительную практику. Данные решения сформированы по отдельным направлениям законодательства, в частности в обязательном порядке присутствуют решения, затрагивающие конституционные основы публичного права и конституционные основы частного права. Так, в своем обзоре практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2017 г.² раздел «Конституционные основы публичного права» начинается с изложения позиций Конституционного Суда РФ, представленных в постановлении от 19 января 2017 г. № 1-П, в котором Конституционный Суд разрешил вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», а раздел «Конституционные основы частного права» «стартует» изложением позиции Конституционного Суда РФ в постановлении от 10 марта 2017 г. № 6-П, в котором Суд дал оценку конституционности ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации. Не вызывает сомнений, что указанные решения

---

¹ <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30298.pdf>

² <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Generalization/Pages/InformationReview2017.aspx>

заложили основу для дальнейшего формирования правоприменительной практики в сфере экономических отношений и споров на основе толкования органом конституционного контроля соответствующих положений Конституции РФ и отраслевого законодательства.

К сожалению в рамках установленного объема публикации невозможно осветить все аспекты заявленной темы, но безусловно, подводя итог, нельзя не отметить, особую роль Конституционного Суда РФ в защите свободу конституционно-правовых основ экономической деятельности, обеспечении ее законности, равного доступа к реализации гражданами и их объединениями права на свободу экономической деятельности и т. д. Защита свободы экономической деятельности осуществляется Конституционным Судом РФ как путем признания неконституционными законов или иных нормативно-правовых актов, а также их положений, так и путем конституционно-правового толкования норм отраслевого законодательства РФ.

Колоткина О. А.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Экономическая безопасность личности: понятие, место в системе национальной безопасности Российской Федерации

Интересы личности в области обеспечения ее экономической безопасности рассматриваются зачастую в современной науке через призму интересов государства и общества в целом. В статье акцентируется внимание на двойственной природе экономической безопасности личности, которая сочетает в себе начала как индивидуального, так и коллективного интереса в сфере обеспечения национальной безопасности. Отстаивается позиция о необходимости нормативного закрепления категории «экономическая безопасность личности», которая имеет свое уникальное содержание, что требует от законодателя создания должного механизма ее обеспечения.

Ключевые слова: национальная безопасность; экономическая безопасность личности; частный интерес; публичный интерес; обеспечение экономической безопасности; угрозы экономической безопасности личности.

Устойчивое взаимодействие экономики и права в современных условиях не вызывает сомнения, что требует более пристального внимания со стороны представителей как экономической, так и юридической науки. Такое взаимодействие первостепенным образом проявляется через механизм правового регулирования, его воздействия на отношения в сфере экономики. Последнее время пристальное внимание исследователей уделяется вопросам обеспечения национальной безопасности, отдельным

ее видам, в том числе и экономической безопасности. Анализ таких исследований показывает, что преимущественно категория «экономическая безопасность» изучается представителями экономической и юридической науки с точки зрения соблюдения публичных интересов. Таким образом, экономическую безопасность, ее содержание и современное состояние рассматривают в контексте только государственных и общественных интересов в ущерб интересам личности¹. Так в соответствии со Стратегией экономической безопасностью Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 683 под экономической безопасностью понимается состояние защищенности национальной экономики от внутренних и внешних угроз. При этом интересы таких объектов обеспечения экономической безопасности как общество и личность в новой Стратегии не обозначены, по сравнению с ранее действующей Государственной стратегией экономической безопасности Российской Федерации (утратила силу).

В рамках настоящего исследования, под экономической безопасностью личности предлагается понимать такое состояние защищенности ее экономических интересов, при котором будут созданы приемлемые условия для жизни и дальнейшего развития человека. Стоит признать, что именно экономическая безопасность личности в современных условиях является наиболее уязвимой в системе интересов национальной безопасности. Это обусловлено наличием угроз экономической безопасности личности, на возникновение которых оказывает существенное влияние как внутренняя, так и внешняя политика российского государства. К основным угрозам экономической безопасности личности можно отнести увеличение имущественной дифференциации населения на бедных и богатых; снижения уровня жизни на фоне повышения уровня бедности; рост безработицы; темпы инфляции; стабильность национальной валюты и др. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления категории «экономическая безопасность личности», на федеральном уровне созданы правовые основы обеспечения данного вида безопасности, представленные в таблице.

Проведенный анализ норм действующего законодательства позволяет сделать ряд промежуточных выводов.

Во-первых, личность рассматривается в качестве обособленно объекта национальной безопасности Российской Федерации, требующего обеспечения со стороны государства должного уровня защищенности своих законных интересов, прав и свобод от различного рода угроз посредством их должного прогнозирования, минимизирования и устранения.

---

¹ Орлова А. В. Эволюция понятия «Экономическая безопасность» // Научные ведомости Белгородского университета. 2012. № 19 (138). Вып. 24/1.

Правовые основы обеспечения экономической безопасности личности

Нормативный правовой акт	Аспекты правового регулирования
Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 5 октября 2015 г.)	<ul style="list-style-type: none"> — Личность обозначается в качестве обособленного объекта обеспечения безопасности (ст. 1); — признается разнообразие видов безопасности различных объектов (ст. 1); — перечислены основные направления деятельности, направленные на обеспечение различных видов безопасности, в том числе и экономической (ст. 3)
Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»	<ul style="list-style-type: none"> — Уделяется внимание отдельным аспектам обеспечения экономической безопасности личности в части повышения качества жизни; — отмечается необходимость развития человеческого потенциала, удовлетворения материальных и иных потребностей человека, снижения уровня имущественного неравенства за счет увеличения доходов (п. 50); — названы конкретные угрозы экономической безопасности личности — неблагоприятная динамика развития экономики, отставание в технологическом развитии, введение ограничительных экономических мер против России, нецелевое расходование бюджетных ассигнований, усиление дифференциации населения по уровню доходов, снижение качества потребительских товаров и оказываемых населению услуг (п. 51); — обозначены меры противодействия угрозам экономической безопасности личности (п. 53)
Указ Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.»	<ul style="list-style-type: none"> — Дано легальное определение «экономическая безопасность» без конкретизации интересов объектов — государства, общества и личности (п. 7); — уделяется внимание отдельным вопросам обеспечения экономической безопасности личности

Во-вторых, экономическую безопасность личности тесным образом связана с обеспечением приемлемого уровня качества жизни и возможности развития ее потенциала. Таким образом, экономическая безопасность личности представляет собой состояние защищенности интересов, прав и свобод личности от разноплановых экономических угроз и опасностей, которые негативным образом оказывают влияние на уровень жизни человека и его потенциал развития.

В-третьих, базовый закон о безопасности и стратегия национальной безопасности называют различные виды безопасности, среди которых отдельно обозначена такая разновидность национальной безопасности как «безопасность личности». В тоже время, законодатель не конкретизирует отдельные разновидности безопасности личности, которые должны быть обеспечены государством в различных сферах ее жизнедеятельности с учетом потенциальных и реальных опасностей и угроз. Не регламентируется на законодательном уровне в качестве самостоятельного вида национальной безопасности такая разновидность как «экономическая безопасность личности».

В-четвертых, в экономической безопасности личности, как показывает анализ норм действующего законодательства, проявляется двойственная природа, которая сочетает в себе частные и публичные интересы.

Кононенко О. В.

Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск

Чудиновских М. В.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Правовые подходы к регулированию криптовалют: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь

В работе представлены результаты сравнительно-правового анализа правовых подходов к регулированию криптовалют, дана оценка опыта Республики Беларусь и определены перспективы развития российского законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: биткоин; криптовалюта; цифровой финансовый актив; майнинг; Республика Беларусь; Российская Федерация.

Современный этап развития экономики и права ставит перед законодателями все более сложные задачи. Появление новых финансовых и экономических инструментов требует выработки адекватных мер административно-правового воздействия на экономические отношения. Правовые и экономические вопросы, связанные с обращением криптовалют, находятся в зоне пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей [3]. Перспективы использования криптовалют, а также их стоимость будут определяться правовым режимом как в каждом конкретном государстве, так и в международном масштабе. Сегодня правовой режим криптовалют определен законодательством лишь отдельных стран. Так, до марта 2014 г. Банк Японии не имел каких-либо планов относительно регулирования оборота биткойнов. Однако после краха Mt.Gox, базировавшейся в Токио, власти Японии объявили о необходимости регулирования данного рынка и выработки норм по налогообложению доходов от сделок с такими активами.

В Российской Федерации пока не принят закон, регулирующий обращение криптовалют. Законодатели пока затрудняются в выработке концептуальных подходов в силу новизны рассматриваемого явления. О необходимости расширения знаний об особенностях обращения цифровых валют свидетельствует размещение извещения Государственной Думы о проведении открытого конкурса по оказанию услуг по проведению экспертно-аналитических исследований на тему «Законодательное

регулирование внедрения и практического применения современных финансовых технологий. Анализ международного опыта и модальности адаптации в российской практике». Максимальная сумма контракта составила 2,5 млн р. (около 40 тыс. дол. США)¹.

В Государственную Думу по состоянию на апрель 2018 г. внесено несколько законопроектов. Анализ их текстов показывает, что российскому законодателю пока трудно определить правовую природу этого явления. Авторы законопроектов придерживаются принципиально разных подходов — от полного запрета операций с цифровой валютой до полной либерализации. Не ясным также остается и само понятие «криптовалюта». Статья 75 Конституции РФ определяет, что денежной единицей является рубль, а эмиссия других денег не допускается. Исходя из этого авторы законопроекта используют термин «цифровой финансовый архив», относя его к имуществу². В свою очередь криптовалюты и токены отнесены к разновидностям цифровых финансовых активов. Проект, опубликованный Минфином РФ, носит описательный характер и не решает многих вопросов по существу.

Значительно опережает российское законодательство Республика Беларусь. В целях развития инновационной сферы и построения современной цифровой экономики в государстве 21 декабря 2017 г. Президент Республики Беларусь подписал Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики».

В первую очередь необходимо отметить, что при разработке документа были собраны и проанализированы мнения экспертов не только резидентов Белорусского Парка высоких технологий, но и крупнейших IT-компаний Беларуси. Кроме того, над декретом работали консалтинговые и юридические компании. Декрет поддержал «все идеи и инициативы IT-сообщества и, как утверждают белорусские средства массовой информации, по праву может называться революционным» [1].

Рассматриваемый нормативный акт призван создать условия для внедрения в экономику Республики Беларусь технологии реестра блоков транзакций (блокчейна), иных технологий, основанных на принципах распределенности, децентрализации и безопасности совершаемых с их использованием операций. Необходимо отметить, что до принятия указанного Декрета обращение цифровых знаков (токенов) не было урегулировано законодательством Республики Беларусь и они не являлись объектом правоотношений [2]. Сегодня, ключевые положения декрета устанавливают, что юридические (в первую очередь резиденты Бело-

---

¹ Информация о проведении открытого конкурса для закупки № 0173100009617000107. URL: <http://www.pravo.gov.ru/>. <http://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/printForm/view.html?printFormId=49515635>.

² Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах». URL: <https://www.minfin.ru/ru/document/>.

русского парка высоких технологий) и физические лица вправе владеть токенами и совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены.

Деятельность по майнингу, приобретению, отчуждению токенов, осуществляемая физическими лицами самостоятельно без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам, в Республике Беларусь не является предпринимательской деятельностью. Токены не подлежат декларированию.

Кроме этого в соответствии с положениями Декрета участникам отношений, связанных с применением современных технологий предоставляются существенные льготы и преференции. Так, до 1 января 2023 г. не признаются объектами налогообложения:

— обороты, прибыль (доходы) юридических лиц от деятельности по майнингу, созданию, приобретению, отчуждению токенов;

— доходы физических лиц от деятельности по майнингу, приобретения (в том числе в порядке дарения), отчуждения токенов за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги и (или) обмена на иные токены.

Декрет также устанавливает, что не требуется получения специального разрешения (лицензии) на осуществление деятельности юридических лиц, которая связана с разработкой и (или) применением технологии реестра блоков транзакций (блокчейн), деятельности физических лиц при осуществлении майнинга, хранении, приобретении, отчуждении токенов, деятельности юридических лиц — при хранении, приобретении, отчуждении токенов, совершении с ними иных сделок (операций). Токены не относятся к средствам в значении, определенном законодательством о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения;

Кроме того, Декретом предусмотрено проведение правового эксперимента в рамках Белорусского Парка высоких технологий для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство Республики Беларусь. Для этого резидентам Парка высоких технологий (ПВТ) предоставлено право заключать договор конвертируемого займа, а также осуществлять совершение и исполнение сделок посредством смарт-контракта.

Подводя итоги изложенному, можно сделать вывод о том, что в настоящее время законодатели многих стран находятся в поисках оптимального правового подхода к регулированию криптовалют. Республика Беларусь выбрала либеральный вариант, чтобы способствовать развитию финан-

совых и информационных технологий. Опыт Республики Беларусь может быть использован для принятия российского закона, который будет регулировать обращение цифровых финансовых активов, их налогообложения, организации учета и контроля. Российское государство не должно воздерживаться от правового регулирования новых экономических инструментов.

Библиографический список

1. Воробей А. В. ICO как новая форма привлечения капитала // Промышленно-торговое право. 2017. № 10. С. 22–26.
2. Карпечкина У. И., Ярош А. С. Виртуальные деньги — миф или реальность? // Промышленно-торговое право. 2017. № 10. С. 55–56.
3. Марамыгин М. С., Бахтович И. В. Криптовалюта, токены и блокчейн: реалии краудэкономики // Урал — XXI век: регион инновационного развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Екатеринбург, 2017. Т. I. С. 238–246.

Кузнецов В. Н.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Правовые проблемы создания ТОСЭР в рамках программы ускорения развития городов атомной отрасли на Урале

В статье анализируются нормативные и социально-экономические аспекты создания территорий опережающего социально-экономического развития на территории закрытых административно-территориальных образований Свердловской области. Это связано с диверсификацией экономики депрессивных территорий, сокращением государственного оборонного заказа для предприятий ядерно-оружейного комплекса страны и необходимостью создания благоприятных условий для реализации инновационных проектов, организации новых производств на базе высвобождающегося имущества и эффективного использования высококвалифицированных кадров в других отраслях экономики.

Ключевые слова: закрытое административно-территориальное образование; территория опережающего социально-экономического развития; ядерно-оружейный комплекс; предприятие; резидент.

Создание территории опережающего развития (ТОР), как технологических кластеров в депрессивных региональных экономиках, началось в 2014 г. после принятия Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», далее последовал закон о ТОСЭР. В ходе реализации этого закона термин ТОР был уточнен и расширен. Такие территории стали называться территориями опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

В соответствии с указанным законом такой территорией является: «...часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, на которой в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения».

В целях осуществления функций по управлению ТОСЭР создается управляющая компания в форме акционерного общества, сто процентов акций которого принадлежат РФ. Резидент ТОСЭР (инвестор) заключая соглашение с управляющей компанией, берет на себя обязательство осуществлять деятельность, предусмотренную соглашением, осуществить инвестиции, в том числе и капитальные вложения, а управляющая компания обязуется осуществлять полномочия, предусмотренные законом о ТОСЭР, в том числе предоставить резиденту в собственность или аренду земельный участок.

Приоритетным для резидента ТОСЭР в рамках инвестиционного проекта является создание рабочих мест и освоение капитальных вложений размером не менее 5 млн. руб. в течение первого года после включения в реестр резидентов ТОСЭР. За весь период действия соглашения (10 лет) резидент должен проинвестировать в новый проект не менее 50 млн. р.¹

Среди депрессивных территорий находятся так называемые моногорода, в которых основным, а порой и единственным, является градообразующее предприятие, на котором работает основная часть населения. Как правило, в советское время градообразующие предприятия строились для монопрофильной деятельности, связанной либо с добычей и переработкой полезных ископаемых, либо для изготовления продукции оборонного назначения. За многие десятилетия такие населенные пункты разрастались до городов с населением до нескольких десятков тысяч человек, но государство не проявляло заботы о строительстве в них дополнительных предприятий и занятости трудоспособного населения.

К таким депрессивным территориям в постсоветское время стали относить и закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО). Проблема занятости обострилась после резкого сокращения государственного оборонного заказа в 1990-е гг., когда военное произ-

---

¹ TOP в центре России // URAL AIRLINES MAGAZINE. 2016. № 5.(92). С. 104–105.

водство стало сворачиваться, а загрузить производственные мощности выпуском продукции гражданского назначения никто не смог.

На Урале имеется пять ЗАТО, находящихся в ведомственной принадлежности Государственной корпорации (ГК) «Росатом»: три в Челябинской области: Озерск, Снежинск, Трехгорный; два в Свердловской области: Новоуральск, Лесной. Специфика ЗАТО состоит в том, что на их территории находятся градообразующие предприятия ядерно-оружейного комплекса (ЯОК), деятельность которых строго засекречена, а основная часть трудоспособного населения являются их работниками. В течение почти двух десятилетий руководители ГК «Росатом» искали альтернативу создания в ЗАТО новых научно-производственных кластеров для рационального использования освобождающегося кадрового и производственного потенциала. Разрабатывались программы создания наукоградов, индустриальных парков, которые в полной мере так и не были реализованы.

С принятием закона о ТОСЭР руководители ГК «Росатом» проявили инициативу и обратились к президенту с предложением распространить действие закона и на ЗАТО. После внесения соответствующих поправок в него, создание на территории ЗАТО дополнительных производств на условиях закона о ТОСЭР стало приоритетной задачей госкорпорации, однако ее реализация осуществлялась пока крайне медленно. Причин этому не мало. Прежде всего, трудности возникают с необходимостью обеспечения строгого режима секретности, который зачастую отпугивает потенциальных инвесторов.

Но, несмотря на трудности, процесс создания ТОСЭР в ЗАТО Свердловской области идет в соответствии с согласованным с ГК «Росатом» планом. С целью координации такой работы губернатор Свердловской области и руководитель ГК «Росатом» договорились о регулярных контактах в ходе рабочих встреч. Все предложения по созданию ТОСЭР в ЗАТО Лесной и Новоуральск сформированы и направлены в Министерство экономического развития России. Эти предложения учитывают специфику осторожного инвестирования на закрытых территориях и максимально направлены на создание рабочих мест для жителей этих городов за счет местных ресурсов. Например, на освобождающихся производственных площадях предлагается создавать малые предприятия с использованием имеющихся мощностей оборудования и рабочих кадров. Предполагается, что градообразующие предприятия будут участвовать при создании этих предприятий земельными участками. Развитие инфраструктуры взяли на себя областные власти.

При таких условиях частно-государственного партнерства в ЗАТО Новоуральск высказали готовность работать двадцать шесть residen-

тов, а в ЗАТО Лесной предварительные соглашения подписаны с семью потенциальными инвесторами.

Генеральный директор «Росатома» А. Е. Лихачев выразил надежду на поддержку руководства региона в вопросе привлечения к реализации новых проектов в ЗАТО частных инвесторов, в том числе иностранных, назвав Свердловскую область «уральской столицей внешнеэкономической деятельности».

«К развитию и завтрашнему дню этих городов мы относимся как к собственному развитию и завтрашнему дню. Поэтому считаем ваше предложение стратегической задачей. Мы сегодня оптимизируем производство. Ведь мы обязаны работать в мировом рынке, и современные технологии дают нам возможность кратко сокращать затраты, внедряя новые подходы к организации производства. При этом мы не можем закрыть наши города, мы не можем вывести людей за контур «Росатома» и сделать вид, что это уже не наша работа. Мы, конечно, будем создавать новые рабочие места»¹. По расчетам ГК «Росатом» общий объем предполагаемой выручки от работы на территории ТОСЭР сопоставим с показателями работы градообразующих предприятий.

Наибольший интерес для создания ТОСЭР в ЗАТО представляют земельные участки внутри градообразующих предприятий. Заполнение их резидентами позволило бы снизить затраты на содержание освобожденных после реструктуризации производственных корпусов. В лице инвесторов «Росатом» желал бы видеть предприятия, вписывающиеся в производственные цепочки дочерних структур предприятий ЯОК.

Кроме того, для деятельности потенциальных резидентов ТОСЭР в ЗАТО проработаны вопросы привлечения кадров, создания благоприятных условий для привлечения молодых специалистов и научно-инженерных кадров (доступное жилье, развитая социальная и научно-исследовательская инфраструктура, высокое качество жизни).

С учетом необходимости импортозамещения отдельных видов продукции, имеющихся инфраструктурных возможностей и наукоемких технологий, а также современного оборудования предприятий ЯОК определены приоритетные направления деятельности будущих производств (специализация) в ТОСЭР. Так в г. Новоуральске планируется организовать сразу 5 площадок: это земля, которая ранее использовалась для промышленных целей на территории Уральского электрохимического комбината (УЭХК), индустриальный парк Новоуральска, действующую площадку завода «Медсинтез» и ранее использовавшийся для дислокации войск Минобороны участок в 50 гектаров. Плюс муниципалитет

---

¹ <http://gubernator96.ru/news/show/id/5803>

не исключал возможности отдать под ТОСЭР территорию находящегося в банкротстве завода «АМУР»¹.

Один из инвесторов проявил интерес к созданию сельскохозяйственно-парка в ЗАТО Новоуральск, куда может быть вложено 4,5 млрд руб. В технопарк «Новоуральский» входит китайская компания «ЯньТай ХуаЧжен Медикал Эпарейтес Технолоджи Ко» с вложением 200 млн. руб., которая также готова рассматривать вопрос участия в ТОСЭР. Выделенные из состава УЭХК предприятия «Экоальянс», «Уралприбор», «Уральский завод газовых центрифуг» также претендуют на включение в территорию опережающего развития с предоставлением соответствующих налоговых льгот.

В ЗАТО Лесной, который обладает потенциалом и компетенциями для формирования ТОСЭР, предполагается создание нескольких наукоемких кластеров для размещения бизнеса площадок с инфраструктурой: высоковольтное оборудование; электротехническое оборудование; промышленные конструкции и оборудование; новые материалы и технологии; интеллектуальные приборы, выпуск оборудования для нефтегазового комплекса, трансформаторов, распределителей, медицинский проект по выпуску (эндоскопических) капсул «Ландыш», проект по выпуску базальтового волокна, проект по выпуску наноалмазов и полиалмазов для обрабатывающей промышленности, гальваники².

Таким образом, фактор специализации ТОСЭР и концентрации усилий по формированию всех необходимых условий для формирования отраслевых центров компетенций (формы поддержки, привлечение и «закрепление» молодых специалистов и инженеров, подготовка собственных кадров и узких специалистов, кооперация с лидерами рынка, развитие организаций инновационной инфраструктуры и т. д.) является ключевыми условиями для успешной реализации ТОСЭР на территории ЗАТО³.

Реализация закона о ТОСЭР позволит обеспечить инвестиционную привлекательность ЗАТО Свердловской области, сформировать и ускоренно развивать высокотехнологичные кластеры по перспективным направлениям, увеличить объем производства импортозамещающей продукции, создать новые высокопроизводительные рабочие места, увеличить налоговые поступления в бюджеты всех уровней и снизить зависимость местных бюджетов от градообразующих предприятий.

---

¹ http://novouralsk.su/News/news_politic/themes/3980

² <http://pravdaurfo.ru/articles/116484-rosatom-otpravil-sverdlovskie-zato-v-roskosmos>.

³ Концепция ТОСЭР «Лесной» / Госкорпорация «Росатом». С. 16.

Курдюмов А. В.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Совершенствование конкуренции на товарных рынках при осуществлении государственного контроля

В статье раскрываются основные направления деятельности Федеральной антимонопольной службы России по оценке состояния конкуренции на товарных рынках. Даны рекомендации по совершенствованию конкуренции на товарных рынках.

Ключевые слова: конкуренция; оценка состояния конкуренции; антимонопольное регулирование; товарный рынок.

Антимонопольная политика по значимости и актуальности вышла сегодня на одно из первых мест среди проблем, требующих скорейшего разрешения. Одной из главных задач государства является обеспечение эффективной системы поддержки и контроля предпринимательской деятельности на базе анализа основных товарных рынков и обеспечения конкуренции действующих на них хозяйствующих субъектов.

Актуальность обуславливается тем, что оценка состояния конкуренции в Российской Федерации позволяет определить ключевые проблемы для развития экономических отношений, в том числе создание барьеров для увеличения числа хозяйствующих субъектов на товарных рынках, препятствующих ограничению роста цен и повышению качества товаров и услуг. Таким образом, оценка состояния конкуренции является неотъемлемой частью государственного контроля.

Анализ состояния конкуренции на товарных рынках, осуществляемый Федеральной антимонопольной службой, важен как для осуществления контроля за экономической концентрацией и контроля за соблюдением антимонопольного законодательства, так и для принятия решений о снятии административных барьеров соответствующим ведомством, повышении конкурентоспособности комплексов, отраслей и страны в целом [1, с. 85].

Одним из наиболее значимых мероприятий анализа является определение продуктовых границ товарного рынка. При процедуре выявления товаров, не имеющих заменителей, или взаимозаменяемых товаров, находящихся в рамках одного и того же товарного рынка, необходимо: предварительно определить товар; выявить свойства товаров, определяющие выбор приобретателей, и товаров, которые выступают как потенциально взаимозаменяемые для данных товаров; определить взаимозаменяемые товары¹.

---

¹ Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке: приказ ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220.

Продуктовые границы товарного рынка в соответствии с действующей методикой определяются на основе мнения покупателей (физические и/или юридические лица) о взаимозаменяемости товаров, состоящих в одной товарной группе. В случае, когда предполагаемые нарушения антимонопольного законодательства рассматривают применительно к покупателю продукции (монопсония), определяющую роль в вопросе взаимозаменяемости продукции будет иметь мнение ее продавца.

Таким образом, при определении мнения покупателей используется сплошной или выборочный опрос покупателей, или анализируется предмет договора, на основе которого реализуется товар.

Данная формулировка позволяет практически ограничиться только анализом предмета договоров и исключить проведение опроса мнений покупателей. В силу того, что предмет договора может не отражать существенных свойств товара, определяющих выбор покупателя опрос покупателей необходим.

Проведение опросов покупателя необходимо, чтобы проанализировать сведения о покупателях, взаимозаменяемость товаров, зависимость от изменения цены, учет реальной конъюнктуры рынка, структуру рынка, систему товародвижения, фактическую и потенциальную конкуренцию, а также выявить барьеры входа на рынок.

Проведение опросов и грация респондентов должно проводиться с учетом опыта маркетинга (например, по аналогии с формированием фокус-групп, с учетом репрезентативной выборки).

Ответы приобретателей товаров оцениваются и используя обобщенную информацию, определяется выполнение следующих факторов:

- в результате ответа на вопрос о повышении цены — приобретатели заменят рассматриваемый товар на другой товар;
- объем продаж предварительно определенного товара снизится, что сделает увеличение цены невыгодным для продавца (продавцов).

В случае выполнения указанных условий товары, являющиеся наиболее близкими по свойствам к предварительно определенным товарам и на которые приобретатели готовы заменить рассматриваемые товары, подлежат включению в состав группы взаимозаменяемых товаров.

Согласно методике, указанную процедуру осуществляют до тех пор, пока не выявят группу товаров, в отношении которой не будет выявлено выполнение хотя бы одного условия из таких как:

- гипотетическое повышение цены на входящие в группу товары не приведет к тому, что приобретатели заменят их на другой товар;
- гипотетическое повышение цены на входящие в группу товары не приведет к утрате продавцом выгоды от продажи таких товаров по увеличенной цене.

Товары, которые входят в такую группу, признаются как продуктовые границы товарного рынка.

Процедура «теста гипотетического монополиста», хоть и прописана детально, но содержит ряд проблем, такие как:

— какую минимальную долю покупателей использовать для легитимности теста (более 50 %, более 5 %, более 1 %);

— если опрос проводить выборочно, то по какому признаку отбирать респондентов?

Таким образом, целесообразно использовать формулу выборки, чтобы определить количество покупателей, которых необходимо опросить [2].

Рынки услуг, для оказания которых предусмотрено государственное лицензирование деятельности, может быть большое множество потенциальных продавцов, имеющих лицензии хозяйствующих субъектов в пределах одного региона [3]. Таким образом, опросить всех хозяйствующих субъектов, действующих на рынке очень трудоемко. Опросить всех потенциальных продавцов невозможно по объективным причинам.

В сложившейся ситуации необходимо, с учетом практики применения методики, внести изменения в порядок анализа конкуренции на рынке в части описания ситуации на рынке — ограничить количество потенциальных продавцов до 50 по определенным критериям.

Анализ деятельности Свердловского УФАС России за 2012–2016 гг. показал тенденцию роста (в 2,5 раза) количества обращений как юридических лиц, так и физических лиц в антимонопольную службу за защитой своих интересов и законных прав. Одним из факторов является популяризация деятельности антимонопольных органов, пониманием бизнес-сообщества возможности решения проблем, защиты своих интересов и законных прав.

Наиболее распространенным нарушением антимонопольного законодательства является злоупотребление монополиями своим экономическим положением.

Анализ антимонопольного законодательства нарушений в 2012–2016 гг. показал, что за анализируемый период произошло снижение количества нарушения злоупотребления фирмой доминирующим положением на товарном рынке, таким образом, можно сделать вывод о том, что барьеры входа на рынки стали значительно ниже.

Повышение качества исследования состояния конкуренции на рынках, а также анализ информации о барьерах на пути конкурентного развития рынков залог оптимизации механизма конкурентоспособности [1, с. 87].

Подводя итог проведенному анализу, сформулированы направления совершенствования методик оценки конкуренции:

— развитие конкурентной среды состоит не только в оценке влияния до введения мер защиты, но и в том, чтобы проводить мониторинг развития ситуации после их введения; формулировать государственные условия по развитию отрасли и контролировать их соблюдение;

— ограничить количество потенциальных продавцов до 50 по определенным критериям;

— использование формулы выборки, чтобы определить количество покупателей, которых необходимо опросить;

— проведение опросов и градация респондентов может проводиться с помощью маркетинговых исследований, например, с использованием метода фокус-групп.

Библиографический список

1. *Воронцов П. П.* Актуальные вопросы оценки состояния конкуренции на товарном рынке // Российское предпринимательство. 2013. № 24(246). С. 84–90.

2. *Галяутдинов Р. Р.* Формула выборки — простая. URL: <http://galyautdinov.ru/post/formula-vyborki-prostaya>.

3. *Шалабодов Д. В., Веретенников И. В.* Полномочия антимонопольных органов при рассмотрении дел о нарушении порядка ценообразования в электроэнергетике // Судебная практика в Западной Сибири. 2014. Т. 3. С. 12–14.

Латыпов Р. Т., Резниченко Д. В.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Правовое регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации

В статье рассматриваются особенности правового регулирования предпринимательской деятельности в России. Раскрываются основные принципы и содержание предпринимательской деятельности с точки зрения современного права.

Ключевые слова: предпринимательство; предпринимательская деятельность; организационно-правовая форма; содержание предпринимательской деятельности.

Для формирования предпринимательской среды необходимы определенные экономические, социальные и правовые условия [1, с. 17]. С точки зрения права реализация предпринимательской деятельности

является выражением свободы предпринимательства, которая гарантирована содержанием ст. 1–3, 15, 17 и 22 Всеобщей декларации прав человека¹.

Согласно Конституции России, предпринимательская деятельность отнесена к категории прав и свобод человека и гражданина и декларируется как не запрещенная законом экономическая деятельность, на которую каждый имеет право².

Если конкретизировать предпринимательскую деятельность через нормы российского гражданского права, то в таком случае эта деятельность будет определена следующим образом: «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом»³. Кроме того, предпринимательская деятельность осуществляется на свой страх и риск и под свою имущественную ответственность. Это означает, что в соответствии с п. 2 ст. 929 ГК РФ предпринимательским риском является риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств перед контрагентами или изменений условий деятельности по не зависящим от предпринимателя обстоятельствам, а также риск неполучения ожидаемых доходов⁴.

Фундаментальный принцип свободы предпринимательства дает возможность каждому гражданину выбирать любые способы экономической деятельности, не запрещенные законом. Так, например, гражданин может заниматься предпринимательской деятельностью как индивидуальный предприниматель или посредством создания юридического лица.

Принцип свободы предпринимательства, являясь субъективным конституционным правом, предоставляет гражданину обеспеченную

---

¹ Всеобщая декларация прав человека, принята и провозглашена резолюцией 217 (III) «Международный пакт о правах человека» 10 декабря 1948 г. на 183-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 28 марта 2017 г.).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 6 августа 2017 г.).

законом меру возможного поведения, которая направлена на достижение субъектом определенных целей. Категория «мера» в данном случае указывает на конкретность содержания и границ дозволенного поведения управомоченного лица [2, с. 41]. Следовательно, право на осуществление предпринимательской деятельности не дает лицу неограниченной свободы и должно происходить в рамках, установленных нормативно-правовыми актами, которые содержат и дозволения и запреты. При этом совокупность правил и способов государственного регулирования предпринимательской деятельности является порядком ее осуществления.

Этот порядок может иметь общий характер (регистрационный режим) т. е. распространяться на всех субъектов, специальный — регулирующий определенную часть субъектов предпринимательского права (банки, биржи и пр.), или отдельный (лицензионный режим) — регламентирующий определенные виды деятельности.

Кроме того, право на предпринимательскую деятельность дает возможность какому-либо лицу свободно выбирать:

- виды (направления) предпринимательской деятельности;
- территорию осуществления предпринимательской деятельности;
- организационно-правовой формы предпринимательской деятельности.

Каждый из этих трех моментов может иметь самостоятельное значение, а может дополнять или быть обусловленным ими.

С правовой точки зрения виды (направления) предпринимательской деятельности зависят:

- от вида и формы собственности на имущество, которое используется в предпринимательской деятельности;
- от числа участников;
- от характера деятельности (производство товаров, оказание услуг, выполнение работ).

Выбор территории для осуществления предпринимательской деятельности гарантируется Конституцией РФ, которая закрепляет свободное перемещение по всей территории России товаров, услуг и финансовых средств. Ограничение на такое перемещение, по тем или иным причинам, может быть установлено только федеральным законом.

Организационно-правовая форма предпринимательской деятельности — совокупность имущественных и организационных характеристик, определяющих способы формирования имущественной базы, а также порядок взаимодействия учредителей, собственников и участников предпринимательских отношений, их взаимной ответственности друг перед другом и контрагентами.

В Российской Федерации основное деление субъектов предпринимательской деятельности объективируется на категории физических лиц (индивидуальных предпринимателей) и юридических лиц. Нормы, определяющие основы правового института физических лиц (граждан), осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, сосредоточены в нескольких статьях отдельной главы Гражданского кодекса РФ. Основы правового регулирования института юридических лиц изложены в ряде статей специальной главы Гражданского кодекса РФ. Следует обратить внимание на то, что физические и юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, могут стать субъектами правоотношений (получить в полном объеме правоспособность или оформить законность своего функционирования) только после прохождения процедуры государственной регистрации в установленном порядке. Порядок прохождения государственной регистрации физическими и юридическими лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, определен Федеральным законом¹.

Таким образом, правовые основы регулирования предпринимательской деятельности в России включают в себя общие признаки ее классификации, определение субъектов предпринимательской деятельности и установление правового статуса предпринимателей. При этом к категории субъектов предпринимательской деятельности надлежит относить обладателей хозяйственных прав и обязанностей, имеющих следующие основные признаки:

- регистрацию в установленном законом порядке;
- хозяйственную компетенцию;
- обособленное имущество как основу предпринимательской деятельности;
- самостоятельную имущественную ответственность.

Таким образом, можно сформулировать общие принципы, раскрывающие содержание предпринимательской деятельности:

- осуществление конкретной деятельности по продаже товаров, оказанию услуг, выполнению работ с целью получения дохода;
- строгая направленность на прибыль в сравнении с иными видами хозяйственной деятельности;
- независимость и самостоятельность: предприниматель лично отвечает за результаты своей деятельности и свободен в принятии и реализации решений в рамках закона;
- учет территориальных особенностей при организации предпринимательской деятельности;

---

¹ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 29 декабря 2012 г.).

- оправданный и допустимый предпринимательский риск в условиях социально-экономической неопределенности;
- гибкость, мобильность и творческий поиск;
- систематичность предпринимательской деятельности;
- эффективное развитие в нормальных экономических, социальных и правовых условиях;
- рассмотрение в качестве субъектов предпринимательской деятельности тех носителей хозяйственных прав и обязанностей, которые обладают основными признаками этой деятельности (законность, хозяйственная компетенция, обособленное имущество и имущественная ответственность).

Библиографический список

1. *Бусыгин А. В.* Предпринимательство. Основной курс. М.: ИНФРА-М, 2007.
2. *Ершова И. В.* Предпринимательское право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИД «Юриспруденция», 2009.

Малкер В. Б.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Нарушение законодательства при выплате заработной платы

Статья посвящена проблеме сокрытия полного объема выплаты заработной платы с целью уменьшения отчислений в страховые фонды. Автор исследует причины данного явления, формулирует предложения по улучшению ситуации.

Ключевые слова: заработная плата; трудовое законодательство; страховые отчисления.

В современной России остро стоит вопрос о выплате заработной платы неофициально, без декларирования выплаченных средств работникам налоговым органам. При этом данная ситуация очевидно не выгодна ни работнику, ни государству. Работник, получая зарплату в «конверте», причем как правило вполне осознанно, претерпевает ряд неблагоприятных последствий. Прежде всего снижается размер страховых отчислений в пенсионный фонд и это скажется на будущем размере пенсии данного работника. В случае, если работодатель не выплатил заработную плату по любым причинам, работнику сложно доказать в суде размер причитающейся ему суммы, очевидно работник сможет предоставить официальный трудовой договор, в котором видимо будет указана заниженная сумма. При нахождении на больничном, работник будет получать пособие

по временной нетрудоспособности исходя из официальной заработной платы. Получение заработной платы неофициально снижает возможности работника в получении необходимого кредита, так как кредитная организация безусловно оценивает возможности потенциального заемщика в погашении полученного кредита. Таким образом, исходя из приведенных аргументов, можно сделать вывод, что работник не может быть заинтересован в получении заработной платы неофициально.

Безусловно не заинтересовано государство в системе выплаты заработной платы по «серой» схеме, ведь это уменьшает собираемость подоходного налога, суммы отчислений в различные фонды социального страхования. Кроме того, следует отметить и то обстоятельство, что система выплаты заработной платы по «серой схеме», в которой заинтересован работодатель, способствует перераспределению материальных благ в пользу работодателей, что приводит к большему социальному расслоению в обществе и усиливает социальную напряженность в обществе. Если даже рассматривать официальную статистику, то современные исследователи отмечают низкий уровень заработной платы в России как в абсолютных, так и относительных величинах. Например, в 2015 г. средняя зарплата подавляющего большинства работников РФ (84 %) была ниже чем в США в 6,4 раза, хотя производительность труда ниже только в 3 раза [3, с. 90]. Нужно иметь в виду и то, что пока не решена проблема вывоза капитала за рубеж и совершенно очевидно, что суммы «сэкономленные» на социальных выплатах работодателями в большей степени вероятности рискуют оказаться в иностранных банках, нежели бы они были уплачены в социальные фонды. Не факт, что вывезенный капитал будет использован на благо РФ, а увеличение собираемости социальных отчислений позволит повысить социальные выплаты, увеличит уровень покупательной способности населения и будет способствовать росту предпринимательской активности в стране, росту ее экономики. Как мы видим, объективно, ни работники, ни государство не заинтересованы в формировании тенденции выплаты заработной платы «в конверте». Однако, имеющиеся методики оценки подобного явления позволяют сделать вывод, что это довольно распространенное явление. Так Росстат утверждал, что, по его оценке, в 2014 г. объем заработной платы фактически выплаченной, но не попавшей в отчетность для налоговых служб составил 9,6 трлн р. Данная сумма составляет около 16,6 % от размера ВВП [4, с. 72]. При этом следует отметить, что поскольку бюджетная сфера гораздо в меньшей степени позволяет создавать схемы по уклонения от налогообложения при выплате заработной платы, то в коммерческой сфере, особенно в мелком бизнесе, это явление чрезвычайно распространено. Так специалисты в сфере расчета заработной платы утверждают,

что официальная заработная плата работников в организациях индивидуальных предпринимателей всегда ниже фактической [2, с. 5].

Таким образом, несмотря на наличие солидного фискального аппарата, множества надзорных, проверяющих структур в системе государственных органов, а с другой стороны наличие мощных профсоюзных структур, которые должны защищать интересы работников, не могут служить достаточным препятствием для предотвращения выплаты заработной платы неофициально, с уклонением от налогообложения.

Сторонами по трудовому правоотношению является работник и работодатель. Работник, как мы выяснили ранее, совсем не заинтересован в «серых» схемах выплаты заработной платы. Почему же работодатель имеет возможность склонить работника к получению части заработной платы неофициально, несмотря на наличие надзирающих государственных и профсоюзных органов? Следует иметь в виду, что работодатель является более сильной стороной по трудовому договору и может навязать свою волю более слабой стороне — работнику. Государство могло бы вмешаться в данную ситуацию в качестве арбитра, но выплата заработной платы по «серой» схеме не просто выявляется, желательна заявление работника об этом. Однако желание написать заявление купируется опять же тем обстоятельством, что работник более слабая сторона по трудовому правоотношению. Получается замкнутый круг. При этом следует отметить, что трудовое право — это социальная отрасль права. Данная отрасль в большей степени защищает интересы работника, нежели работодателя, поскольку следует признать работника более слабой стороной трудового правоотношения. Трудовое законодательство предусматривает, что заключается как правило именно бессрочный трудовой договор, а не срочный. Это более выгодно работнику. Работник расторгает трудовой договор в любое время, а работодатель только в случаях, указанных в законе. В трудовом законодательстве предусмотрена ограниченная материальная ответственность работника и т. д. Таким образом, несмотря на то что законодатель, при регулировании отношений в сфере труда, исходит из концепции защиты работника, но, как показывают вышеприведенные статистические данные, создать действенного механизма защиты работника, в случае выплаты ему «серой» зарплаты, не сумел.

Следует иметь в виду, что на нежелание работника вступать в конфликт с работодателем из за выплаты заработной платы неофициально, сказывается и динамика пенсионного законодательства, поскольку прежде всего «серая» зарплата сказывается на размер страховых отчислений для будущей пенсии. Так изменение концептуальных подходов при определении размера пенсии с 1 января 2002 г. увеличило скептицизм граждан в отношении возможности планировать размер своих прав в сфере

пенсионного обеспечения. До 2002 г. для расчета пенсии по старости брался только один период трудовой деятельности, а с 1 января 2002 г. учитываются все отчисления работника в течение всей трудовой деятельности. Таким образом, граждане могли одним образом планировать свою трудовую деятельность имея в виду и размер будущей пенсии, но резкое изменение концептуальных подходов в законодательстве не благоприятствует выработки привычки к долгосрочному планированию.

Действующее законодательство пытается бороться с уклонением от налогообложения в целом и с выплатой неофициальной заработной платы в частности. Этому посвящены ст. 122 и 123 Налогового кодекса, ст. 198, 199, 199.1 УК РФ и другие нормы законодательства. В данных нормах изложены достаточно серьезные санкции к нарушителям налогового законодательства, но, как показывает практика, это не препятствует широкому распространению выплаты «серой» заработной платы. В качестве меры исправления ситуации логично было предложить усиление мер ответственности. Однако следует признать, что для исправления ситуации, которая обусловлена сложными причинно-следственными связями, предпочтительнее комплексный подход. Нужно выработать комплекс мер различного характера, которые выработывали у граждан привычку к долгосрочному жизненному планированию. Специальной мерой было бы внедрение практики выборочного анкетирования возможно уволенных работников «подозрительных» организаций, декларирующих несообразно низкие уровни заработной платы. Желательно применять такие методики, которые исключали бы персонафикацию источника негативной информации о занижении официальных показателей заработной платы. Интересны и предложения по сокращению возможностей работодателя по произвольному регулированию заработной платы. Основная часть заработной платы должна быть никак не меньше стимулирующих доплат, и она должна фиксироваться в трудовом договоре. Стимулирующие надбавки должны быть значительно меньше основной части, в настоящее время ситуация обратная [1, с. 21]. Очевидно, что сокрытие стимулирующих надбавок от официальной отчетности произвести гораздо проще, чем фиксированной части трудового договора.

Библиографический список

1. Абалдуев В. А. Заработная плата в России: проблемы разграничения ее частей и структурных элементов // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 3. С. 19–23.
2. Карасёв О. И., Карасёва Л. А., Охрименко А. А. Методологические проблемы расчета и использования показателя средней заработной платы на региональном уровне // Вопросы статистики. 2016. № 12. С. 3–12.

3. Руднев В. Д., Русскова А. В., Вишнякова В. А. Заработная плата в России: от интегральной политики к государственному регулированию // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 2(121). С. 88–95.

4. Черникова Е. В. Заработная плата в «конверте» в современной России: мотивы работника // Евразийский союз ученых. 2015. № 3–8. С. 71–73.

Малунова З. А.

Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург

Сочетание частноправовых и публично-правовых средств регулирования предпринимательской деятельности

В статье анализируются понятие, виды, особенности применения частноправовых и публично-правовых средств в правовом регулировании предпринимательской деятельности. Предлагается алгоритм выбора конкретных средств путем использования инструментального подхода и экономического анализа права.

Ключевые слова: правовые средства; регулирование; предпринимательская деятельность; инструментализм; экономика права.

Деление интересов на публичные и частные, предложенное еще римлянами [4, с. 84], породило масштабное деление права на отрасли публичного и отрасли частного права, возродившееся в российской правовой системе в конце XX столетия. В настоящее время в литературе сформировалось несколько подходов к определению критериев деления права на публичное и частное, систематизированных В. С. Белых: теория интереса, теория предмета правового регулирования, теория метода правового регулирования, теория субъектного состава, теория совокупности критериев [1, с. 109–111].

Юридическую основу такого дуализма В. Ф. Яковлев видит в исходных положениях Конституции РФ, которая, с одной стороны, является основным источником публичного права, с другой – фиксирует фундаментальные положения о правах и свободах человека, являющихся наивысшей ценностью [14, с. 16–17]. При этом современные исследователи признают отсутствие «чистого» деления права на публичное и частное, поскольку «далеко не все нормы частного права диспозитивны (не говоря о том, что и сами диспозитивные нормы права тоже остаются общеобязательными и в этом смысле принудительными правилами поведения)» [12, с. 28].

Варианты соотношения и моделей взаимодействия публично- и частноправовых начал приводит В. А. Бублик: «сотрудничество» частно-

правовых форм; внедрение частноправовых начал в публично-правовую материю; замена частноправового регулирования в максимальном объеме публично-правовым; конкретное воздействие публичных начал на гражданско-правовые формы; выполнение частноправовыми и публичными началами равных функций в процессе гражданско-правового регулирования; публичный акт как основание для возникновения или прекращения гражданских правоотношений; выполнение частноправовыми формами публичных функций; «встраивание» в частноправовое регулирование отдельных элементов публично-правового воздействия [2, с. 12–15].

В совокупности частноправовые и публично-правовые начала в правовом регулировании предпринимательской деятельности воплощаются в средствах, методах, формах, механизмах, режимах государственного регулирования.

Правовое средство выступает элементом и метода, и механизма, и режима правового регулирования, что подчеркивает его инструментальное значение [11, с. 31]. При этом сами по себе, вне связи друг с другом правовые средства не представляют интереса для исследователя, изучающего экономико-правовые институты в целом.

Частноправовые средства правового регулирования предпринимательской деятельности относятся в основном к гражданско-правовым, следовательно, на них в полной мере распространяется гражданско-правовой режим, направленный на упорядочивание имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, регулятивными и охранительными средствами [10, с. 29].

Б. И. Пугинский еще в конце XX века предложил до сих пор не утрачившую свою актуальность классификацию гражданско-правовых средств на пять групп: (1) договор и договорное обязательство; (2) меры имущественной ответственности, способы защиты гражданских прав, меры оперативного воздействия, меры имущественного обеспечения обязательств; (3) отдельные средства вспомогательного характера (вина, презумпции, юридические фикции); (4) средства, регулирующие допуск организаций в число участников гражданского оборота; (5) средства, регулирующие степень (объем) участия лиц в гражданско-правовой деятельности [9, с. 173–174]. По нашему мнению, данная классификация должна быть дополнена еще одним видом — средства, определяющие статистику правоотношений. Как утверждает М. М. Валеев, «во всяком режиме приоритет принадлежит абсолютно-правовой составляющей, служащей постоянной основой режима, тогда как обязательно-правовой компонент играет вспомогательную роль, исполняя задачу трансфор-

мации режима посредством обременения или передачи абсолютного права» [3, с. 8].

Классифицировать средства публично-правового регулирования — более сложная задача, поскольку сфера публичного права делится на большое количество отраслей права — административное, налоговое, уголовное, процессуальное и другие. О. Е. Землянов обосновывает тезис о том, что «метод публично-правового регулирования как обобщающая теоретическая характеристика качественных особенностей правовых средств, применяемых государством для регулирования общественных отношений с участием публичных субъектов, не должен рассматриваться в отраслевых характеристиках» [5, с. 15]. Соответственно, публично-правовым средством регулирования предпринимательской деятельности можно считать всякое ограничение, запрет или дозволение, установленное в императивном порядке без права участников оборота влиять на содержание возникающего в связи с их применением правоотношения.

Более того, отдельные правовые средства регулирования предпринимательской деятельности носят сложный институциональный характер. К примеру, это обязательное членство финансовых организаций в саморегулируемых организациях (см.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка»), пруденциальный контроль и надзор на финансовом рынке [8, с. 57], присвоение рейтингов (см.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 222-ФЗ «О деятельности кредитных рейтинговых агентств в Российской Федерации, о внесении изменения в статью 76.1 Федерального закона „О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)“»), рассмотрение споров в третейских судах и др.

Здесь важно отметить, что, анализируя частноправовые и публично-правовые средства как элементы правового регулирования предпринимательской деятельности, мы касаемся только тех из них, которые, взаимодействуя между собой, порождают особый режим правового регулирования в форме конвергенции [6, с. 70] частных и публичных начал.

С точки зрения инструментального подхода, крайне важно «исследование правовых явлений с позиции их целесообразности, функциональной пригодности для использования в процессе правовой деятельности людей для достижения ими собственных целей» [13, с. 31–32].

Таким образом встает вопрос о целях регулирования предпринимательской деятельности, выборе релевантных правовых средств и оценке эффективности их использования.

С экономической точки зрения государственное вмешательство в рыночный механизм оправдано лишь в случае «фиаско» рынка, т. е. когда

рыночный механизм саморегулирования доказывает свою неспособность разрешить те или иные социально-экономические проблемы [8, с. 46]. Поэтому, по нашему мнению, при выборе средств правового регулирования предпринимательской деятельности законодатель, в первую очередь, должен прорабатывать частноправовые возможности воздействия на участников рынка. И только в случае их предполагаемой или доказанной неэффективности — прибегать к публично-правовым средствам. В свою очередь, их применение также должно быть проанализировано с позиций экономического анализа права и скорректировано.

Основное назначение экономического анализа права состоит в изучении правовых норм с позиции их экономической эффективности, влияния на общественное благосостояние и оптимальность распределения ресурсов. В этом качестве экономический анализ необходим, чтобы восполнить проблемы в методологии юриспруденции, связанные с отсутствием аппарата оценки эффективности законодательства [7, с. 166].

Правовые средства регулирования предпринимательской деятельности, таким образом, должны быть тщательно отобраны с точки зрения механизма их воздействия на участников гражданского оборота, исходя из критериев эффективности регулирования, которыми могут выступать использованы критерии совокупной полезности (aggregate utility) или совокупного богатства (aggregate wealth) общества при минимальных издержках установления соответствующих норм и контроля за их исполнением.

Библиографический список

1. *Белых В. С.* Модернизация российской экономики и предпринимательского законодательства: вопросы теории и практики: монография / под общ. ред. А. И. Татаркина. Екатеринбург, 2011.
2. *Бублик В. А.* Правовое регулирование предпринимательства: частные и публичные начала // *Хозяйство и право*. 2000. №9. С. 12–22.
3. *Валеев М. М.* Вещи как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
4. *Дигесты Юстиниана*. М., 2002. Т. I. Кн. I–IV.
5. *Землянов О. Е.* Публично-правовое регулирование: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.
6. *Коршунов Н. М.* Частное и публичное право: проблемы формирования основ современной теории конвергенции // *Журнал российского права*. 2010. №5. С. 66–72.
7. *Куручкин С. А.* Экономический анализ права как перспективный метод поиска решений актуальных проблем юриспруденции (на примере гражданского судопроизводства) // *Российский юридический журнал*. 2013. №2. С. 166–175.
8. *Почежерцева З. А.* Правовое регулирование рынка ценных бумаг России: частноправовые и публично-правовые начала. М.: Проспект, 2015.

9. *Пугинский Б. И.* Основные проблемы теории гражданско-правовых средств: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985.

10. *Родионова О. М.* Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М., 2013.

11. *Сапун В. А.* Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

12. *Суханов Е. А.* О проблемах становления и развития российского частного права // *Гражданско-правовые записки: межвуз. сб. науч. тр. к 80-летию С. С. Алексеева*. М., Екатеринбург, 2004. Вып. 3. С. 26–45.

13. *Филиппова С. Ю.* Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013.

14. *Яковлев В. Ф.* О правовой системе современной России // *Гражданско-правовые записки: межвуз. сб. науч. тр. к 80-летию С. С. Алексеева*. М., Екатеринбург, 2004. Вып. 3. С. 15–25.

**Малышенко К. А., Малышенко В. А.,
Анашкина М. В.**

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
г. Ялта

Проблемы формирования механизма идентификации инсайдерской деятельности и манипулирования на фондовом рынке

Анализируется эффективность уголовно-правового регулирования инсайдерской деятельности и существующих мер ответственности. На основе оценки российской и зарубежных практик контроля над инсайдерством и манипулированием выявлен ряд недостатков, свойственных отечественной системе. Предложен ряд мер для построения эффективного механизма контроля и предупреждения нарушений на законодательном уровне.

Ключевые слова: инсайдерская информация; инсайдерская деятельность; манипулирование рынком; рынок ценных бумаг; законодательное регулирование.

Наличие среди информационных потоков рынка инсайдерской и манипулятивной информации оказывает резко негативное воздействие, нанося наибольший ущерб системе рынка ценных бумаг в целом, а также отдельным его участникам. Контроль над инсайдерской торговлей в странах с развивающимися фондовыми рынками, к числу которых относится российский рынок, является наиболее актуальным и проблемным вопросом. Первостепенной задачей в регулировании данного вопроса выступает формирование эффективной законодательной базы, а также механизма контроля и привлечения к ответственности по выявленным фактам недобросовестной практики.

Инсайдерской информацией признается любая конкретная информация, которая не была опубликована и содержит сведения, способные повлиять на цены финансовых инструментов, товаров либо иностранной валюты¹.

Исследования сущности и влияния инсайдерской деятельности на фондовых рынках проводились такими российскими учеными, как А. В. Ананьева, Л. С. Худякова [3], С. А. Старшинин [2], И. А. Савчук и Г. Т. Медведева [1], и др. Среди зарубежных исследований стоит отметить работы К. Д. Хопта [4], У. Уильямса [6], М. Кинга и А. Роэлла [5] и др.

Первые шаги противодействия инсайдерству и манипулированию в России предприняты в 2010 г., однако на сегодняшний день эффективный законодательный механизм не сформирован. Стоит отметить, что регулирование недобросовестных практик на зарубежных рынках зародилось в гораздо более ранние сроки. Так, в США первый закон об инсайдерстве издан в 1934 г., в Германии — в 1970, во Франции — в 1968, а к 1990-м годам противодействие недобросовестным практикам осуществлялось уже в 33 странах мира.

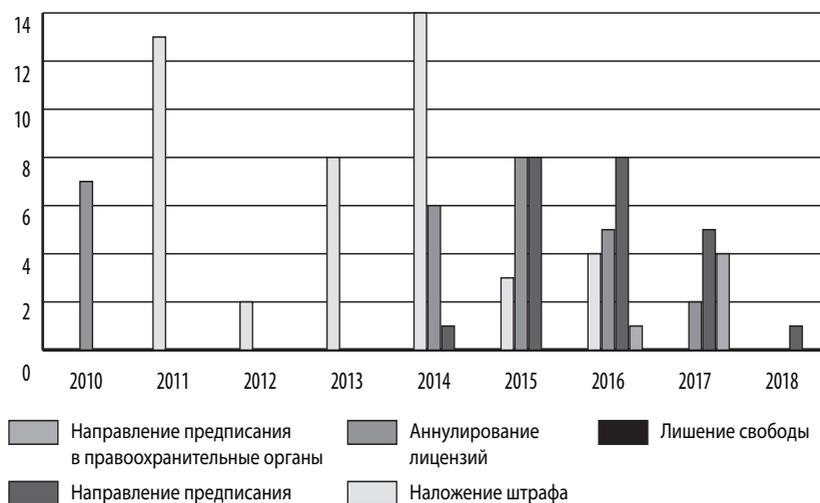
На сегодняшний день основу законодательной базы по вопросам регулирования системы фондового рынка составляют Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ; Федеральный закон «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком» от 27 июня 2010 г. № 224-ФЗ; ст. 183, 185, 185.1, 185.3, 185.6 Уголовного кодекса РФ; ст. 15.21, 15.30, 15.35 Кодекса об административных правонарушениях РФ; постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

В качестве мер пресечения, законодательной базой РФ предусмотрено привлечение к административной ответственности (лишение права занимать определенные должности на установленный судом срок, аннулирование лицензий, материальная ответственность в размере одного миллиона рублей, как для манипулятивной так и для инсайдерской деятельности), а также к уголовной ответственности (на срок до 7 лет за манипулирование рынком, и на срок до 6 лет — для инсайдерской деятельности). Уголовное преследование за неправомерное применение инсайдерской информации в России разрешено с 2013 г.. Однако в ходе проведенного исследования, было выявлено, что за 7 лет существования

---

¹ О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.). Ст. 2.

закона к данному виду ответственности не было привлечено ни одно виновное лицо. Всего за период 2010–2018 гг. регулятором в лице Центрального Банка было выявлено 74 случая нарушения законодательства об инсайдерстве и манипулировании, 71 из которых расценен как манипулирование, и лишь 3 случая — как инсайдерская деятельность¹. Для указанных фактов нарушений были назначены меры пресечения (см. рисунок). На протяжении 2011–2013 гг. назначались наказания в виде наложения штрафа. В период с 2014 по 2016 г. наиболее часто применялись меры ответственности в виде аннулирования лицензий и направления предписаний. Данная практика характерна также для 2017 г. Как видно из представленного рисунка, наложение штрафа не является частой практикой, а практика привлечения к уголовной ответственности полностью отсутствует.

Меры пресечения за нарушения Федерального закона № 224-ФЗ, применяемые на протяжении 2010–2018 гг.

Фактически на российском рынке отсутствует законодательный механизм пресечения инсайдерской деятельности, в связи с чем, на сегодняшний день необходимо внесение изменений в данной области. Необходимо введение превентивных мер, обязывающих участников рынка реагировать на случаи нарушения законодательства об инсайдерстве

¹ Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/finmarket/>

и манипулировании — данная практика широко распространена за рубежом, и подтверждает свою эффективность [3].

Среди таких мер можно предложить лишение права принимать участие в работе биржи и осуществлять операции с ценными бумагами на ограниченный срок, либо бессрочно, в зависимости от характера и объема нанесенного ущерба; вменение ответственности лицам, обладающим информацией о факте или возможности нарушения, но не предпринявшим попытку его предотвращения. Также необходимо увеличение объемов предусмотренных законодательством штрафов, поскольку на сегодняшний день они не оказывают необходимого психологического воздействия на участников рынка, а также не несут экономического смысла — наносимый в результате незаконной деятельности ущерб рынку и его отдельным участникам в десятки раз превышает размер вменяемой материальной ответственности. Важным шагом в построении эффективного механизма предупреждения выступает построение алгоритма привлечения к уголовной ответственности и учащение практики применения данной меры. Таким образом, решение проблемы инсайдерства и манипулирования на российском рынке ценных бумаг требует комплексного подхода и внесения коррективов в существующий механизм.

Библиографический список

1. *Савчук И. А., Медведева Г. Т.* Инсайдерская торговля // *Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. науч. журн.* 2016. №9(30). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/3601>.
2. *Старшинин С. А.* Совершенствование регулирования российского рынка ценных бумаг как фактор обеспечения его экономической безопасности. М., 2010.
3. *Худякова Л. С.* Международный опыт борьбы с манипулятивными сделками на финансовых рынках // *Деньги и кредит.* 2011. №7. С. 65–70.
4. *Hopt K. J.* The European Insider Dealing Directive // *Hopt and Wymeersch*, o.c. P. 131–132.
5. *King M., Roell A.* Insider trading // *Economic Policy.* 1988. Vol. 6. No. 1. P. 855–869.
6. *Williams W.* Insider trading and asymmetric information // *Capitalism magazine*, 2003. Jul. 15.

Мальгина Ю. Н.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Саморегулируемые организации как средство регулирования рыночных отношений и предпринимательской деятельности

В рамках развития Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. была активизирована политика создания в различных областях предпринимательской и иной деятельности саморегулируемых организаций. Однако в научной литературе существует определенная полемика относительно правовой природы деятельности саморегулируемых организаций в связи с неоднозначным толкованием самого понятия «саморегулируемая организация» и недавним, но массовым распространением данной конструкции некоммерческих организаций в России. Автор анализирует нормативные правовые акты, которые регулируют деятельность саморегулируемых организаций, и выявляются их недостатки. Настоящая статья позволит восполнить имеющийся пробел, комплексно определить правовое положение саморегулируемых организаций как средства регулирования гражданских отношений и современного рынка, обозначить пути совершенствования этого правового института.

Ключевые слова: саморегулируемая организация; некоммерческая организация; стандарты саморегулирования; законодательство о саморегулируемых организациях; институт саморегулирования.

Современные социально-экономические процессы сформировали необходимость делегирования отдельных государственных полномочий предпринимательским и профессиональным сообществам, основной целью которого является снижение государственного воздействия на бизнес. Как отмечает Президент РФ В. В. Путин сформировалась необходимость более интенсивного включения общественных организаций в процесс правового регулирования, выработки и принятия властных решений, как одного из приоритетных направлений государственной политики. Таким образом, давно назрела необходимость глубокого и всестороннего анализа механизмов саморегулирования в сфере предпринимательства.

Создание и деятельность общественных объединений, созданных предпринимателями, регламентируются Гражданским кодексом РФ, а также федеральными законами «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях», «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации», «О саморегулируемых организациях» и некоторыми другими.

Исследуя вопрос включения в систему субъектов правового регулирования общественных организаций, необходимо отметить, что он относится к числу дискуссионных. Так, С. С. Алексеев [1, с. 147], рассматривая систему коллективных субъектов, не включал в нее общественные

организации, а рассматривал их отдельно, Д. Н. Бахрах, И. Н. Иванов, Т. А. Бочкова, Н. П. Коренев [2], Ю. М. Козлов [5, с. 128–130] и другие ученые определяют их в единой системе.

На сегодня в промышленно развитых странах свыше 70 % предприятий малого и среднего бизнеса входят в различные самоуправляющиеся объединения. Существует множество типов деловых ассоциаций: «отраслевые, национальные и местные, с индивидуальным, коллективным и смешанным членством, добровольные или с обязательным членством, тесно ассоциированные с государственными институтами или независимые и другие» [6, с. 467–469].

Основными целями создания таких организаций является не только формирование и выражение коллективной позиции членов по вопросам, затрагивающим их интересы, участие в выработке государственной экономической политики и в реализации ее направлений, но и координация предпринимательской деятельности в рамках отрасли или территории, изучение деловой конъюнктуры и предоставление своим членам широкого набора деловых услуг. Именно эти основополагающие категории позволяют зарубежным объединениям при взаимодействии с предпринимателями руководствоваться принципами, вытекающими из их основных целей: обеспечение координации действий, поддержание климата сотрудничества и компромисса, утверждение норм делового поведения, стимулирование прогрессивных методов.

Представители предпринимательских союзов за рубежом, как правило, являются участниками, а нередко и руководителями различных консультативных органов при правительстве, его министерствах и ведомствах, и от их мнения во многом зависит содержание тех рекомендаций, которые становятся основой правительственных программ. В ряде стран предпринимательские организации выполняют публичные функции, которые им делегирует правительство этих стран [7, с. 47–51]. Использование опыта регулирования предпринимательских отношений в рыночной экономике посредством саморегулирования в последние годы приобретает особую *актуальность и востребованность*. Так, Ю. А. Тихомиров, анализируя вопросы повышения эффективности регулирования предпринимательской деятельности, акцентирует, что «необходимость расширения правового регулирования, связанного с участием различных общественных организаций, развития саморегулирования бизнеса и власти, делегированного саморегулирования и добровольного саморегулирования» [9, с. 78–79].

В России в целом и Свердловской области в частности общественные организации предпринимателей представлены различными формами объединений: союзы, ассоциации, некоммерческие партнерства и другие. *Объединения предпринимателей* — это некоммерческие организации

различной организационно-правовой формы, созданные по инициативе предпринимателей и основанные на фиксированном членстве с целью представления интересов в государственных и иных структурах, защиты прав и развития бизнеса членов объединения.

Можно выделить несколько структурно-функциональных разновидностей предпринимательских объединений. Существуют межрегиональные, областные и местные объединения. Например, учредителями некоммерческого партнерства «Малый бизнес Урала» является ряд объединений предпринимателей областей и республик Уральского региона. Большая часть объединений являются областными и осуществляют свою деятельность в пределах одного субъекта РФ — Свердловской области. Союзы, ассоциации, некоммерческие партнерства, общественные организации созданы предпринимателями в ряде городов и районов области, например, в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле, Первоуральске, Полевском, Новоуральске, Качканаре и других. К отраслевым объединениям относятся объединения, характеризующиеся преимущественной принадлежностью своих членов к какой-либо конкретной отрасли или виду предпринимательской деятельности. Это региональная ассоциация независимых хлебных товаропроизводителей, ассоциация «Мебельщики Урала», ассоциация «Кузнецы Урала», Союз предприятий молочной промышленности. Межотраслевые объединения предпринимателей включают предпринимателей, занятых в различных отраслях и сферах деятельности, например, Свердловский областной союз предприятий малого бизнеса, Уральская торгово-промышленная палата [6, с. 470–473].

В Федеральном законе «О саморегулируемых организациях» под саморегулированием понимается самостоятельная, инициативная деятельность, осуществляемая субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности, содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил и она осуществляется на условиях объединения субъектов указанных видов деятельности в саморегулируемые организации. Законодателем закреплено, что предметом саморегулирования является предпринимательская или профессиональная деятельность субъектов, объединенных в саморегулируемые организации. Статья 49 Гражданского кодекса РФ закрепила положения о саморегулируемых организациях как об альтернативном способе получения специального разрешения (лицензии) для осуществления определенных видов предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что существуют особенности саморегулирования отдельных видов предпринимательской и профессиональной деятельно-

сти, которые определены специальным законодательством. Такие особенности предусмотрены Градостроительным кодексом РФ, Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральным законом «Об оценочной деятельности», Федеральным законом «Об аудиторской деятельности» и рядом других.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» под саморегулируемыми организациями понимаются некоммерческие организации, основанные на членстве и объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида. Обязательными требованиями для саморегулируемых организаций являются, во-первых, наличие стандартов и правил предпринимательской или профессиональной деятельности, обязательных для выполнения всеми членами саморегулируемой организации, во-вторых, обеспечение саморегулируемой организацией дополнительной имущественной ответственности каждого ее члена перед другими предпринимателями. Статья 13 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» установила, требования обеспечиваются созданием специализированных органов, осуществляющих контроль за соблюдением членами саморегулируемой организации требований стандартов, правил предпринимательской или профессиональной деятельности, рассмотрение дел о применении в отношении членов саморегулируемой организации мер дисциплинарного воздействия, предусмотренных внутренними документами саморегулируемой организации.

Саморегулируемая организация должна установить меры воздействия в отношении членов саморегулируемой организации за нарушение требований стандартов и правил саморегулируемой организации. Стандарты и правила саморегулируемой организации должны соответствовать правилам деловой этики, устранять или уменьшать конфликт интересов членов саморегулируемой организации, их работников и членов постоянно действующего коллегиального органа управления саморегулируемой организации, а также должны устанавливать запрет на осуществление членами саморегулируемой организации деятельности в ущерб иным субъектам предпринимательской или профессиональной деятельности [3].

В последние годы наблюдается устойчивый рост числа саморегулируемых организаций, однако их количество в различных секторах экономики неодинаково. Так, наибольшее количество саморегулируемых организаций отмечается в сфере строительства, проектирования и изыскания. По данным портала «Реестр саморегулируемых организаций» в 2015 г. в России насчитывалось 454 саморегулируемые организации (в строительстве, проектировании и инженерных изысканиях), из них в строительстве — 249, в проектировании — 171, в инженерных изы-

сканиях — 34, а в 2016 г. — 507, при этом в строительстве — 277, в проектировании — 190, в изысканиях — 40. Изначально саморегулируемые организации создавались в этих сферах, позже они частично получили свое развитие и в других. Так, субъектам предпринимательства, основной деятельностью которых является строительство, необходимо вступать в профильную саморегулируемую организацию. В случае отсутствия такого членства, любые действия организации считаются противоправными и подлежат административной, либо даже уголовной ответственности за незаконное предпринимательство [10].

Обзор деятельности российских саморегулируемых организаций свидетельствует об улучшении делового климата в целом и повышении качества деятельности членов в частности. Вместе с тем процесс создания саморегулируемых организаций идет неравномерно. Так, наибольшее число саморегулируемых организаций образовано в Центральном федеральном округе — 46,3 % от всех организаций, за ним по убыванию следуют Северо-Западный — 18,3 % и Приволжский — 12,1 %. Наименее развит институт саморегулирования в Северо-Кавказском — 1,8 % и Дальневосточном федеральных округах — 3,3 %. Структура саморегулируемых организаций по видам деятельности (строительство, проектирование, изыскания) не выходит за рамки ранее приведенных данных. Однако по данным на начало 2015 г. в Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных не было зарегистрировано ни одной саморегулируемой организации в сфере изыскания.

В современных условиях развитие саморегулируемых организаций и их активное участие в экономике предполагает следующие преимущества: стандарты и правила саморегулирования, как правило, гибче норм, устанавливаемых государством и легче адаптируются к изменяющимся условиям в экономике; члены саморегулируемых организаций обладают реальными возможностями воздействовать не только на нормотворчество и политику организаций саморегулирования, но и на деятельность государственных органов, в том числе путем представительства в совещательных комитетах и комиссиях при них; наличие органов контроля деятельности членов саморегулируемых организаций создают действенные механизмы профессионального воздействия, обеспеченные возможностью применения к их членам административных и экономических санкций; формируемые в саморегулируемых организациях механизмы досудебного разрешения споров между субъектами предпринимательской деятельности позволяют сторонам экономить время по сравнению с судебными разбирательствами. Отличительной особенностью такой процедуры является ее адаптированность к условиям конкретной отрасли хозяйствования и особенностям взаимоотношений между участниками

одной профессиональной сферы; создание организаций саморегулирования позитивно сказывается на отношении общества к бизнесу, в том числе благодаря повышению открытости бизнеса и его социальной ориентации.

Высокие показатели института саморегулирования, несомненно, определяют его значимость и востребованность в осуществлении субъектами предпринимательской деятельности, однако его введение породило разные подходы со стороны ученых-юристов. В юридической литературе даже встречается мнение, что введение института саморегулирования является обязательным и необходимым для модернизации предпринимательского законодательства с целью становления в России гражданского общества, построенного на принципах автономии и самоуправления [4]. Пожалуй, такой подход следует признать избыточным. Вместе с тем соглашаясь Е. П. Суховым надлежит отметить, что саморегулирование призвано «устранить избыточное государственное влияние путем перехода преимущественно к косвенным методам регулирования экономических процессов, расширить долю участия предпринимательского сообщества в подготовке решений органов государственной власти» [7, с. 4].

Активное участие саморегулируемых организаций в рыночных механизмах экономики сформировало необходимость и определенный комплекс мер для его совершенствования и прогрессирования. Законодатель комплексно отобразил в Концепции совершенствования механизмов саморегулирования место института саморегулирования в общественных отношениях и саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в механизме государственного регулирования, роли саморегулируемых организаций как добровольных объединений участников профессионального рынка в защите прав интересов своих членов и обеспечении интересов потребителей, безопасности товаров, работ и услуг.

Концепция совершенствования механизмов саморегулирования, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 2776-р, как программный документ в сфере саморегулирования подчеркивает не только роль саморегулируемых организаций как компетентных профессионалов, но и призывает к квалифицированному диалогу предпринимательского сообщества с органами государственной власти в сфере формирования политики по развитию соответствующей отрасли и при разрешении конфликтных ситуаций. Участие саморегулируемых организаций в отдельных сферах осуществляется успешно и не теряет своей актуальности, но для повышения уровня эффективности таких организаций законодателем предложено установить общие правовые основы создания национальных объединений, определить минимальный перечень их функций, что позволит законодательно закрепить их статус,

а также определить основные направления деятельности. К ним предлагается отнести разработку федеральных стандартов в соответствующей сфере предпринимательской или профессиональной деятельности, консолидацию интересов отрасли, представление интересов саморегулируемых организаций и их членов в органах государственной власти и обжалование в судебном порядке актов и действий таких органов и их должностных лиц, нарушающих права и законные интересы саморегулируемых организаций и др.

В Концепции преследуется цель создания трехуровневой модели самоорганизации профессионального сообщества, которая позволит саморегулируемым организациям эффективно взаимодействовать как с потребителями товаров, работ и услуг членов саморегулируемых организаций, так и с государством, в том числе через национальные объединения.

Институт саморегулирования — современный регулятор рыночных отношений и предпринимательской деятельности, который является альтернативой государственному регулированию и уменьшает количество контрольно-надзорных функций органов государственной власти и административных барьеров при осуществлении экономической деятельности. Саморегулируемые организации должны стать для рынка не только средством регулирования отношений, но и новой ступенью в достижении диалога между государством и бизнесом, который позволит обеспечить благоприятный социальный и экономический климат для развития этих отношений и их эффективного регулирования.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 147.
2. *Бахрах Д. Н., Иванов И. Н., Бочкова Т. А., Корнев Н. П.* Субъекты советского административного права // Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1985. С. 11–62.
3. *Герасимов А. А.* Понятие и сущность саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности и особенности становления института саморегулирования в строительном комплексе РФ // Актуальные проблемы строительного комплекса. 2008. № 1. С. 20–28.
4. *Ершова И. В.* Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2014. № 3. С. 2–15.
5. *Козлов Ю. М.* Предмет советского административного права. М., 1967.
6. *Пантелеев В. Ю.* Государственно-правовое регулирование сферы потребительского рынка в Российской Федерации. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2015.
7. *Пантелеев В. Ю.* Мировые тенденции правового регулирования защиты потребителей при производстве и реализации товаров, работ и услуг. Екатеринбург: УрГИ, 2015.
8. *Сухов Е. П.* Саморегулируемые организации. Юридические, финансовые, налоговые аспекты. М.: ГроссМедиа, 2010. С. 4.

9. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2008.

10. Третьякова С. Б. Саморегулируемая организация — особый субъект права // Административное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 415–420.

Мансуров Г. З.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Проблемы обеспечения баланса норм частного и публичного права при регулировании экономических отношений

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования экономических отношений, обусловленные различными факторами. Анализируются проблемы реализации правовой политики в условиях рыночной экономики, связанные с обеспечением разумного баланса частноправового и публично-правового регулирования.

Ключевые слова: правовая политика; юридическая специфика рыночной экономики; гражданское право; экономическое право; ограниченность гражданско-правового регулирования; эволюция взаимодействия частного и публичного права.

Как известно, общественные отношения, в том числе и экономические, являются объектом совместного регулирования частных и публичных норм права. И поэтому одной из важнейших задач юристов является уравнивание баланса (от лат. *bilanx* — имеющий две весовые чаши) этих, по терминологии С. С. Алексеева, суперотраслей [2, с. 20] или особых «правовых миров» [3, с. 47] — частных и публичных отраслей права, таким образом, чтобы обеспечить эффективное развитие экономики.

При этом следует учитывать (1) действие на экономику иных, помимо права, факторов и (2) ограниченные возможности права как регулятора общественных отношений, обусловленную в первую очередь зависимостью права от объекта своего регулирования — экономики. Принципиальной особенностью российской экономики, как известно, является ее периферийный характер. А для стран периферийной экономики «органически присуща пониженная роль права как регулятора общественных и экономических отношений» [10, с. 94].

Кроме того, критически важным для экономического законодательства стран с периферийной экономикой является копирование западных моделей экономического развития, в силу того, что это приводит к необходимости рецепции иностранных нормативных актов. Так, например, «нормы закона об акционерных обществах представляют собой в своем

большинстве рецепцию западного права» [7, с. 14]. Данная практика имеет значительные исторические традиции [4, с. 45–52].

Таким образом, вышеуказанные особенности российской экономики и специфику их отражения в праве необходимо учитывать при разработке и реализации правовой политики, которая предполагает определение государством стратегических направлений обновления институтов правовой системы исходя из потребностей модернизации социальной, экономической и политической систем общества [1, с. 20]. Очевидно, что важнейшим условием успешной реализации правовой политики является обеспечение разумного баланса частноправового и публично-правового при регулировании экономических отношений.

Однако, при этом следует учитывать, что для нашей страны всегда была характерна определяющая роль государства в экономической жизни страны и, соответственно, преимущество публичного права перед частным. Так, например, IX–XIII вв. характеризовались как «эпоха полного подавления прав частного лица союзами общественными», в период Московского государства (XIV–XVI вв.) «частное право вновь подавляется правами государства, в особенности в сфере наследственного и вещного права» [5, с. 385].

В первые постсоветские годы у нас был кратковременный эксперимент по либерализации экономики. Теоретической основой данного стратегического направления послужили идеи представителей т. н. чикагской школы экономистов (М. Фридман, Дж. Стиглер, Ф. Найт и др.). Так, например, по мнению М. Фридмана, не следует допускать передачу государству любой функции, которая могла бы быть выполнена посредством рынка [8, с. 64]. Как известно, наиболее эффективно экономическую свободу можно обеспечить нормами гражданского права. Именно поэтому в период рыночной эйфории гражданское право зачастую именовали экономическим правом [11, с. 48], а Гражданский кодекс РФ — экономической конституцией [6, с. 6]. Однако очень быстро выяснилось, что перекос в сторону преимущественно гражданско-правового регулирования привел к ряду весьма серьезных нарушений прав граждан, обусловленных, в первую очередь, пробелами в законодательстве и злоупотреблением правом. Наибольший общественный резонанс вызвали нарушения прав граждан в сфере финансового рынка. Наличие пробелов в законодательстве позволило создать организации, фактически занимающиеся банковской деятельностью, но без лицензии ЦБ РФ. Самыми известными финансовыми пирамидами были МММ, РДС «Селенга», Хопёр-инвест и Тибет. В период деятельности этих организаций был установлен общедозволительный режим эмиссии ценных бумаг, что позволяло выпускать не предусмотренные законом и не обеспеченные активом ценные бумаги, например, билеты МММ, «доллар» МММ, мавро и др.

Полученный негативный опыт позволяет прийти к выводу, что специфика возрождения рыночных отношений не позволяет одними гражданско-правовыми инструментами обеспечить нормальное функционирование экономики.

Эффективное регулирование экономических отношений есть результат комбинации публично-правовых и частноправовых инструментов. Как отметил один дореволюционный романист, одинаково невыгодным может оказаться излишнее расширение области частного права, так и области публичного права. Нахождение правильной границы зависит от условий места и времени: то, что полезно при одних условиях, может оказаться вредным при других. Вот поэтому граница эта меняется во времени и в пространстве [9, с. 75]. Последним резонансным примером подобной эволюции правового режима является ситуация, сложившаяся после пожара в кемеровском торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня». До этой трагедии в рамках программы снижения административного барьера были установлены «надзорные каникулы» для субъектов малого предпринимательства. В настоящее время идет процесс восстановления прежнего правового режима.

Таким образом, определить в рамках права разумное соотношение регламентирующего воздействия на экономические отношения норм частного и публичного права невозможно. Это является задачей правовой политики.

Библиографический список

1. *Авдеев В. А., Авдеева О. А.* Правовое воздействие и правовая политика: вопросы институционализации и инструментальной сущности // *Юридический мир.* 2015. № 11. С. 19–23.
2. *Алексеев С. С.* Частное право. М.: Изд-во «Статут», 1999.
3. *Алексеев С. С.* Теория права. М.: Изд-во БЕК, 1993.
4. *Барац Г.* О чужеземном происхождении большинства русских гражданских законов // *Журнал гражданского и уголовного права.* 1884. № 10.
5. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М., 1995 (по изд. 1908 г.).
6. *Мозолин В. П., Баренбойм П. Д.* Гражданский кодекс как «экономическая конституция страны»? // *Законодательство и экономика.* 2009. № 4.
7. *Никулина О. В.* Тенденции развития современных предприятий в условиях динамичности и неопределенности внешней среды // *Экономический анализ: теория и практика.* 2008. № 17. С. 40–45.
8. *Фридман М.* Капитализм и свобода. М., 2006.
9. *Хвостов В. М.* Общая теория права. СПб., 1914.
10. *Явлинский Г. А.* Перспективы России. Экономический и политический взгляд. М.: Галлея-принт, 2006.
11. *Яковлев В. Ф.* Экономика. Право. Суд. М., 2003.

Мартыненко И.Э.

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь

Гражданско-правовая защита культурных ценностей: новые подходы в Кодексе Республики Беларусь о культуре, возможности их использования в Российской Федерации

В статье рассматриваются особенности гражданско-правовой защиты культурных ценностей. Автор обращается к опыту Республики Беларусь, в законодательстве которой введен в действие Кодекс о культуре. Итогом рассуждений является предложение предусмотреть в учреждениях образования преподавание основ правовых знаний об охране, использовании и восстановлении объектов культурного наследия.

Ключевые слова: кодификация; законодательство о культуре; защита культурных ценностей; правовая охрана; историко-культурное наследие.

Принятие и вступление в силу Кодекса о культуре¹ (это произошло 3 февраля 2017 г.) повлекло в Республике Беларусь изменения и в гражданском законодательстве. Например, впервые определен порядок приобретения права собственности на археологические артефакты (в законодательстве Российской Федерации аналогом являются археологические предметы — прим. автора). В соответствии со ст. 234-2 Гражданского кодекса Республики Беларусь археологические артефакты, обнаруженные при проведении археологических исследований либо иным образом, подлежат передаче в государственную собственность. Кроме того, в случае обнаружения бесхозных антикварного, исторического оружия и боеприпасов, иного вооружения или военной техники при проведении поисковых работ, раскопок либо иным образом указанные вещи также подлежат передаче в государственную собственность.

По-новому определяет Кодекс о культуре права и обязанности собственника материальной историко-культурной ценности (т. е. объекта культурного наследия). Так, собственник материальной историко-культурной ценности (например, памятника архитектуры или исторического здания) имеет те права, которые в соответствии с гражданским законодательством принадлежат ему как собственнику. Собственнику предоставляется право передавать движимую материальную историко-культурную ценность (например, старопечатную книгу) на хранение государственным организациям культуры с определением условий ее содержания и использования.

---

¹ Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры: Кодекс Рэспублікі Беларусь от 20 июля 2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://www.pravo.by/upload/docs/op/hk1600413_1470085200.pdf

В то же время Кодекс о культуре устанавливает ограничение прав собственника (пользователя) материальной историко-культурной ценности. Эти обременения заключаются в том, что собственнику (пользователю) материальной историко-культурной ценности (например, памятника истории) запрещается: уничтожать эту ценность или допускать причинение ей вреда; выполнять работы без соответствующего разрешения или объект; менять место пребывания (хранения), условия содержания и использования историко-культурной ценности (имеется в виду без соответствующего согласования); вывозить движимую материальную историко-культурную ценность (например, антикварную вещь) из страны на постоянное хранение.

Согласно ст. 75 Кодекса о культуре собственник (пользователь) материальной историко-культурной ценности обязан подписать охранное обязательство. В этом документе предусматриваются такие обязанности, как: обеспечивать сохранность памятника; сохранять в целостности коллекцию историко-культурных ценностей; обеспечивать доступ к объекту специалистам; сообщать в местный исполнительный и распорядительный орган об обстоятельствах, которые угрожают сохранению историко-культурной ценности. На собственника возложена обязанность установления на недвижимой материальной историко-культурной ценности охранной доски и составление паспорта.

Кроме того, при переходе права собственности или иного вещного права на материальную историко-культурную ценность собственник обязан не позднее пяти календарных дней со дня перехода права передать паспорт материальной историко-культурной ценности новому собственнику или новому землепользователю. В свою очередь, новый собственник материальной историко-культурной ценности обязан в течение тридцати календарных дней со дня приобретения права собственности подписать охранное обязательство. Заметим, что невыполнение этого требования влечет за собой неблагоприятные правовые последствия, а именно: в соответствии с п. 2 ст. 75 Кодекса о культуре является основанием для признания сделки по приобретению права собственности на материальную историко-культурную ценность недействительной.

Кодекс о культуре устанавливает преимущественное право приобретения доли в праве общей собственности на историко-культурную ценность (ст. 72 Кодекса о культуре). Так, при продаже доли в праве общей собственности на историко-культурную ценность постороннему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки доли, продаваемой по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях, кроме случая продажи с публичных торгов. А вот в случае их отказа или невозможности приобрести такую долю

преимущественное право ее приобретения имеет на прочих равных условиях государство.

Кодексом о культуре регулируются основания возникновения и порядок осуществления права собственности на культурные ценности (т. е. выявленные объекты), которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности (т. е. памятника) и которые на момент их обнаружения не имеют собственника, а также порядок выкупа историко-культурных ценностей, содержащихся бесхозно.

Данные положения Кодекса о культуре дополняют и уточняют нормы Гражданского кодекса, устанавливающие правовые последствия обнаружения клада как специфического вида бесхозного имущества. Напомним, что в гражданском праве кладом считаются зарытые в земле или спрятанные иным способом деньги или ценные предметы, собственник (владелец) которых неизвестен и не может быть найден, или же потерял на них право. По общему правилу клад поступает в собственность лица, которому принадлежит имущество (земельный участок, строения и т. п.), где клад был сокрыт, и лица, обнаружившего клад, в равных долях, если соглашением между ними не установлено иное. При обнаружении клада лицом, производившим раскопки или поиски ценностей без согласия на это собственника земельного участка или иного имущества, где клад был сокрыт, клад подлежит передаче собственнику земельного участка или иного имущества, в котором был обнаружен клад. Однако данные правила не применяются в отношении кладов, состоящих из археологических артефактов. В случае обнаружения клада, состоящего из материальных культурных ценностей, обладающих отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и соответствующих одному из критериев для придания им статуса историко-культурной ценности, такие материальные культурные ценности подлежат передаче в государственную собственность.

Практический интерес представляет институт выкупа бесхозно содержащихся культурных ценностей. К данному вопросу неоднократно обращались исследователи, высказывая свое мнение [1–3; 5].

Согласно закону, в случаях, когда собственник культурных ценностей, отнесенных в соответствии с законодательством к особо ценным и охраняемым государством, бесхозно содержит эти ценности, что грозит утратой ими своего значения, такие ценности по решению суда могут быть изъяты у собственника путем выкупа государством или продажи с публичных торгов. При выкупе культурных ценностей собственник возмещает их стоимость в размере, установленном соглашением сторон, а в случае возникновения спора — по решению суда. При продаже

с публичных торгов собственнику передается вырученная от продажи сумма за вычетом расходов на проведение торгов.

В гражданском праве надлежащим содержанием вещей, относящихся к культурным ценностям, являются: обеспечение их физической сохранности, недопущение порчи (потери ими своих качеств); осуществление в случае необходимости мероприятий по их ремонту (реставрации) и реконструкции; принятие мер по недопущению их хищения; недопущение передачи культурных ценностей лицу, не способному обеспечить их надлежащее содержание. В Кодексе о культуре не названы конкретные формы бесхозяйственного содержания культурных ценностей: это могут быть как активные действия, причиняющие прямой вред памятнику, так и откровенное бездействие (систематическое невыполнение субъектами своих обязанностей по проведению ремонтно-реставрационных работ). Историко-культурные ценности (памятники) сторают, разрушаются, расхищаются, длительное время не реставрируются, используются не по функциональному назначению (например, в качестве складских помещений). В результате утрачиваются качества объекта, которые позволяют относить его к историко-культурным ценностям. Такое отношение к культурному достоянию народа стало обычным явлением. Поэтому уполномоченным органам необходимо активизировать искомую деятельность, требуя судебного изъятия бесхозяйственно содержащихся историко-культурных ценностей.

Выводы и предложения. Кодификация законодательства о культуре привела к упорядочению нормативных правовых актов, регулирующих охрану, учет, использование и восстановление объектов культурного наследия. Введенный в действие Кодекс Республики Беларусь о культуре стал источником гражданского права в части: определения содержания используемых в Гражданском кодексе понятий «историко-культурная ценность», «материальная историко-культурная ценность», «культурная ценность», «археологический артефакт»; определения основных начал гражданского законодательства; раскрытия содержания права собственности в том числе, определения правых последствий обнаружения клада; регулировании вопросов приобретения права собственности на археологические артефакты; определения оснований прекращения права собственности, в том числе, регулирования вопросов выкупа бесхозяйственно содержащихся культурных ценностей; регулирования порядка обращения взыскания на заложенное имущество в тех случаях, когда предметом залога является имущество, относящееся к историко-культурным ценностям.

Продолжаем последовательно отстаивать идею преподавания в вузах (учреждениях образования) правовых аспектов охраны, использо-

вания и восстановления историко-культурного наследия [4]. Считаем, что полученные знания помогут будущему специалисту оптимально реализовать себя в различных комплексных международных, национальных и региональных программах сохранения и использования культурного наследия.

Библиографический список

1. *Бакаева А. Г.* Принудительный выкуп культурных ценностей как основание прекращения права собственности на них // *Культура: управление, экономика, право.* 2017. № 2. С. 30–35.
2. *Бутаева Э. С.* Прекращение права собственности помимо воли собственника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
3. *Головизнин А. В.* Основания и порядок выкупа культурных ценностей по российскому гражданскому праву // *Право и экономика.* 2013. № 11. С. 28–31.
4. *Мартыненко И. Э.* Правовая охрана историко-культурного наследия Республики Беларусь: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования по спец.: «Правоведение», «Экономическое право», «Правовое обеспечение хозяйственной деятельности». Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2017.
5. *Чельшьева Н. Ю.* Специальные основания приобретения права государственной собственности на культурные ценности // *Научный вестник Уральского академии государственной службы.* 2010. № 2(11). С. 95–101.

Рассохин А. В.

Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург

Особенности правовой экспертизы в России и зарубежных странах, затрудняющие ведение предпринимательской деятельности

В статье рассматривается правовой механизм экспертизы проектов и нормативно-правовых актов с целью предотвращения необоснованного затруднения ведения предпринимательской деятельности. Раскрывается механизм оценки регулирующего воздействия.

Ключевые слова: экспертиза НПА; конкуренция; оценка регулирующего воздействия; предпринимательская и инвестиционная деятельность.

Важным фактором предпринимательской и инвестиционной деятельности является конкуренция между субъектами рыночной экономики. В рамках заявленной темы следует отметить, что правовая экспертиза проектов и нормативно-правовых актов занимает особое место в создании условий для развития рынка. Заключение экспертов, как правового инструмента создающего благоприятную среду для бизнеса, позволяют

на стадии законотворческой или правотворческой деятельности, или уже действующих нормативных актов выявить ошибки в праве и спрогнозировать негативные последствия для общественных отношений.

В Российской Федерации экспертиза проектов и нормативно-правовых актов законодательно была закреплена с 2008 г. В настоящее время в России накоплен определенный опыт, имеются серьезные научные и теоретические исследования.

На наш взгляд, антимонопольное законодательство нуждается в совершенствовании, преимущественно на основе экспертных обобщений в законотворческой и правотворческой деятельности. Особо стоит обратить внимание на правоприменительную практику. Обновление правовой базы, позволит пресекать злоупотребления рыночной властью, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов, использовать механизм штрафных санкций как к юридическим лицам, так и физическим лицам, включая должностных лиц федерального и регионального уровней органов исполнительной власти и местного самоуправления, пресекать необоснованные действия монопольных организаций.

Надо отметить, что в ряде зарубежных стран накоплен солидный опыт в вопросах правоприменительной практики по антикоррупционной политике. В таких странах, как: Китай, Германия, США, Великобритания, Франция и др., антикоррупционное законодательство указанных стран, имеет системный характер, регулирует банковскую, инвестиционную, биржевую, лоббистскую, предпринимательскую деятельность. Данное обстоятельство вызвано тем, что, например, в США, где сформирована эффективная система и созданы условия для продуктивной борьбы с коррупцией, «антикоррупционное законодательство характеризуется чрезвычайной жесткостью. Законодательство данной страны предусматривает наказание за дачу и получение вознаграждения за услуги, входящие в круг обязанностей должностного лица» [1]. Антикоррупционная экспертиза проектов и нормативных правовых актов осуществляется в большинстве государств-членов Организации Объединенных Наций. Конвенция ООН против коррупции в ст. 9 п. 2 закрепляет, что «Каждое государство-участник принимает, в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы, надлежащие меры по содействию прозрачности и отчетности в управлении публичными финансами.

В сфере экспертизы проектов и нормативно-правовых актов по совершенствованию антимонопольного законодательства, необоснованно затрудняющего ведение предпринимательской и инвестиционной деятельности в Российской Федерации, с учетом опыта других стран можно выделить несколько направлений.

Во-первых, на практике невозможно подвергнуть экспертизе проекты и нормативно-правовые акты в обозримой перспективе даже при условии многократного увеличения числа сотрудников Министерства экономического развития России и экспертов Министерства юстиции. Поэтому, на наш взгляд необходимо определиться с основным направлением экспертизы на наиболее важное законодательстве по антимонопольному регулированию. Стоит отметить, что, экспертиза антимонопольного законодательства осуществляется в соответствии с полугодовым планом.

Во-вторых, должен быть субъективный фактор, для сбора предложений от заинтересованных лиц. В рамках правоприменительной практики и заключений экспертов Открытого правительства или экспертов Министерства юстиции. В данном случае целесообразно будет отбирать фактически действующее законодательство в сфере антимонопольной политики.

В-третьих, особую роль играет институт оценки регулирующего воздействия. Одним из важных элементов данной системы является процедура публичных консультаций, например — формирования государственного бюджета и бюджетов субъектов РФ. С момента внедрения института оценки регулирующего воздействия в правотворческую практику Российской Федерации Минэкономразвития России было подготовлено свыше 2,3 тыс. заключений. А вот как реагировали на данные заключения федеральная антимонопольная служба, пока вопрос остается открытым.

В-четвертых, наличие объективных критериев, т. е. в короткий перечень рекомендуется включать проекты и нормативно-правовые акты, применение которых, возможно, приводит к следующим последствиям:

— изменению издержек функционирования хозяйствующих субъектов на рынке, либо издержек входа на рынок, в том числе: увеличению издержек хозяйствующих субъектов, входящих на рынок, по сравнению с издержками уже действующих на рынке хозяйствующих субъектов;

— увеличению/понижению издержек одних хозяйствующих субъектов, действующих на товарном рынке, в сравнении с издержками других хозяйствующих субъектов, действующих на том же рынке; возникновению или повышению барьеров входа/выхода;

— ограничению количества хозяйствующих субъектов на рынке или круга хозяйствующих субъектов, имеющих право действовать на рынке, посредством: предоставления эксклюзивных прав отдельным хозяйствующим субъектам на осуществление определенной деятельности; закупки товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд у единственного поставщика; введения прямого запрета для определенных категорий хозяйствующих субъектов на осуществление хозяйственной или инвестиционной деятельности.

В-пятых, важным направлением в проведении экспертизы проектов и нормативно-правовых актов является повышение экономической обоснованности принимаемых антимонопольным органом решений.

На наш взгляд, развитие института экспертизы позволит антимонопольному органу анализировать и совершенствовать практику применения антимонопольным органом предусмотренных законодательством мер структурного характера. Здесь важно понимать, как оперативно смогут реагировать и принимать решения Федеральная антимонопольная служба России на отрицательные заключения экспертов.

Таким образом, рассматривая правовую экспертизу проектов и нормативно-правовых актов по выявлению положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской деятельности, как условия для развития рыночных отношений, нам необходимо выделять и категоризировать нарушения антимонопольного законодательства на: прямо связанные и косвенные связанные с ограничением конкуренции.

К прямо связанным относятся нарушения антимонопольного законодательства, которые ограничивают или могут ограничить конкуренцию. Речь идет о правонарушениях, причиняющих вред конкурентной среде товарному рынку (рынков) и которые затрагивают неопределенный круг лиц, ведущих хозяйственную деятельность на таких рынках. Целесообразно установить повышенную ответственность, за данные нарушения вплоть до уголовной.

К косвенно связанным антимонопольным правонарушениям, следует отнести, не влекущие общественно-опасных последствий и связанные исключительно с отдельным фактом ущемления доминирующим субъектом конкретного потребителя (контрагента). Данные нарушения на практике составляют большую часть нагрузки на антимонопольный орган. В тоже время оформленное заключение в результате экспертного исследования носит рекомендательный характер и тем самым не принуждает органы государственной власти вносить изменения в законопроект или действующий нормативный акт [2]. В настоящее время данные обстоятельства являются одной из основных проблем законодательного процесса в России. В тоже время остается не учтенным в соответствии с законодательством возможность включения в заключения предложений экспертов о новых формулировках и новой редакции статей законопроекта.

Библиографический список

1. *Захарова В. И.* Правовое регулирование антикоррупционной экспертизы в зарубежных странах. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-antikorrupcionnoy-kspertizy-v-zarubezhnyh-stranah>.

2. Колесов Ю. И. Правовое пространство России. Участие органов юстиции в обеспечении его единства. М.: Спарк, 2004.

Рахимова К. М.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Значение системы государственной регистрации недвижимости для развития предпринимательства и повышения инвестиционного потенциала региона

В статье анализируется влияние системы государственной регистрации недвижимости на развитие предпринимательства. Рассматривается понятие инвестиций и инвестиционного потенциала региона, выявляются основные параметры инвестиционного потенциала региона.

Ключевые слова: государственная регистрация недвижимости; предпринимательство; инвестиционный потенциал; инвестиционная привлекательность региона.

Инвестиции играют ведущую роль в развитии экономики региона, для накопления и развития капитала, развития инфраструктуры, тем самым влияют на повышение экономического потенциала региона.

Согласно Федеральному закону от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (ред. от 23 июля 2010 г.), инвестиции — денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

На сегодняшний момент в научной литературе не имеется единственного и общепризнанного термина «*инвестиционный потенциал*». Данное определение не зафиксировано практически ни в одном законодательном и ином нормативном правовом акте. Это можно связать как с незначительным темпом развития методологии, так и переменчивым состоянием экономики России.

В финансовом словаре «*инвестиционный потенциал*» — это «совокупность стратегических предпосылок и факторов для устойчивого развития предприятия, в том числе за счет привлечения сторонних инвестиций» [2, с. 126–127].

Стоит отметить, понимание определения, которое дал Ф. С. Тумусов «*инвестиционного потенциала*» как «совокупности инвестиционных ресурсов, составляющих ту часть накопленного капитала, которая представлена на инвестиционном рынке в форме потенциального инвести-

ционного спроса, способного и имеющего возможность превратиться в реальный инвестиционный спрос, обеспечивающий удовлетворение материальных, финансовых и интеллектуальных потребностей воспроизводства капитала» [1].

В основном «инвестиционный потенциал» употребляется в сочетании с регионом, городом, предприятием и т. д. Так, например, в научно-исследовательской работе А. В. Русавской термин «*инвестиционный потенциал региона*» трактуется как «совокупная возможность собственных и привлеченных в регион экономических ресурсов обеспечивать при наличии благоприятного инвестиционного климата инвестиционную деятельность в целях и масштабах, определенных экономической политикой региона» [3].

В научной литературе «*инвестиционный потенциал региона*» описывается как «одна из качественных характеристик общего регионального экономического потенциала, обусловленная взаимосвязью имеющихся, а также потенциально доступных (возможных) источников финансирования инвестиций региона с комплексом разработанных инвестиционных проектов, представленных в виде экономически/социально обоснованных направлений использования инвестиционных ресурсов» [4].

Таким образом, понятийный аппарат, касающийся инвестиционного потенциала, можно охарактеризовать как постоянно дополняющийся и уточняющийся в многочисленных научных трудах.

Необходимо отметить, что к инвестиционным ресурсам региона относят: денежные средства, земельные участки, сооружения и прилегающие к ним коммуникации, оборудование разнообразного вида, транспорт, а также природные ресурсы, технологии и т. д.

Недвижимость является объектом желания для многих инвесторов. Недвижимость составляет значительную долю в системе активов различных предприятий и организаций, федеральных и муниципальных государственных бюджетов.

Система государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним является одним из приоритетных направлений и механизмов улучшения инвестиционной среды в регионах Российской Федерации.

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним предоставляет собой процедуру регистрации прав собственности и включает в себя ряд действий. Так, в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (содержится более 166 млн актуальных записей о правах на объекты недвижимости).

Для обеспечения и выравнивания условий, необходимых для инвестиционной деятельности в субъектах Российской Федерации, в том числе

и по регистрации недвижимого имущества создаются и реализуются государственные программы по усовершенствованию системы государственной регистрации прав собственности. От слаженности работы системы регистрации зависит степень комфортности региональной среды для предпринимателей и инвесторов.

На сегодняшний момент реализуются такие программы по усовершенствованию системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество, как федеральная целевая программа «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014–2019 гг.)» и дорожная карта «Повышение качества государственных услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

В настоящее время система регистрации недвижимого имущества сократила срок государственной регистрации прав на недвижимое имущество с двадцати до десяти рабочих дней (с 1 января 2017 г. — до семи рабочих дней), возросла доля государственных услуг, предоставляемых Росреестром.

На территории Свердловской области регистрацию прав собственности осуществляет Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Свердловской области. С февраля 2017 г. с целью повышения эффективности процедур по регистрации прав собственности в Свердловской области реализуется целевая модель упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации «Регистрация права собственности на земельные участки и объекты недвижимого имущества». За время реализации данной модели увеличилась доля услуг по государственной регистрации прав, предоставленных через МФЦ, в общем количестве государственных услуг по регистрации прав с 81,1 до 85,5 %, а также уменьшился срок регистрации прав собственности, что подтверждается следующими показателями: средний фактический срок регистрации прав собственности (максимально возможный срок) составляет 6 дней; средний фактический срок регистрации прав собственности по заявлениям, поданным через МФЦ (максимально возможный срок), снизился с 9 до 6 дней, прослеживается улучшение качества регистрационного процесса.

Качественная и эффективная система регистрации прав собственности способствует повышению инвестиционного потенциала регионов.

Библиографический список

1. Лебедев А. М., Елисеева Т. В. «Инвестиционный климат»: понятие и определение // Проблемы региональной экономики. 2017. № 39. С. 33–48.
2. Оценка экономической эффективности инвестиции: разработка стратегий, методы оценки рисков, моделирование задач / В. В. Царев и др. СПб.: Питер, 2004.
3. Русавская А. В. Инвестиции и инвестиционный потенциал региона // Управление экономическими системами. 2012. № 1(37). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-i-investitsionnyy-potentsial-regiona>.
4. Степанова О. Б. Проблемы наполнения государственного кадастра недвижимости как информационного ресурса для управления земельным фондом страны // Вестник ОГУ. 2012. № 13(149). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-napolneniya-gosudarstvennogo-kadatra-nedvizhimosti-kak-informatsionnogo-resursa-dlya-upravleniya-zemelnyim-fondom-strany> (дата обращения: 23 февраля 2018 г.).

Симачкова Н. Н.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

К проблеме эффективности государственного управления в социально-экономической сфере

В статье рассматриваются проблемы эффективности управления государства в социально-экономической сфере через призму оценки научного дискурса по вопросам социально-экономического управления и его систем; повышение эффективности воспроизводства социального капитала и качества жизни как отражение эффективности социально-экономического управления.

Ключевые слова: социально-экономического управление; эффективность; качество жизни; социальная сфера.

Роль государства как главного субъекта социального управления в России предопределена Конституцией Российской Федерации, провозгласившей ее социальным государством. Статус социального государства, как это прописано в конституциях ряда западноевропейских стран, предполагает ответственность государства за обеспечение достойного уровня жизни граждан, за социальную ориентацию предпринимательства в рыночной экономике.

Сам по себе рынок не ориентирован на социальную справедливость, на создание для каждого члена общества условий и гарантий хотя бы минимально необходимого благосостояния. Поэтому решение социальных задач предполагает перераспределение государством потоков доходов и материальную поддержку нетрудоспособных и бедняков, выплату

пособий безработным, обеспечение их обучения и переквалификации, гарантирование наемным работникам минимальной заработной платы, содействие развитию семьи и росту рождаемости, предоставление возможностей образования и здравоохранения, в том числе на бесплатной основе [1, с. 86].

В странах Западной Европы (Германия, Франция, Швеция, Швейцария и др.), где за основу принята модель социальной рыночной экономики, эффективная социальная политика рассматривается как должным образом реализованная экономическая политика государства, поощряющего постоянный рост заработной платы при соответствующем росте производительности труда, стабильном уровне цен, высоком уровне занятости и развитой системе социальной защиты населения.

Принимая на себя ответственность за поддержание достойного уровня благосостояния своих граждан, социальное государство, безусловно, вправе требовать от них активного участия в обеспечении своего собственного социального благополучия. Речь идет о разделении ответственности, своего рода общественном договоре между обществом, бизнесом и государством, институционально закрепляемом в принципах, правилах и нормах взаимодействия участвующих в этом договоре сторон [2, с. 48].

В теории и практике стран, приверженных модели социального государства, накоплен немалый опыт построения системы таких взаимоотношений. Адекватно воспринимая институциональные нормы и контролируя их выполнение государством, предприниматели осваивают новые социальные технологии, расширяют права наемного работника и его ответственность за развитие производства на своем предприятии. Особое значение придается среднему классу, обеспечивающему собственным трудом достойную жизнь себе и стабильность в обществе.

В России социальная политика формируется на основе сравнительно узкого круга отраслей и объектов социальной сферы, куда включают: образовательный комплекс (дошкольное, начальное, среднее, высшее, послевузовское и дополнительное профессиональное образование); здравоохранение (амбулаторно-поликлинический, лечебно-профилактический и медико-диагностический комплексы); жилищно-коммунальный комплекс; санаторно-курортный и туристический комплексы (санатории, дома отдыха, пансионаты, гостиницы, турбазы); спортивно-оздоровительный комплекс (стадионы, спортивные площадки, дворцы спорта и т. п.); культурно-досуговый комплекс (театры, музеи, зоопарки, дома культуры, библиотеки и т. п.); органы пенсионного обеспечения и социальной защиты граждан; организации, обеспечивающие трудоустройство граждан; организации, осуществляющие поддержку семьи и брака; общественные и религиозные организации.

Повышение качества жизни народа требует активизации мер по борьбе с бедностью. Анализ структуры бедности показывает, что среди бедных около 50 % составляют лица трудоспособного возраста, что определяется прежде всего низким уровнем оплаты труда. Около 30 % бедных составляют семьи, где все трудоспособные граждане имеют регулярную оплачиваемую работу. Дети из бедных семей имеют значительно меньше возможностей, чем из обеспеченных, на получении высшего и среднего профессионального образования, что предопределяет снижение их конкурентоспособности на рынке труда. Распространение бедности среди семей с детьми обуславливает повышенный риск асоциального поведения как родителей, так и их детей, ведет к безнадзорности и противоправному поведению детей [3, с. 69].

При этом известно, что существующие программы социальной помощи не оказывают достаточного влияния на снижение уровня бедности, во-первых, вследствие несоразмерности масштабов бедности и выделяемых на эти цели ресурсов, во-вторых, из-за того, что основная часть ресурсов, выделяемых в рамках реализации указанных программ, распределяется в пользу небедных категорий населения. Важно усилить адресность предоставления социальной помощи, учитывающую как доходы, так и особенности различных групп населения, нуждающихся в социальной поддержке.

Существенно повысить эффективность реализации социальных программ можно путем координации деятельности органов социальной защиты населения, органов службы занятости и органов, осуществляющих предоставление жилищных субсидий и иных форм социальной помощи, на основе совместного планирования и реализации социальных программ.

Кардинальное решение проблемы повышения качества жизни связано с научно-техническим обновлением производства, созданием условий для высококачественного, высокопроизводительного и высокооплачиваемого труда. Однако перечисленные меры не должны заменять актуальность устранения перекосов в оплате труда, сложившихся в результате властного перераспределения национального богатства и источников доходов. В этой ситуации государство не должно идти на поводу у бизнеса, предваряющего возможность увеличения зарплаты работников необходимостью опережающего роста производительности труда. Поскольку, одной из главных причин беспрецедентного по современным меркам разрыва в доходах между разбогатевшим меньшинством и обедневшим большинством населения России является приватизация государственной собственности, проведенная с нарушением не только элементарных норм социальной справедливости, но и законодательства, правомерно ставить вопрос о нормативно-правовом ограничении роста доходов частных соб-

ственников и предпринимателей в пользу грудящейся массы населения. Устранение в рамках закона причин и последствий ранее допущенных нарушений, восстановление социальной справедливости могло бы инициировать повышение производительности труда и стимулировать ее опережающий рост в дальнейшем при создании для этого необходимых экономических, научно-технических и социальных условий.

Повышение качества жизни людей, уровня благосостояния основной части населения является высшим стратегическим приоритетом развития России. От позиции государства, представляющего эту власть, во многом, если не в решающей мере, зависят позиции и действия двух других участников социального договора — работодателей, представляющих бизнес, и профсоюзов, представляющих интересы трудящихся.

Социальные реформы могут считаться эффективными лишь тогда, когда затраченные на их осуществление усилия и ресурсы поднимают общество на более высокую ступень развития, обеспечивают улучшение условий и качества жизни людей. Именно в этом заключается главная задача социально-экономического управления, охватывающего своим воздействием не только собственно социальные, классовые отношения в обществе, но и через них — экономическую, политическую, духовную и иные сферы его жизнедеятельности.

Существующий в научной литературе широкий разброс в определениях социально-экономического управления затрудняет выяснение вопроса об эффективности как социологической категории. Для ответа, целесообразно привлечь, кроме социологического, понятийный аппарат других наук, а также инструментарий хозяйственной практики, где фактически любое решение и действие оцениваются с позиций их экономической и социальной эффективности.

В работах отечественных и зарубежных ученых справедливо замечается, что в обществе нет таких объектов и явлений, которые не изучались бы, однако их включение в область научного познания возможно лишь при соответствующем этой области содержательном наполнении. С учетом этого в социологию не могут быть перенесены понятия и характеристики времени из других наук, в том числе экономики, где время является мерой эффективности общественно необходимых затрат труда, или из философии, определяющей время как форму последовательной смены явлений и длительность состояния материи [4, с. 36].

Специфически социологической категорией является социальное время, под которым понимается качественно-количественная определенность времени жизни человека, его прошлого, настоящего и будущего. Количественная определенность непосредственно связана с длительностью жизни человека, качественная — с качеством жизни, степенью

удовлетворенности человека совокупностью условий, в которых его жизнь протекает.

В прямой зависимости от качества социального времени поколений и индивидов находится динамика таких показателей, как ожидаемая продолжительность жизни, физическое и нравственное здоровье, степень удовлетворенности условиями и качеством жизни. Чем полнее и эффективнее используются резервы экономии социального времени, тем выше, при прочих равных возможностях, могут быть уровень и культура потребления материальных и духовных благ [5, с. 64].

Повышение социальной эффективности достигается тогда, когда экономия социального времени воплощена в приращении материального и духовного богатства общества, в его социальном капитале.

Повышение эффективности воспроизводства социального капитала и качества жизни отражает эффективность социального управления, но лишь в определенной мере: рост социального капитала и улучшение качества жизни обеспечиваются функционированием всей социальной системы, а не только системы управления. Поэтому эффективность социального управления следует измерять не по общим результатам функционирования социальной системы, а лишь по тем из них, которые являются непосредственным следствием управленческих решений, результатом реализации социальной политики государства [6, с. 172].

Библиографический список

1. *Воронин Б. А., Фатеева Н. Б.* Государственная кадровая политика в аграрной сфере Российской Федерации // *Аграрный вестник Урала*. 2014. № 7. С. 84–87.
2. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1995.
3. *Зарубина Е. В.* О методологическом статусе системного подхода // *Теоретические и прикладные вопросы науки и образования: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 31 января 2015 г.): в 16 ч.* Тамбов, 2015. Ч. 10. С. 69–70.
4. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 1. 6-е изд. СПб., 1909.
5. *Осипов В. Г.* Социология: учебник. СПб.: ЛКИ, 2012.
6. *Радаев В. В.* Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

Сысоева Т. В.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании вопроса о банковской тайне

Несмотря на реформирование банковской системы в России, многие вопросы, затрагивающие данную область исследования, продолжают оставаться дискуссионными. В представленной статье рассматриваются проблемы, связанные с охраной банковской тайны. С целью совершенствования законодательства автором предлагается внести ряд дополнений и изменений в законы, регулирующие отношения, которые складываются по поводу банковской тайны.

Ключевые слова: банковская тайна; банк; банковская деятельность; коллекторское агентство; законодательство.

В настоящее время правовое регулирование института банковской тайны осуществляется на основании двух правовых норм: Закона РФ «О банках и банковской деятельности», а также ст. 857 ГК РФ, в соответствии с которыми банк гарантирует тайну банковских вкладов и счетов, операций по счету и сведений о клиенте. Все служащие кредитной организации должны хранить тайну об операциях и вкладах ее клиентов¹.

В процессе изучения вышеназванных правовых документов, можно сделать вывод, что банковская тайна — это особый, определенный законом правовой режим информации о клиентах и их операциях, которая стала известна банку при осуществлении им банковской деятельности. Данный правовой режим заключается в том, что на банках и иных кредитных организациях лежат следующие обязанности: хранить сведения, составляющие банковскую тайну в строжайшем секрете и предоставлять их на условиях, которые установлены законодательством; передавать сведения, относящиеся к банковской тайне только тем субъектам, которые могут получать такие сведения, согласно закону; определять содержание информации, которая является предметом охраны; устанавливать порядок предоставления информации, составляющей банковскую тайну, без согласия владельцев счетов; возлагать возможную ответственность за нарушения, которые выявленные в сфере охраны банковской тайны.

Кроме того, существуют отдельные федеральные законы, в которых закреплены права некоторых органов получать сведения, составляющие

---

¹ О банках и банковской деятельности: Закон РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 31 декабря 2017 г.); Гражданский кодекс РФ. Часть вторая: федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 5 декабря 2017 г.).

банковскую тайну. Так, например, Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» дает право избирательным комиссиям требовать от банков информацию, которая необходима для проверки сведений о вкладах кандидатов в депутаты.

В соответствии со ст. 5.3 КоАП РФ, адресатами административной ответственности за не предоставление сведений, запрошенных избирательной комиссией являются любые организации, независимо от форм собственности¹. Поэтому, требования избирательной комиссии о предоставлении таких сведений должно быть исполнено банком.

На основании изложенного представляется возможным констатировать факт, что ряд случаев обязательного предоставления банками сведений, которые составляют банковскую тайну, содержащийся в ст. 26 Закона о банках, не носит исчерпывающего характера.

Так как, в последнее время издается достаточно много таких специальных законов, которые существенно увеличивают состав органов, обладающих правом получать сведения, составляющие банковскую тайну, представляется оправданным определить закрытый перечень данных органов. В ст. 26 Закона РФ «О банках и банковской деятельности» имеется норма, которая устанавливает право банка или иной кредитной организации включать в перечень сведений, подлежащих охране, иные, чем предусмотрено законодательством, сведения, если это не противоречит Федеральному закону. Отсюда следует, что банк вправе самостоятельно уточнить состав сведений, составляющих банковскую тайну, в том числе и сведения о клиенте.

С целью сохранности интересов лиц, которые вступают в отношения с банками, не будет лишним распространить режим банковской тайны на любую информацию, полученную банком в процессе осуществления им профессиональной деятельности. А также рекомендовать на уровне закона ввести определение банковской тайны, четко установив ее границы, и определить закрытый перечень сведений, которые составляют банковскую тайну.

Продолжительное время в научной литературе дискутируется вопрос по поводу императивности положений законодательства о банковской тайне. Согласно закону, если кредитная организация размещает привлеченные денежные средства от своего имени, то речь идет о банковской операции, сведения о которой являются банковской тайной. Банк, согласно договору (если этот пункт прописан в нем), в праве рас-

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (текст с изм. и доп. на 21 января 2018 г.).

торгнуть договор с должником в случае недобросовестного исполнения обязательств по договору в одностороннем порядке. И далее возникает вопрос — является ли банковской тайной сведения о недобросовестном должнике? Банки в кредитных договорах обязательно оговаривают возможность передачи данных по должнику третьим лицам, в том числе и коллекторским агентствам, и клиент подписывается под этими условиями. В большинстве случаев суды признают подобные условия законными. По мнению О. Л. Засимовой, такие действия представляются сомнительными, так как и ст. 857 ГК РФ, и ст. 26 Закона РФ «О банках и банковской деятельности» императивные и не дают банку право нарушать банковскую тайну, даже если такое условие предусмотрено в договоре»¹.

Оставив в стороне спор об императивности, хотелось бы акцентировать внимание на следующем факте. В ст. 857 ГК РФ говорится о том, что банк должен гарантировать не только тайну вклада и операций по счету, но и тайну сведений о самом клиенте. Коллекторское агентство для того, чтобы взыскать задолженность, должно обладать полной информацией о должнике, которую ему предоставляет именно банк. Сведения берутся из кредитного договора, анкеты, опросного листа и т. д. То есть из тех документов, которые предоставляются банку клиентом. Однако банковское законодательство содержит прямое указание на соблюдение режима банковской тайны в отношении информации, которая получена от заемщика. Соответственно, при обращении банка к третьим лицам для взыскания задолженности нарушается банковская тайна.

Резюмируя изложенное, представляется, что для урегулирования вопроса, связанного с банковской тайной, необходимо внести изменения и дополнения в действующее законодательство, которые оптимально бы скорректировали и детализировали институт банковской тайны.

---

¹ Засимова О. Л. Проблемы и предложения по совершенствованию законодательства о банковской тайне на современном этапе // Наука, образование, общество: по материалам нац. науч.-практ. конф. (Тамбов, 30 сентября 2017 г.) Тамбов, 2017. Ч. 2. С. 41–42.

Чельшева Н. Ю.

Уральский институт управления (филиал)

РАНХиГС при Президенте РФ, г. Екатеринбург

Особенности проведения электронного аукциона на закупку медицинских изделий и лекарственных средств

В статье систематизированы особенности осуществления закупок медицинских изделий и лекарственных средств для государственных и муниципальных нужд посредством проведения электронного аукциона. В ходе анализа судебной практики и практики антимонопольных органов выявлена проблема контроля качества поставляемых товаров и предложены способы ее решения путем внесения изменений в законодательство о закупках.

Ключевые слова: закупки; качество товара; медицинские изделия; электронный аукцион.

Согласно п. 2 ст. 39 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) и распоряжению Правительства РФ от 21 марта 2016 г. № 471-р «О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион)» установлено, что закупка медицинских изделий и лекарственных средств должна проводиться в форме электронного аукциона.

Предпосылкой появления электронных аукционов стала борьба со сговорами на торгах¹. Электронная форма проведения аукциона обеспечивает наибольшую степень прозрачности государственных закупок, исключает элементы связи между заказчиком и участником, а также территориальной замкнутости, которые наблюдаются в запросе котировок. Обмен документами и информацией в рамках электронного аукциона между заказчиком и участником закупки осуществляется посредством оператора электронной торговой площадки. Участник закупки имеет право направить заявку на участие в электронном аукционе, составленную на основании требований документации об электронном аукционе, в любой момент до окончания срока подачи заявок.

Краткое описание процедуры электронного аукциона выглядит следующим образом. Заявка на участие в электронном аукционе состоит из двух частей. Первая часть содержит анонимное согласие на поставку товара заявителем, на условиях указанных в документации; а также

---

¹ Головизнин А.В., Свалова Н.А. Правовое регулирование заключения государственных контрактов на поставку товаров. Екатеринбург: Урал. юрид. ин-т МВД России, 2015. С. 49.

характеристики предлагаемого к поставке товара. Вторая часть заявки информацию о предполагаемом поставщике с приложением подтверждающих документов.

Обе части заявки направляются оператору электронной торговой площадки одновременно. До окончания срока подачи заявок участник закупки вправе вносить изменения в содержание заявок. Заказчику первая и вторая части направляются оператором электронной торговой площадки по отдельности. После окончания срока подачи направляются первые части заявок, вторые части направляются заказчику после проведения аукциона в электронной форме. Описанная выше система обеспечивает выполнение принципа обеспечения конкуренции, гарантирующего создание равных условий для участников закупок.

Особенности проведения электронного аукциона на поставку товаров медицинского назначения и лекарственных препаратов можно разделить на три группы. Во-первых, предметом закупки могут быть только медицинские изделия и лекарственные средства, зарегистрированные на территории России в установленном законом порядке. Во-вторых, наличие в законодательстве специальных условий допуска товаров, происходящих из иностранных государств. В-третьих, наличие в законодательстве ограничений к допуску отдельных видов товаров, происходящих из иностранных государств. Все три группы особенностей связаны с предоставлением участником закупки в составе вторых частей заявок на участие в электронном аукционе информации и документов, подтверждающих соответствие товара требованиям, установленным заказчиком в документации об электронном аукционе. Рассмотрим каждую из перечисленных групп подробно.

Из смысла п. 5 ст. 66 Закона о контрактной системе в составе второй части заявки на участие в аукционе по закупке медицинских изделий и лекарственных средств предоставляются копия действующего регистрационного удостоверения медицинского изделия или лекарственного средства, декларацию страны происхождения товара и сертификат по форме СТ-1. Требование в составе заявок участников документов и информации, не предусмотренных законом, не допускается.

Регистрационное удостоверение является документом, подтверждающим надлежащее качество товара. Вместе с тем, до сегодняшнего дня в законодательстве отсутствует правовая норма, закрепляющая обязательное предоставление регистрационного удостоверения на медицинское изделие в составе аукционной заявки. Правовое обоснование данное требование видится в нормах ч. 4 ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и ст. 13 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении

лекарственных средств», согласно которому на территории Российской Федерации разрешается обращение медизделий и лекарственных средств, зарегистрированных в порядке, установленном постановлением Правительства РФ, уполномоченным им федеральным органом исполнительной власти. Кроме того, заказчик вправе установить во второй части заявки требование о предоставлении копии регистрационного удостоверения на медизделия, в том числе в случае, если в проект контракта включено требование о передаче вместе с товаром копии регистрационного удостоверения, так как данное требование исходит из положений п. 2 ст. 456 ГК РФ.

Вместе с тем, практика установления требования о предоставлении в составе заявок регистрационного удостоверения на медизделия, к сожалению, не получила повсеместного распространения. Ввиду отсутствия однозначности правового регулирования, заказчики опасаются возникновения спорных ситуаций, порождающих обращения участников закупки в антимонопольные органы или суды. В связи с этим продолжается использование стандартной формулировки о том, что медизделия должны быть зарегистрированы в порядке, установленном Правительством РФ. Обязанность проверки добросовестности действий поставщика медизделий и лекарственных средств, в таком случае, ложиться на лицо, отвечающее за приемку товара по контракту. С одной стороны контрактная служба и аукционная комиссия снимают с себя ответственность за поставку товаров, не соответствующих требованиям действующего законодательства, с другой стороны — такой подход может повлечь гораздо более серьезные последствия в будущем, создав непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан.

В отношении проверки соответствия закупаемых медизделий и лекарственных средств нормам действующего законодательства, возникают и другие спорные ситуации. В частности, в законодательстве отсутствуют закрепление правомочия аукционной комиссии на удостоверение факта регистрации медизделия. Законом о контрактной системе не предусмотрена обязанность аукционной комиссии руководствоваться наличием сведений о предлагаемом к поставке товаре в базе данных зарегистрированных медизделий. При этом, официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения имеет общедоступный электронный сервис, содержащий в открытом доступе информацию о зарегистрированных медизделиях (изделиях медназначения и медтехники) и лекарственных средства.

Также Законом о контрактной системе не предусмотрена обязанность аукционной комиссии проверять достоверность сведений, предоставляемых участниками. Однако при выявлении комиссией факта предоставления недостоверной информации, она обязана отстранить участника

на основании п. 6.1. ст. 61 Закона о контрактной системе (п. 1 ч. 4 ст. 67 Закона о контрактной системе также содержит аналогичное положение в отношении допуска первых частей заявок участников). Так, аукционная комиссия отклонила первую часть заявки на основании п. 1 ч. 4 ст. 67 Закона о контрактной системе, как не соответствующую требованиям документации электронного аукциона и содержащую недостоверную информацию о продукции. Участник оспаривал решение комиссии на основании того, что Законом о контрактной системе не установлена обязанность аукционной комиссии проверять наличие сведений о товаре в базе данных зарегистрированных медицинских изделий. Суд установил, что на момент рассмотрения комиссией заказчика заявок, а также при рассмотрении жалобы заявителя, сведения о предлагаемом к поставке товаре (подгузниках для взрослых), в реестре медизделий, разрешенных для применения на территории России, отсутствовали. По результатам рассмотрения жалоба участника не была удовлетворена судом, не усмотревшим в действиях аукционной комиссии превышения полномочий.

Приведенный пример показывает необходимость законодательного расширения обязанностей аукционной комиссии по проверке аукционной документации, предоставленной участником, в том числе, путем обращения к открытым информационным ресурсам официальных сайтов контролирующих органов. Законодательное закрепление обязанности участника предоставлять в составе аукционных заявок копий регистрационных удостоверений на предлагаемый к поставке товар, облегчит главную задачу, стоящую перед аукционной комиссией и контрактной службой заказчика — получение качественных изделий медицинского назначения и лекарственных средств, для обеспечения доступной и своевременной медицинской помощи.

Вторая и третья из назывных выше групп особенности закупки медизделий связаны с поддержкой определенных секторов экономики и производств стран-членов Евразийского экономического союза (далее по тексту — ЕАЭС).

Документом, регламентирующим условия предоставления преимуществ при поставке товаров для государственных и муниципальных производящих из государств-членов ЕАЭС, является приказ Минэкономразвития РФ от 25 марта 2014 г. № 155 «Об условиях допуска товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Приказ № 155), основной целью которого является предоставление преимуществ (преференций) для товаров, происходящих из государств-членов ЕАЭС. При осуществлении закупок товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд путем проведения аукциона, в случае если победителем аукциона представлена

заявка, предложение о поставке товаров, происходящих из иностранных государств, за исключением товаров, происходящих из государств-членов ЕАЭС, контракт с таким победителем аукциона заключается по цене, предложенной участником аукциона, сниженной на 15 % от предложенной цены контракта (п. 7 Приказа № 155). Вместе с тем, такая позиция законодателя представляется крайне противоречивой. Зачастую заказчики предпочитают воздерживаться от применения подобной преференции во избежание конфликтных ситуаций с участниками аукциона.

Так, ФГБУ «ФЦССХ» Минздрава России (г. Хабаровск), при заключении государственного контракта применил в отношении победителя понижающий коэффициент при равном положении двух участников аукциона — у обоих в заявках на участие в аукционе товары российского происхождения составляли менее половины стоимости всех предложенных товаров. Победитель электронного аукциона, не согласившись со снижением цены контракта, направил в антимонопольную службу жалобу на действия комиссии заказчика, полагая, что никто из участников аукциона не имел права на преференцию, поскольку заявленный к поставке товар невозможно было поставить преимущественно российского производства. По результатам рассмотрения жалобы действия заказчика признаны неправомерными, так как в силу подп. «в» п. 8 Приказа № 155 понижающий коэффициент не применяется, если в заявках на участие в аукционе отсутствуют предложения о поставке товаров государств-членов ЕАЭС. Следовательно, снижение цены контракта на 15 % ниже предложенной победителем аукциона по п. 7 Приказа № 155 возможно, если победителем аукциона представлена заявка с предложением о поставке товара, происходящего из иностранного государства, в то время как в других заявках на участие в аукционе содержатся предложения о поставке товаров государств-членов ЕАЭС. При последующем судебном обжаловании заказчиком решения антимонопольной службы, арбитражный суд отметил, что поскольку Приказом № 155 не урегулирован случай, когда участниками аукциона в рамках одного лота предлагаются товары, как российского, так и иностранного происхождения в одинаковом для всех заявок соотношении, соответствующее правило о снижении цены контракта с победителем аукциона не подлежит применению¹.

В указанном выше примере обе заявки участников соответствовали требованиям. В случае недобросовестного поведения одного из участников, например, намеренного декларирования страны происхождения товара из государств-членов ЕАЭС, при несоответствии предлагаемого товара

---

¹ Постановление Арбитражного суда Хабаровского края от 20 октября 2015 г. по делу № А73-11216/2015.

требуемым характеристикам, в случае победы участника, предложившего товар иностранного происхождения, в отношении победителя будет применен понижающий коэффициент. В соответствии с п. 9 Приказа № 155 ответственность за достоверность сведений о стране происхождения товара, указанного в заявке, несет участник закупки. На практике, правовые последствия, возникают только у участника, являющегося победителем электронного аукциона, так как данные о стране происхождения содержатся в государственном контракте, заключенном по результатам аукциона. Участник закупки, с одной стороны, несет ответственность за достоверность сведений о стране происхождения товара. С другой стороны, если он не является победителем, выявить недостоверность предоставленных сведений практически невозможно. На практике, ответственность за достоверность сведений, предоставляемых участниками, в том числе и сведений о стране происхождения товара, ложится на конечного покупателя товара — лечебно-профилактическое учреждение, так как именно для заказчика последствия недобросовестного поведения участников могут быть существенными. Аукционная комиссия обязана в случае установления недостоверности информации, представленной участником электронного аукциона в соответствии с ч. 3 и 5 ст. 66 Закона о контрактной системе, отстранить такого участника от участия в электронном аукционе на любом этапе проведения. В свою очередь, обязанность по проверке предоставляемых участником сведений на аукционную комиссию не возложена.

Основной проблемой применения Приказа № 155 на практике, является отсутствие прозрачности в отношении указания страны происхождения товаров, предлагаемых участниками в составе первых частей заявок. Сервис электронных торговых площадок на данный момент позволяет участникам при подаче заявок указывать, претендует ли он на преференции или нет. Предоставление информации об участниках закупки, претендующих на преференции, по итогам рассмотрения первых частей заявок, позволит сделать механизм применения Приказа № 155 действенным, так как зачастую недостаточная осведомленность участников закупки о конкурентной продукции, низкая квалификация специалистов, как со стороны участника закупки, так и заказчика, приводит к заключению государственных контрактов на заведомо невыгодных условиях. Активное включение участников в процесс способа определения поставщика, прозрачность электронного аукциона, позволит избежать ошибок, допускаемыми аукционными комиссиями.

Другим вариантом решения указанной выше проблемы, является предоставление участникам закупки возможности просмотра первых частей заявок участников, после публикации протокола проведения аукциона. На данный момент участники не имеют доступа к просмотру первых

частей заявок участников электронного аукциона. Установление факта предоставления недостоверных сведений в настоящее время возможно только путем анализа заключенного контракта по итогам проведения процедуры определения поставщика, размещенного на сайте единой информационно системы. Указанный порядок исключает возможность обжалования действий заказчика в контролирующем органе в сфере закупок, оставляя участникам возможность защиты прав и законных интересов только в судебном порядке. Полагаем, что в случае доступа к первым частям заявок участников после публикации итогового протокола, или указание, как обязательного элемента итогового протокола, страны происхождения предлагаемого к поставке товара и его производителя, удастся избежать ошибок, связанных с применением понижающего коэффициента, до момента выхода итогового протокола.

Третья особенность проведения электронного аукциона на поставку товаров медицинского назначения связана с условиями и ограничениями к допуску отдельных видов медизделий и лекарственных средств, происходящих из иностранных государств.

Постановлением Правительства РФ № 102, закреплен Перечень медизделий, в отношении которых, при поставке для государственных и муниципальных нужд, действуют ограничения допуска. Заказчик при покупке медизделий, входящих в Перечень, отклоняет заявки участников, предлагающих к поставке иностранные товары, за исключением товаров из государств ЕАЭС. Для применения названной нормы необходимо соблюдение следующих условий: на участие в определении поставщика поданы минимум две заявки, предлагающие к поставке товары страной происхождения которых являются государства ЕАЭС. При этом представленные заявки не должны быть предложением одного производителя (производителя, входящего в одну группу лиц). Документом, подтверждающим страну происхождения товара, предлагаемого к поставке, является сертификат формы СТ-1, выдаваемый Торгово-промышленной палатой. Данный Сертификат выдается только в отношении товаров, произведенных на территории стран, входящих в состав СНГ¹.

Одним из примеров, демонстрирующим ошибки, допускаемые заказчиком в толковании положений Постановления № 102, является ситуация, когда по причине отсутствия в составе вторых частей заявок сертификатов СТ-1 отклоняются заявки участников, предлагающих товары из стран, не входящих в состав СНГ. Так, аукционной комиссией Министерства

---

¹ О Положении о порядке выдачи сертификатов о происхождении товаров формы СТ-1 для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд (для отдельных видов медицинских изделий): приказ Торгово-промышленной палаты РФ от 10 апреля 2015 г. №29.

по регулированию контрактной системы в сфере закупок Иркутской области были отклонены аукционные заявки ООО «Киль-Иркутск». В свою очередь суд указал, что ООО «Киль-Иркутск», предложившее к поставке товар японского производства («Тошиба Медикал Системз Корпорейшн»), в отношении которого не мог быть выдан сертификат формы СТ-1. В связи с этим отклонение заявки было признано судом неправомерным¹.

Для участника закупки, помимо нанесения вреда его деловой репутации, подобное решение аукционной комиссии заказчика может повлечь и негативные имущественные последствия. Отклонение трех аукционных заявок участника на основании п. 1 ч. 6 ст. 69 Закона о контрактной системе в течение одного квартала на одной электронной площадке дает основание оператору электронной площадки заблокировать и перечислить в пользу заказчика денежные средства, внесенные в качестве обеспечения последней заявки. В приведенном примере отражено, что неправомерные действия аукционной комиссии связаны с проблемами в толковании законодательных актов не только представителями заказчика, но и контролирующими органами.

Согласно письму от 10 марта 2016 г. № ОГ-Д28-3661 Минэкономразвития РФ, в случае отсутствия сертификата СТ-1 в составе второй части заявки на участие в конкурсе (аукционе), такая заявка считается содержащей предложения о поставке иностранных товаров и может быть отклонена при наличии двух заявок, удовлетворяющих требованиям документации о закупке. Позиция, сформулированная в указанном выше документе, позволит заказчикам избежать указанных ошибок, разрешение которых ранее было возможно лишь в судебном порядке.

В заключении стоит напомнить, что основной целью заказчика при закупке товаров медицинского назначения и лекарственных средств, является своевременное и качественное обеспечение населения необходимой медицинской помощью. Для достижения указанной цели, на наш взгляд, необходимо: во-первых законодательно закрепить обязанность участников при подаче заявок на участие в конкурентных способах определения поставщика, предоставлять копии регистрационных удостоверений на предлагаемый к поставке товар, соответствующий назначению, указанному при регистрации; во-вторых установить обязанность аукционной комиссии проверять факт регистрации медицинских изделий и лекарственных средств, предлагаемых к поставке; в-третьих, утвердить форму итогового протокола рассмотрения заявок с указанием, как обязательного элемента, страны происхождения предлагаемого к поставке

---

¹ Постановление Четырнадцатого Арбитражного Апелляционного суда г. Вологда от 9 июня 2015 г. по делу № А52-3964/2015 .

товара и его производителя, согласно регистрационному удостоверению, с целью выявления недобросовестных действий участников торгов и устранения возможных ошибок.

Чуркина Л. М.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Судебная практика по применению мер ответственности за нарушения антимонопольного законодательства

Статья посвящена актуальной проблеме применения антимонопольного законодательства. Автор рассматривает судебную практику по делам о нарушениях антимонопольного законодательства. Выделяются и описываются характерные особенности рассмотрения дел арбитражными судами по заявленной в статье проблематике. На основе проведенного исследования автор делает вывод о важности судебной практики для толкования и единообразного применения норм антимонопольного законодательства.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство; конкуренция; Федеральная антимонопольная служба.

Проблематика правового регулирования антимонопольного процесса привлекает все большее внимание исследователей. Это связано с необходимостью решения проблем эффективного правового обеспечения антимонопольной деятельности как неперемennого условия обеспечения качественной реализации государственной политики в экономической сфере, защиты прав частных лиц от неправомерных действий контролирующих органов, обеспечения баланса интересов.

Дела о нарушении требований антимонопольного законодательства и иных нормативных правовых актов о конкуренции рассматриваются арбитражными судами и Федеральной антимонопольной службой Российской Федерации.

Антимонопольное законодательство является сложным при применении на практике. В связи с этим деятельность арбитражных судов по толкованию и единообразному применению Федерального закона «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции)¹ и других антимонопольных правовых актов, несомненно, заслуживает особого внимания, особенно в тех случаях, когда закон некорректно формулирует то или иное понятие. Например, ст. 4 Закона о защите конкуренции рас-

---

¹ О защите конкуренции: федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 23 апреля 2018 г.).

смагивает недобросовестную конкуренцию как осуществление действий субъектами предпринимательского права с целью получения преимуществ в хозяйственной деятельности. Соответственно, бездействие не может быть определено как недобросовестная конкуренция (по крайней мере, так следует из вышеуказанной нормы). Однако в арбитражные суды поступают дела, в которых юридические лица привлекаются к ответственности антимонопольным органом за недобросовестную конкуренцию, выраженную в форме бездействия, в частности, за не предоставление информации о необходимости выплаты дополнительных комиссии или платежей банку.

На практике часто возникают вопросы относительно возможности рассмотрения определенных вопросов, связанных с нарушениями антимонопольного законодательства, в судебном порядке. В постановлениях от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» и от 14 октября 2010 г. № 52 «О внесении изменений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда от 30 июня 2008 г. № 30 „О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства“» Пленум Высшего Арбитражного Суда дает подробные разъяснения относительно рассмотрения споров указанной проблематики. Тем не менее, судьям арбитражных судов постоянно приходится принимать решения, основываясь не на норме закона, а исходя из собственного толкования, учитывая правовые позиции других арбитражных судов.

Согласно практике арбитражных судов, акт, составленный антимонопольным органом, по результатам плановой либо внеплановой проверки подтверждает ее проведения с указанием при необходимости выявленных нарушений, но не предусматривает обязательные требования, следовательно, не порождает прав и обязанностей юридического лица. Исходя из этого, арбитражные суды Поволжского и Московского округа сделали вывод о невозможности оспаривания подобных актов в судебном порядке.

Представляет интерес практика Арбитражного суда Западно-Сибирского округа, Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, Арбитражного суда Уральского округа, касающаяся подведомственности заявлений физических лиц об оспаривании решений или предписаний антимонопольного органа.

В соответствии со ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации арбитражные суды рассматривают экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Однако ч. 1 ст. 52 Закона о защите конкуренции четко регламентирует вопрос подведомственности дел, связанных с оспариванием решений или

предписаний антимонопольного органа. По смыслу данного положения вышеуказанные споры могут быть рассмотрены только в арбитражных судах вне зависимости от субъектного состава участников спора. Соответственно, заявление физического лица об оспаривании решения или предписания антимонопольного органа могут быть поданы в арбитражный суд.

Как показывает арбитражная практика, юридическое лицо, осуществляющее деятельность в отсутствие лицензии или иного специального разрешения, т. е. с нарушением установленного законодательством порядка, может быть признано нарушителем статьи 10 Закона о защите конкуренции. Данное положение запрещает хозяйствующим субъектам, занимающим доминирующее положение на рынке осуществлять действия либо допускать бездействие, что может привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и нарушению интересов других хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и экономической деятельности.

В частности, 23 апреля 2013 г. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации рассмотрел заявление Управления Федеральной антимонопольной службы по Приморскому краю о пересмотре в порядке надзора постановлений нижестоящих арбитражных судов. Изначально Общество с ограниченной ответственностью «ВОС-ТОКСТРОЙСЕРВИС» (далее — «Общество») обратилось в Арбитражный суд Приморского края с заявлением о признании незаконными решения и предписания Управления Федеральной антимонопольной службы по Приморскому краю о нарушении Обществом положений Закона о защите конкуренции. Арбитражный суд первой инстанции признал решения и предписания антимонопольного органа незаконными, поскольку отсутствие у Общества лицензии на право осуществления деятельности по сбору и утилизации твердых бытовых отходов является правовым препятствием для признания юридического лица занимающим доминирующее положение на рынке по утилизации твердых бытовых отходов¹. Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали выводы Арбитражного суда Приморского края.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации отменил решение арбитражного суда, постановление арбитражного апелляционного суда и постановление федерального арбитражного суда отказал в удовлетворении требований заявления Общества, указав, что исходя из фактической деятельности Общества, все признаки хозяйствующего субъекта по Закону о защите конкуренции имелись.

---

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2013 г. по делу № А51-14703/2011.

В практике часто встречаются дела, в которых арбитражные суды признают неправомочность действий антимонопольного органа. Например, юридические лица обращались в суды в связи с тем, что антимонопольные органы принуждали хозяйствующие субъекты в будущих договорах указывать суммы, определенные самим антимонопольным органом. В связи с этим при рассмотрении дел о нарушениях хозяйствующими субъектами установления и поддержания монопольно высокой или монопольно низкой цены товара арбитражные суды неоднократно подтверждали, что антимонопольный орган не может обязывать хозяйствующие субъекты включать рассчитанную по своей методике цену в будущие договоры, поскольку такой расчет не может прогнозировать условия осуществления хозяйственной деятельности.

Очевидно, что практика по делам, связанным с злоупотреблением хозяйствующими субъектами доминирующим положением и заключением антиконкурентных соглашений, будет расширяться. Следующая группа арбитражных дел касается нарушений со стороны органов государственной власти, приводящих к ограничению конкуренции. И, наконец, количество жалоб на ограничения конкуренции на торгах будет увеличиваться.

Представляется, что антимонопольное законодательство недостаточно разработано. Судьи сталкиваются с многочисленными проблемами при рассмотрении дел, касающихся нарушений Закона о защите конкуренции и других антимонопольных нормативных актов.

Ющенко Н. А., Резникова Е. А.

Набережночелнинский институт КФУ, г. Набережные Челны

Правовой статус арбитражного управляющего в деле о банкротстве корпоративных организаций: особенности и проблемы правового регулирования

В статье рассматриваются некоторые особенности правового статуса арбитражного управляющего в делах о банкротстве корпоративных организаций, а также проблемы правового регулирования его деятельности. Автором проанализированы российская доктрина и судебная практика в этой сфере, а также сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства.

Ключевые слова: несостоятельность; банкротство; арбитражный управляющий; правовой статус; ответственность.

Одним из ключевых субъектов отношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) корпораций, является арбитражный управляющий. Однако на сегодняшний день ни в законодательстве, ни в юридиче-

ской доктрине не сформирован однозначный подход к определению его правового статуса, а на практике нередко возникают проблемы, связанные с правовым регулированием деятельности арбитражного управляющего в делах о банкротстве корпоративных организаций.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» закрепляет, что арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулируемую настоящим законом профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой. При проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества. Полномочия, возложенные в соответствии с настоящим законом на арбитражного управляющего в деле о банкротстве, не могут быть переданы иным лицам¹.

В современной юридической науке для объяснения правового положения арбитражного управляющего используют разные теории, которые разрабатываются в целях обозначения юридической природы арбитражного управляющего как субъекта отношений, связанных с несостоятельностью (банкротством). В настоящее время наиболее распространенной теорией арбитражного управляющего является теория представительства. Суть ее сводится к тому, что в рамках отношений неплатежеспособности арбитражный управляющий выступает в качестве представителя. В зависимости от того, чьи интересы он представляет, различают модификации указанной теории: арбитражный управляющий как представитель должника, кредиторов, а также представитель одновременно должника и его кредиторов [2, с. 112–113].

В науке также существуют другие теории арбитражного управляющего, например, теория доверительного управления имуществом должника, теория трудового договора, вещная теория (права арбитражного управляющего можно отнести к ограниченным вещным правам) и публичная теория (судебный управляющий, назначаемый судом от имени государства и контролируемый государством, деятельность управляющего является судебно-управленческой).

Несмотря на неопределенный статус и роль арбитражного управляющего, законодательство о банкротстве достаточно детально регулирует его полномочия, права и обязанности. Стоит отметить, что законом закреплены не только общие права и обязанности арбитражного управляющего в деле о банкротстве должников, но и предусмотрены специальные полномочия арбитражного управляющего в рамках каждой отдельной процедуры несостоятельности (банкротства) корпоративных организа-

---

¹ О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

ций в зависимости от модификации статуса арбитражного управляющего (временный, внешний, административный, конкурсный). Таким образом, на каждой стадии процедуры несостоятельности (банкротства) корпоративных организаций, правовой статус арбитражного управляющего имеет свои особенности.

При указанных обстоятельствах следует вывод, что арбитражный управляющий не может иметь одинаковый правовой статус, а вместе с этим единую теорию его правового статуса. В частности, в юридической доктрине при объяснении правового статуса конкурсного управляющего предпочитают руководствоваться теорией исполнительного производства. Суть указанной теории сводится к тому, что конкурсный управляющий выступает в качестве специального субъекта, которому передается изъятое и образующее конкурсную массу имущество должника в целях его реализации и удовлетворения требований кредиторов [1].

В рамках рассмотрения вопроса законодательного регулирования деятельности арбитражного управляющего в делах о банкротстве особо хочется отметить проблему в правовом регулировании порядка раскрытия информации арбитражными управляющими в делах о банкротстве: действующий порядок с одной стороны приводит к неоправданным расходам (публикация сведений в официальном издании), с другой стороны, зачастую препятствует кредиторам контролировать деятельность арбитражного управляющего (отсутствует механизм по запросу и представлению отдельных документов и информации, не определен перечень таких документов и т. д.).

Также стоит отметить, что на сегодняшний день несовершенен институт привлечения к ответственности арбитражных управляющих. В настоящее время существуют несколько видов ответственности арбитражного управляющего: отстранение судом от исполнения обязанностей за их ненадлежащее исполнение, административная и дисциплинарная ответственность.

Стоит отметить, что на практике наиболее распространено привлечение контролирующим органом арбитражных управляющих к административной ответственности, как правило, только за формальные нарушения (например, нарушение сроков проведения собраний кредиторов, сроков публикаций), при этом особую актуальность приобретает проблема привлечения к ответственности арбитражного управляющего, в силу тех или иных причин не проявляющего должной активности в деле по оспариванию сделок должника, выявлению признаков преднамеренного банкротства или ненадлежащим образом исполняющего свои обязанности по сбору и представлению суду необходимых доказательств.

Кроме того, законом предусмотрена возможность ухода арбитражного управляющего от ответственности путем подачи заявления об освобождении от исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, которое подлежит удовлетворению в безусловном порядке. На практике наличие такой возможности создает угрозу обесценивания самого института отстранения арбитражного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей, поскольку управляющий в случае возникновения реальной угрозы его отстранения всегда может воспользоваться данным способом ухода от ответственности без каких-либо для себя негативных последствий.

Кроме того, нельзя не отметить, что действующие санкции по привлечению арбитражного управляющего к ответственности по формальным основаниям достаточно ограничены и безальтернативны (за повторное совершение правонарушения предусмотрена дисквалификация¹), что на практике затрудняет назначение справедливого и соразмерного наказания и приводит к тому, что суды в некоторых случаях вынуждены обходить эту ситуацию, применяя правила о малозначительности правонарушения и освобождая лицо от ответственности. Представляется, что в данном случае необходимо также предусмотреть штраф как вид наказания за повторное правонарушение, совершенное арбитражным управляющим в деле о банкротстве.

Как видно, правовой статус арбитражного управляющего в делах о банкротстве требует более детального законодательного урегулирования, кроме того на сегодняшний день выявлены недостатки механизма по контролю за деятельностью арбитражных управляющих, что на практике приводит к злоупотреблению арбитражными управляющими своими полномочиями, либо же, наоборот, приводит к не всегда обоснованным мерам ответственности.

Представляется необходимым усовершенствовать институт арбитражных управляющих с учетом имеющейся судебной практики, при этом особое значение стоит уделить отдельным категориям и вопросам, касающимся деятельности арбитражных управляющих, в частности, определить место и роль арбитражного управляющего в делах о банкротстве, «сбалансировать» ответственность арбитражных управляющих, оптимизировать раскрытие сведений о банкротстве, определить исчерпывающий перечень документов и информации, подлежащих раскрытию, а также порядок их предоставления арбитражными управляющими.

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.

Библиографический список

1. *Кораев К. Б.* К вопросу о теориях арбитражного управляющего // Юрист. 2017. № 2. С. 18–21.
2. *Эрлих М. Е.* Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения. М.: Проспект. 2015.

Ягофарова И. Д.

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург

Взаимодействие публичного и частного интересов при ограничении экономических прав граждан в РФ

Одними из основных прав человека являются экономические права граждан, связанные с закреплением и признанием частной собственности, свободой предпринимательской деятельности и т. д. Значимость и содержание этих прав европейцы поняли еще в XVIII веке и уделяют им особое внимание. В России к осознанию значимости экономических прав пришли не так давно, на современном этапе предпринимаются действия по закреплению их гарантий и более эффективной реализации. В статье рассматриваются ограничения реализации экономических прав граждан, связанные с соотношением публичных и частных интересов.

Ключевые слова: экономические права и интересы граждан; ограничение экономических прав и свобод граждан; цели ограничений; баланс публичных и частных интересов.

Признание значимости и ценности экономических прав и свобод личности было признано европейцами еще в период буржуазных революций, что, в том числе, поспособствовало стремительному экономическому развитию европейских государств. В России же реальное закрепление экономических прав и свобод граждан было сделано в Конституции РФ 1993 г., и в 1990-е годы началась активная и масштабная реализация экономических прав граждан. Однако со временем, пришло осознание того, что свободная и безграничная реализация прав и свобод личности, включая и экономические права граждан, абсолютно не отражает интересы государства. В современный период эта проблема приобрела особое звучание в контексте идеи установления ограничений в различных сферах деятельности в целях обеспечения безопасности как государства, так и граждан. Таким образом, мы можем наблюдать позиционирование интересов государства частным интересам граждан и их объединений. В Конституции РФ, в частности в ст. 55, закреплена возможность ограничения прав и свобод в целях обеспечения безопасности, защиты конституционного строя, защиты прав и интересов других лиц и т. д. Наличие подобной возможности зачастую приводит к чрезмерному вмешательству

государства в экономическую сферу и подавлению самостоятельности ее участников¹.

Поскольку сейчас, в рамках происходящих событий и на мировой арене, и в рамках России, актуально говорить о приоритете публичного начала над частным, то вполне логично происходят ограничения частных прав граждан, связанных с экономической деятельностью, что также обусловлено ст. 55 Конституции РФ.

Теоретически ограничение экономических прав граждан в государственно-правовых целях выглядит просто как уменьшение количества вариантов юридически дозволенного поведения путем установления различных пределов, чаще не доводя это до полного запрета. Это выглядит вполне разумно, ибо государство, пытаясь предотвратить хаос и произвол в экономической сфере, устанавливает некие новые правила и пределы, очерчивая «круг» игры.

В практической же сфере это выражается в установлении дополнительных правил при регистрации, к примеру, юридических лиц и получении лицензии на определенные виды деятельности, в установлении новых правил ведения хозяйственной деятельности и отчетности и т. д. Также практические ограничения выражаются в установлении новых мер ответственности в сфере гражданского, административного и уголовного права. Степень императивности этих ограничений напрямую зависит от сферы регулирования. Таким образом, все чаще возникают ситуации, что при ведении экономической деятельности субъект так или иначе может нарушить публичный интерес, поскольку новых правил, пределов деятельности становится все больше и больше. Поэтому вопрос правомерности ограничений стоит достаточно остро, т. к. затрагивает сферу экономического благополучия населения.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что меры по ограничению экономических прав и свобод граждан должны быть четко регламентированы и соответствовать целям, которые указаны в ст. 55 Конституции РФ. Любое вводимое ограничение должно быть обдуманым и разумным. При обсуждении вводимых правил и ограничений должны привлекаться не только заинтересованные лица со стороны государственных органов, но и институты гражданского общества, научное сообщество, что позволит предугадать возможные последствия введения новых правил.

Неправомерное ограничение экономических прав и свобод возможно в нескольких формах. Во-первых, это умаление, то есть изменение каче-

---

¹ Колоткина О. А. Соотношение индивидуального и коллективных интересов в процессе обеспечения национальной безопасности // Вестник гуманитарного университета. 2016. № 4(15). С. 34–38.

ственных характеристик экономических прав и свобод, затрагивающее само существо права и приводящее к утрате его реального содержания. Во-вторых, отмена, которая представляет собой изъятие какого-либо права из содержания экономических прав и свобод. В-третьих, сужение возможностей пользования экономическими правами и свободами настолько, что это противоречит конституционно установленным целям. И последняя форма — необоснованные ограничения, которые под собой не имеют четко прослеживаемых целей и оснований.

Для предотвращения случаев неправомерного ограничения экономических прав и свобод граждан, необходимо, прежде всего, законодательное регулирование данных вопросов, устранение конституционных пробелов. Необходима разработка теоретических и практических рекомендаций по разъяснению целей ограничений экономических прав и свобод, а также пределов этих ограничений

Немаловажную роль в этом процессе имеют правовые позиции высших судебных инстанций, особенно Конституционного Суда РФ, который актуализирует все проблемные вопросы, пробелы, решает вопросы о нарушении положений Конституции РФ. Во многом, благодаря деятельности КС РФ по разъяснению определенных положений в сфере ограничений прав и свобод человека, стало возможным получить достаточно ясные представления о предельности ограничений прав и свобод, в том числе и экономического характера. К примеру, в постановлении Конституционного Суда РФ от 22 июня 2010 г. № 14-П¹ указано, что «Обеспечивая при осуществлении соответствующего правового регулирования баланс частных и публичных интересов в сфере народовластия, федеральный законодатель, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, обязан учитывать, что цели ограничения прав и свобод должны быть не только юридически, но и социально оправданны, а сами ограничения — адекватными этим целям и отвечающими требованиям справедливости; при допустимости ограничения федеральным законом того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату; не-

---

¹ По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Малицкого: постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2010 г. № 14-П.

допустимо искажение в ходе правового регулирования самого существа конституционного права или свободы...». Подобная позиция была также и в определении Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 451-О¹.

В изложенной позиции КС РФ наиболее четко устанавливается баланс взаимодействия публичных и частных интересов при ограничении прав и свобод граждан, в том числе и экономического характера. Но как найти этот баланс на практике — вопрос, который остается открытым и требует дальнейшего изучения и анализа.

---

¹ По жалобе гражданина Бабича Дмитрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2.1 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также пунктом 2 статьи 22 Закона Санкт-Петербурга «О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга»: определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 451-О.

Содержание

- 3 ..... Anisimov A. L., Polyakova E. Is Gazprom a Natural Monopoly in the EU Energy Market?
- 7 ..... Анисимов А. Л. Факторы конкурентоспособности хозяйствующего субъекта: экономико-правовой подход
- 10 ..... Бельдина О. Г. Частноправовые и публично-правовые начала в потребительских отношениях
- 14 ..... Бочков П. В. Оценка уровня конкуренции на рынке жилищного строительства г. Екатеринбурга
- 18 ..... Бурлака С. Н. Разграничение предпринимательской и иной приносящей доход деятельности некоммерческих организаций: проблемы правового регулирования
- 22 ..... Гаврин Д. А. Частноправовые и публично-правовые начала в правовом регулировании банковской деятельности
- 28 ..... Головизнин А. В., Шалаумова Т. В. Влияние публичного элемента на подведомственность гражданских дел третейским судам
- 32 ..... Гордеев П. А. Корпоративные отношения: от публичного к частному
- 38 ..... Елфимова Е. В. Публично-правовые начала установления минимального размера оплаты труда
- 43 ..... Измоденов А. К., Шайбакова Л. Ф. Развитие нормативно-правовой базы внешнего государственного и муниципального финансового контроля в России
- 47 ..... Истомин В. Г. Современные проблемы защиты прав субъектов, нарушенных в результате несоблюдения запретов, установленных антимонопольным законодательством
- 52 ..... Кожевников О. А. Роль Конституционного Суда РФ в защите экономической свободы национальной безопасности Российской Федерации
- 55 ..... Колоткина О. А. Экономическая безопасность личности: понятие, место в системе национальной безопасности Российской Федерации
- 58 ..... Кононенко О. В., Чудиновских М. В. Правовые подходы к регулированию криптовалют: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь
- 61 ..... Кузнецов В. Н. Правовые проблемы создания ТОСЭР в рамках программы ускорения развития городов атомной отрасли на Урале
- 66 ..... Курдюмов А. В. Совершенствование конкуренции на товарных рынках при осуществлении государственного контроля
- 69 ..... Латыпов Р. Т., Резниченко Д. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации
- 73 ..... Малкеров В. Б. Нарушение законодательства при выплате заработной платы
- 77 ..... Малунова З. А. Сочетание частноправовых и публично-правовых средств регулирования предпринимательской деятельности
- 81 ..... Малышенко К. А., Малышенко В. А., Анашкина М. В. Проблемы формирования механизма идентификации инсайдерской деятельности и манипулирования на фондовом рынке
- 85 ..... Мальгинова Ю. Н. Саморегулируемые организации как средство регулирования рыночных отношений и предпринимательской деятельности

- 92.....**Мансуров Г. З.** Проблемы обеспечения баланса норм частного и публичного права при регулировании экономических отношений
- 95.....**Мартыненко И. Э.** Гражданско-правовая защита культурных ценностей: новые подходы в Кодексе Республики Беларусь о культуре, возможности их использования в Российской Федерации
- 99.....**Рассохин А. В.** Особенности правовой экспертизы в России и зарубежных странах, затрудняющие ведение предпринимательской деятельности
- 103.....**Рахимова К. М.** Значение системы государственной регистрации недвижимости для развития предпринимательства и повышения инвестиционного потенциала региона
- 106.....**Симачкова Н. Н.** К проблеме эффективности государственного управления в социально-экономической сфере
- 111.....**Сысоева Т. В.** Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании вопроса о банковской тайне
- 114.....**Чельшева Н. Ю.** Особенности проведения электронного аукциона на закупку медицинских изделий и лекарственных средств
- 122.....**Чуркина Л. М.** Судебная практика по применению мер ответственности за нарушения антимонопольного законодательства
- 125.....**Ющенко Н. А., Резникова Е. А.** Правовой статус арбитражного управляющего в деле о банкротстве корпоративных организаций: особенности и проблемы правового регулирования
- 129.....**Ягофарова И. Д.** Взаимодействие публичного и частного интересов при ограничении экономических прав граждан в РФ

Научное издание

**Проблемы взаимодействия
публичного и частного права
при регулировании экономических отношений**

Материалы II Международной научно-практической конференции
(Екатеринбург, 16 апреля 2018 г.)

Печатается в авторской редакции и без издательской корректуры

Компьютерная верстка: *А. А. Матвеев*

Поз. 87. Подписано в печать 07.11.2018.

Формат 60 × 84 1/4. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 8,3. Усл. печ. л. 7,9. Печ. л. 8,5. Заказ 649. Тираж 12 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета

